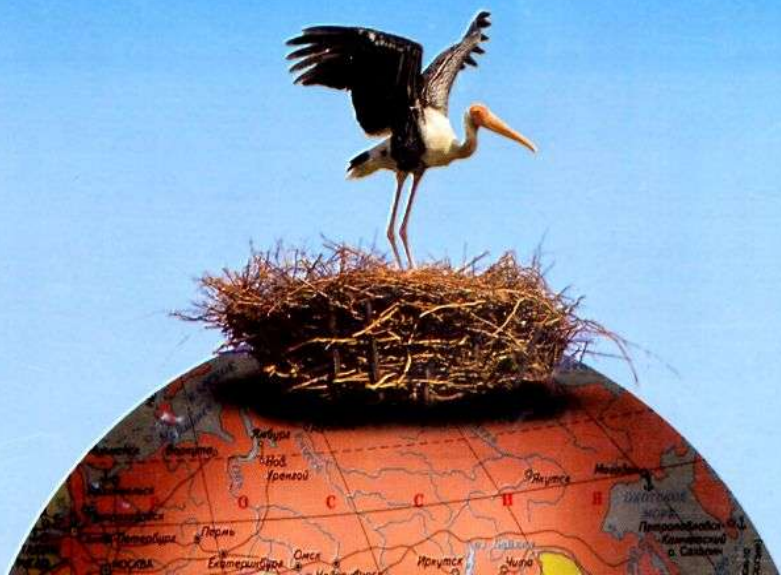

А.Г.Вишнеvский

РОССИЯ

перед
демографическим
выбором

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

А.Г. Вишневский

РОССИЯ

перед
демографическим
выбором

Выступления и интервью

Издательский дом ГУ ВШЭ
Москва 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВРЕМЯ ДЕЛАТЬ ВЫБОР	5
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ДЛЯ РОССИИ	5
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИЛЕММА	30
НЕНУЖНАЯ НАУКА	55
ПЕРЕЖИТЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК.....	55
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЯ, СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ	74
В ДЕМОГРАФИИ ВСЕ СЕБЯ СЧИТАЮТ СПЕЦИАЛИСТАМИ	96
ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОЛЖЕН ВЫТЕКАТЬ ИЗ АНАЛИЗА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО	102
ПОЧЕМУ НЕ РАБОТАЕТ ИНСТИНКТ РАЗМНОЖЕНИЯ?	114
СВОБОДНАЯ ЖЕНЩИНА: «ЗА» И «ПРОТИВ».....	114
КРИЗИС КОНЧИЛСЯ — ЭВОЛЮЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	126
БРАК БЕЗ ШТАМПА В ПАСПОРТЕ	134
ТАБЛИЦА РАЗМНОЖЕНИЯ	142
СНИЖЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ — ЭТО СПОСОБ САМОСОХРАНЕНИЯ	149
ВИНОВНА ЛИ КОНТРАЦЕПЦИЯ В СНИЖЕНИИ РОЖДАЕМОСТИ?	155
НАРОЖАЮТ ЛИ РОССИЯНКИ СТОЛЬКО, СКОЛЬКО НУЖНО СТРАНЕ?.....	159
1,3 РЕБЕНКА. ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ РОССИЯНИНА ДЕЛАТЬ ВЫБОР МЕЖДУ ДЕТЬМИ И КОМФОРТОМ.....	164
ЦЕНИТСЯ Ж У НАС ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ?	171
ЦЕНИТСЯ ЛИ У НАС ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ?	171
НЕ КАК У ВСЕХ	176
ОГЛЯДЫВАЯСЬ БЕЗ ГНЕВА	182
НЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДОЗА.....	189
МИРОВАЯ ДЕРЕВНЯ ЕДЕТ В МИРОВОЙ ГОРОД.....	193
«ТИТАНИК» ПОКА ЕЩЕ ПЛЫВЕТ.....	193

КАКОГО ЦВЕТА БУДЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО К КОНЦУ ВЕКА?	199
ПРИШЕСТВИЕ ХИДЖАБА В ЕВРОПУ	206
С РАСКОСЫМИ ГЛАЗАМИ	213
ПАШУЩИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ	222
У ИММИГРАЦИИ СВОИ КОЗЫРИ	231
ЕСЛИ НЕ СДЕЛАТЬ АФРИКАНЦЕВ ФРАНЦУЗАМИ, ФРАНЦИЯ СТАНЕТ АФРИКОЙ	236
ЛЮДЬМИ, ОКАЗАВШИМИСЯ НА КУЛЬТУРНОМ ПЕРЕПУТЬЕ, ЛЕГКО МАНИПУЛИРОВАТЬ	241
СЕМЬЯ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА ИЗ ГАЗЕТ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ	246
СКОЛЬКО ИМЕТЬ ДЕТЕЙ?	246
ДЕТИ В СЕМЬЕ: БРЕМЯ ИЛИ БЛАГО?	251
С ПОМОЩЬЮ ИЛИ НА ПОМОЧАХ	256
«РЕБЯТИШКИ — ДЕЛО НЕПОКУПНОЕ»	262
БРАК И ЭРОС	265
О БЕДЕ РАЗВОДА И СЕМЕЙНОМ СЧАСТЬЕ	270
СЕМЬЯ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА	276
НАША СЕМЬЯ	282
ПОХВАЛА СЕМЬЕ	291
БРЕМЯ ВЫБОРА	299

ВРЕМЯ ДЕЛАТЬ ВЫБОР

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ДЛЯ РОССИИ¹

Демографическая ситуация в стране такова, что сейчас, по существу, все понимают: демографический фактор будет одним из самых узких мест, сдерживающих развитие России и, вообще, в известном смысле, ставящих под вопрос ее будущее. Об этом и попытаемся немного поговорить. Доклад называется «Демографические альтернативы для России». Попробуем, во-первых, понять, есть ли такие альтернативы, есть ли какая-нибудь возможность ситуацию изменить, а во-вторых, разобраться, какой ценой, потому что без цены ничего не бывает.

«Смертность превышает рождаемость»

Население России с момента первой Всероссийской переписи 1897 г. росло, но не непрерывно, а, наоборот, с перерывами. Таких перерывов на протяжении 20 столетия было четыре (рис. 1). Первый — во время Первой мировой и Гражданской войн. Второй — во время голода 1932—1933 гг. Третий — во время Второй мировой войны. Следующий перерыв обнаружился в 1992 г., когда началось четвертое за столетие сокращение населения, причем впервые в условиях относительно благополучных, без войны. Это сокращение идет до сих пор, и конца ему не видно. Так что, может быть, говорить о «перерыве» в данном случае и не вполне

¹ Публичная лекция, состоявшаяся 15 сентября 2005 г. в клубе «Улица ОГИ» в рамках проекта «Публичные лекции “Полит.ру”».

корректно.

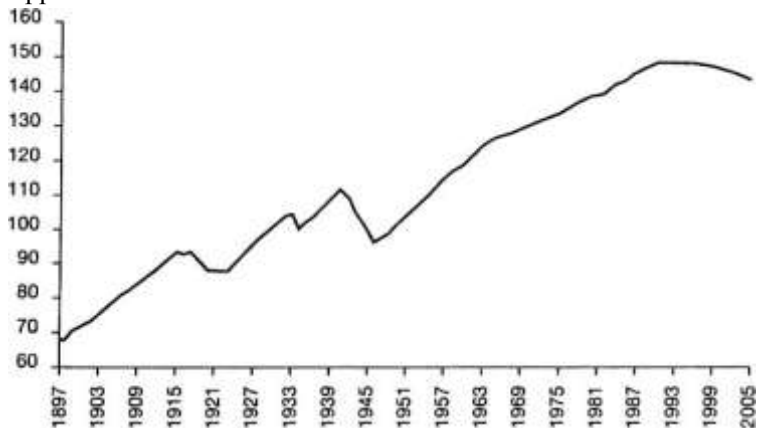

Рис. 1. Численность населения России, 1897—2005 гг.

Конечно, огромный урон населению России нанесли социальные катаклизмы XX в. На графике (рис. 2) вы видите две кривые: сплошная кривая — это то, что было на самом деле, а пунктирная — то, что могло бы быть, если бы тех трех катастроф, о которых я сказал (двух войн, включая революцию и Гражданскую войну, и голода 1933 г.), а также и других потрясений первой половины века — репрессий, депортаций, послевоенного голода — не было. Но остальные, эволюционные процессы закономерны, например снижение рождаемости. И эти процессы без катаклизмов шли бы так, как они и шли, т.е. наиболее вероятным эволюционным путем. В этом случае население России на данный момент превышало бы 250—260 млн человек. В действительности же рост его остановился на уровне 148 млн — это был максимум, достигнутый к 1992 г.

Таким образом, сегодняшнее неблагополучие отчасти было заложено теми потрясениями, через которые Россия прошла в XX в. Когда сравниваются эти кривые, имеются в виду и гибель людей, и люди, не рожденные в результате катастрофических сокращений населения в ходе названных

Фактическая численность.

-----Возможная численность при отсутствии кризисов.

Рис. 2. Численность населения России: фактическая и возможная при отсутствии кризисов.

катаклизмов.

На следующем графике (рис. 3) представлены компоненты изменений численности населения России начиная с 1927 г., т.е. считая от уровня, зафиксированного первой советской переписью населения 1926 г. (это более или менее достоверные данные). Стало быть, первая катастрофа сюда не попадает. Более светлые столбики — это естественный прирост, т.е. разница между смертями и рожденьями, которая всегда была в пользу рождений. Темные — «чистая миграция» (разница между прибывшими и выбывшими), иначе говоря, миграционный прирост (или убыль, когда столбики идут вниз).

Данных за военный период нет. Длинный светлый столбик, идущий вниз — 1933 г. В остальные периоды естественный прирост был все время положительным, хотя он постепенно сокращался, вплоть до 1992 г., когда стал отрицательным. А темные столбики долгое время шли вниз: Россия отдавала свое население, из нее выезжало больше,

чем приезжало. Речь идет, разумеется, не об эмиграции в «дальнее зарубежье», тогда Россия, Советский Союз в

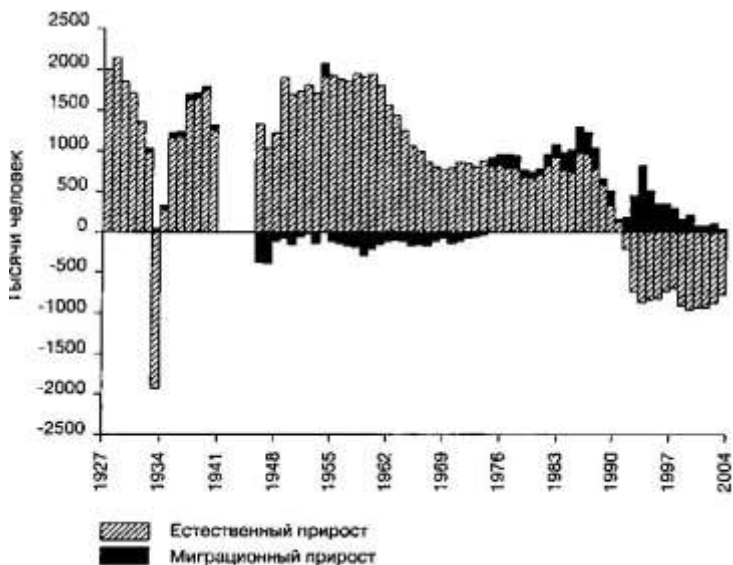

Рис. 3. Компоненты изменений численности населения России, 1927—2004 гг.

массовых масштабах не знали такой эмиграции. Но Россия отдавала население в другие республики Советского Союза. И до середины 1970-х годов чистая миграция для России в обмене с другими советскими республиками была отрицательной.

Потом положение изменилось, и приезжать в Россию — тоже из республик — стало больше людей, чем выезжать из нее. То есть уже тогда начался процесс, который можно назвать по-разному: выталкиванием русских и русскоязычных из республик, репатриацией. Но, во всяком случае, до середины 1970-х годов миграция противодействовала росту населения России, она несколько уменьшала прирост, который обеспечивался за счет превышения числа рождений над числом смертей. А с середины 1970-х годов, наоборот, она

стала к нему прибавляться. И так было до 1992 г.

В 1992 г., как у нас обычно говорят, используя стандартную, но не очень правильную формулу, смертность стала превышать рождаемость. Точнее будет сказать, что число смертей стало превышать число рождений. Я сейчас поясню почему. Естественный прирост, т.е. разница между родившимися и умершими, сделался отрицательным, что и привело к сокращению населения. При этом миграция оставалась положительной, а в начале 1990-х годов была к тому же довольно большой. Она не могла полностью компенсировать отрицательный естественный прирост, но все же замедляла убыль населения.

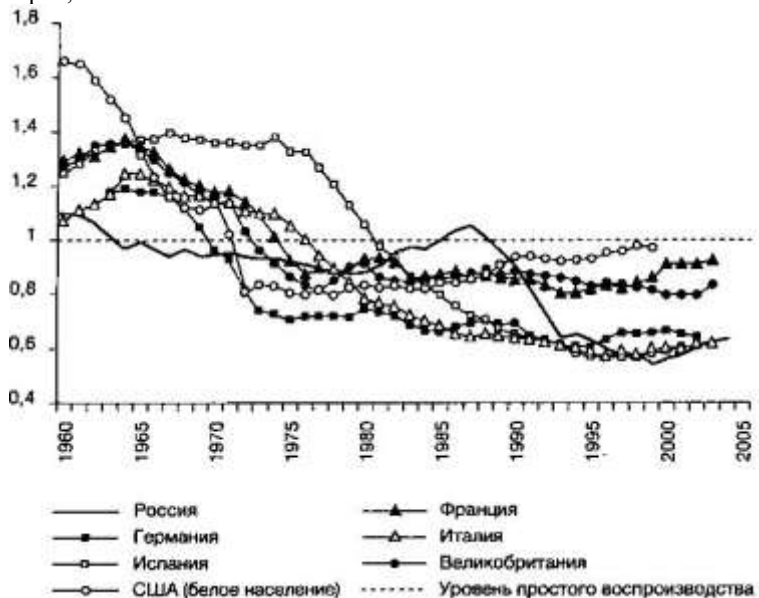
Из графика на рис. 3 ясно видно, что и настоящее, и будущее количество россиян зависит от двух факторов: от естественного прироста (светлые столбики) и от миграции (темные столбики). Если светлые столбики будут идти вниз, то компенсировать это можно только высокими темными столбиками — большим притоком миграции. Если удастся изменить ситуацию с естественным приростом, т.е. добиться того, чтобы смертей было меньше, чем рождений, тогда население России будет расти за счет естественного прироста.

Немного поговорим об этом естественном приросте. На рис. 4 приведен показатель, который тоже позволяет измерять соотношение рождаемости и смертности, но более строго, чем просто сравнивая число рождений и смертей. Он также указывает на превышение смертности над рождаемостью, но при этом указывает, что такое превышение возникло не в 1992 г., когда появился отрицательный естественный прирост, а намного раньше. Этот показатель, который называется *нетто-коэффициент воспроизводства населения*, как раз и используется демографами для того, чтобы оценивать соотношение рождаемости и смертности до того, как оно проявится в соотношении абсолютных чисел рождений и смертей.

Нетто-коэффициент воспроизводства населения (этот диагностический показатель был придуман в 20-е годы XX в.) — число девочек, которые приходят на смену своим матерям.

Если в некотором населении число дочерей, рожденных и доживших до возраста матери, в каждом поколении равно

Рис. 4. Нетто-коэффициент воспроизводства населения некоторых стран, 1960—2004 гг.

числу женщин в материнском поколении, значит население сохраняет свою численность неизменной (нетто-коэффициент равен единице, простое воспроизводство). Если число дочерей, рожденных и доживших до возраста матери, больше числа женщин в материнском поколении, население растет (нетто-коэффициент больше единицы, расширенное воспроизводство), если меньше — убывает (нетто-коэффициент меньше единицы, суженное воспроизводство).

Сейчас почти во всех развитых странах рождаемость не обеспечивает простого воспроизводства населения. Но первыми из крупных европейских стран на этот путь вступили Украина и Россия. Как видно на рис. 4, кривые нетто-коэффициента для разных стран, пересекают прямую, соответствующую уровню простого замещения поколений,

опускаясь ниже нее, в разные периоды 1960-х, 1970-х, 1980-х годов. Здесь названы только крупные страны. Ситуация у всех примерно одинаковая, показатель везде ниже единицы, но хорошо видно, что Россия была одной из первых стран, где он упал так низко. В свое время у нас об этом не любили говорить, публиковать показатель не разрешалось.

Когда нетто-коэффициент падает ниже единицы, с точки зрения демографической диагностики, это означает: если ситуация быстро не изменится (сохраняйся такая ситуация лишь год или два, никаких проблем не было бы), рано или поздно население начнет сокращаться. Какое-то время оно еще будет расти благодаря так называемой демографической инерции, которая накоплена в возрастной структуре: т.к. раньше рождаемость была выше, то еще какое-то время сохраняются относительно многочисленные поколения матерей. Но это может продолжаться только ограниченное время. Если кардинальных изменений не происходит (т.е. если кривые на графике не поднимаются выше пунктирной прямой), то рано или поздно сокращение населения неизбежно. В России за все время с 1964 г. превышение наблюдалось только дважды, в 1987 и 1988 гг., во время горбачевской перестройки и антиалкогольной кампании. Но коренным образом изменить ситуацию эти два года, конечно, не могли. А потом показатель и вовсе рухнул. Но при этом Россия, переживавшая в 1990-е годы трудные перемены, оказалась не в каком-то особом, невиданном положении, как иногда думают, а на одном уровне с рядом других вполне благополучных стран.

Пока нетто-коэффициент воспроизводства населения России остается на уровне ниже единицы (а сейчас он значительно ниже, воспроизводство обеспечивается всего на 62—63%), рассчитывать на преодоление естественной убыли населения не приходится. Изменить ситуацию может только значительное снижение смертности, а главное значительный рост рождаемости, потому что хотя нетто-коэффициент в известной степени учитывает смертность, но в решающей степени он зависит от уровня рождаемости. Если рождаемость опускается ниже критического порога (девочек рождается

столько же или меньше по сравнению с числом женщин в материнском поколении), положение не может выправить даже самая низкая смертность.

Как может повести себя рождаемость?

Сейчас рождаемость в России упала значительно ниже указанного порога, причем это падение едва ли можно считать временным или случайным. На рис. 5 приведено сравнение России с другими странами по показателю, который называется *коэффициент суммарной рождаемости* и обозначает число рождений на одну женщину. Его динамика довольно близка к динамике нетто-коэффициента воспроизводства, о котором речь шла выше. Так же, как и нетто-коэффициент, коэффициент суммарной рождаемости не зависит от возрастной структуры.

Мы видим, что хотя траектории изменений рождаемости в разных странах различались, тенденции изменений — да и результаты — были достаточно сходными, и Россия, несмотря на некоторые отклонения, не выпадает из общего ряда.

Рис. 6 отображает положение России по коэффициенту суммарной рождаемости среди других стран в 2003 г. Россия занимает среднее положение в числе 25 представленных на графике стран: рождаемость у нас выше, чем, например, в Италии, Японии или Польше. В то же время она существенно ниже, чем в таких странах, как Великобритания, Франция и США. Наши ближайшие соседи в ранжированном списке — Германия и Испания. График демонстрирует, что все страны, чьи показатели на нем отражены, объединяет общая черта: ни в одной из них рождаемость не обеспечивает даже простого воспроизводства населения, не говоря уже о расширенном.

Ибо для того чтобы нетто-коэффициент воспроизводства, о котором речь уже шла, был равен единице (простое воспроизводство), должно рождаться примерно 2,2 ребенка на одну женщину, а при низкой смертности — 2,1. Но даже в наиболее благополучной в демографическом отношении

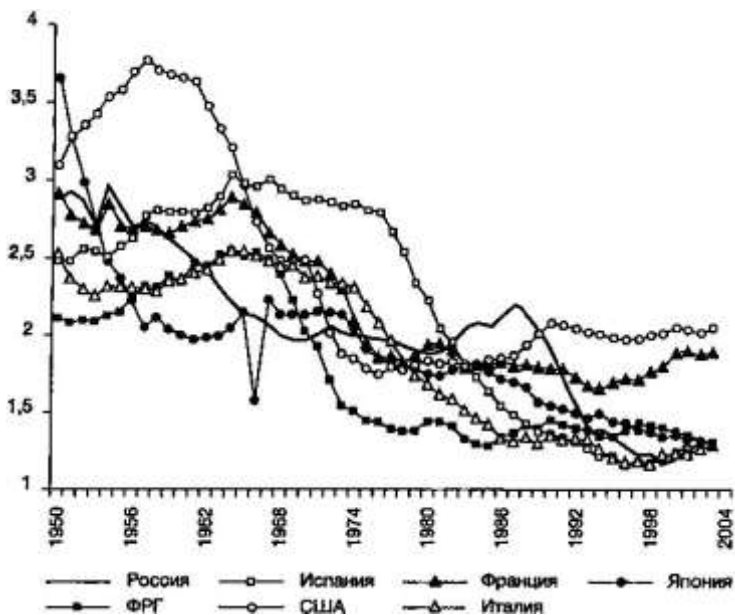

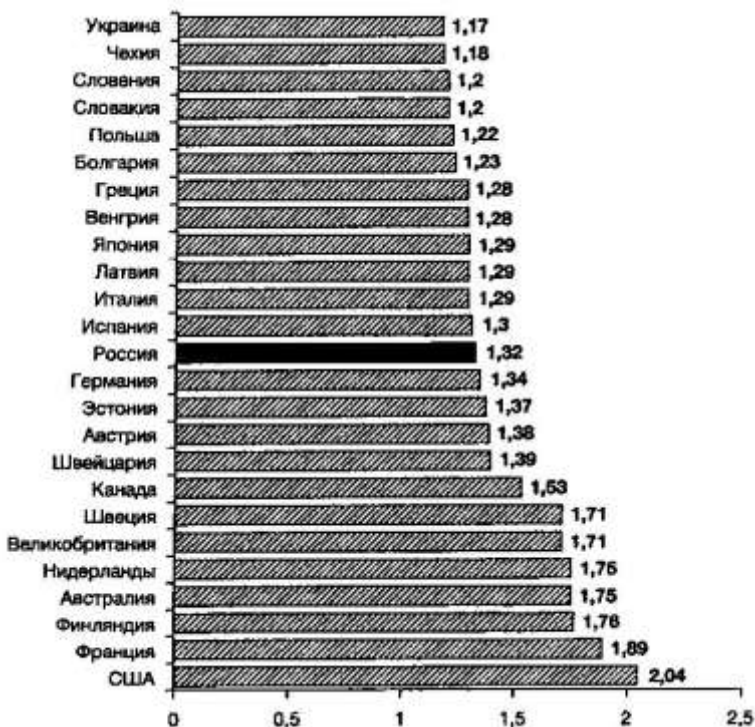
Рис. 5. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых странах, 1950—2004 гг.

Америке этот показатель не достигается. Он не обеспечивается ни в одной европейской стране — лучшая в этом отношении Франция имеет всего 1,9.

Таким образом, проблема низкой рождаемости — отнюдь не российская особенность, она есть у всех, рождаемость не обеспечивает простого возобновления поколений ни в одной из развитых стран.

Можно ли как-то повлиять на уровень рождаемости, переломить тенденцию ее падения? Однозначного ответа на этот вопрос дать нельзя. Значительное повышение рождаемости представляется маловероятным, потому что не

Рис. 6. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых странах в 2003 г.

видны механизмы, за счет которых это могло бы произойти. Во второй половине XX в. во многих европейских странах предпринималось немало попыток остановить падение рождаемости, добиться ее повышения, однако если результаты таких попыток и были, то очень скромные и временные. Об этом говорят, в частности, и графики на рис. 5 и 6, свидетельствующие о повсеместном преобладании тенденции к снижению рождаемости и о достижении ею очень низких уровней.

Тем не менее, положение в разных странах не одинаково, и имеющийся мировой опыт можно истолковать таким

образом, что исключать некоторого повышения рождаемости в России — скажем до уровня стран, расположенных в нижней части графика на рис. 6, — нельзя. Правда, это все равно уровень, который не обеспечивает простого воспроизводства населения. К тому же 2,2 рождения на женщину, необходимые для простого воспроизводства,—это теоретический уровень для стабильных условий. А в нынешней России для прекращения естественной убыли населения необходимо сначала компенсировать малочисленность женских поколений, появившихся в период спада рождаемости в 1990-е годы, для чего нужно хотя бы на какое-то время коэффициент суммарной рождаемости повысить до 2,5—3 рождений на 1 женщину, т.е. до уровня, который наблюдался в России в 1950-е годы, когда больше половины населения страны было сельским. Подобный рост маловероятен, но все же не будем полностью исключать и такой возможности.

В то же время нельзя исключить и того, что рождаемость будет и дальше снижаться, как это и происходило на протяжении всего XX в.

С учетом сказанного, прогнозируя возможные изменения рождаемости в будущем, мы — имеется в виду наш Центр демографии и экологии человека (ЦДЭЧ) — рассматриваем их в достаточно широком диапазоне, как это представлено в табл. 1.

Таблица 1. Коэффициент суммарной рождаемости в России по прогнозным сценариям ЦДЭЧ (2003) и ООН (2004)

Сценарии	Автор прогноза	2000—2005	2045—2050	2095—2100
Высокий	ЦДЭЧ	1,35	2,14	2,50
	ООН	1,17	2,35	2,35
Средний	ООН	1,14	1,85	2,08
Низкий	ЦДЭЧ	1,13	0,95	0,95

В таблице наряду с нашим прогнозом представлен и прогноз, выполненный экспертами ООН. Границы возможных

изменений показателя у нас намного шире, чем в прогнозе ООН, хотя мы, конечно, понимаем, что вероятность реализации наших крайних предположений не так уж велика. Тем не менее методика нашего прогноза, о которой будет сказано ниже, позволяет учесть и их.

Как может повести себя смертность?

Если по тенденциям и уровню рождаемости Россия не отличается от большинства развитых стран, то по тенденциям и уровню смертности, напротив, наши отличия — в худшую сторону — очень велики. Смертность у нас крайне высока для современной промышленно развитой, городской страны.

На рис. 7 представлены графики ожидаемой продолжительности жизни в России и нескольких других странах. Ожидаемая продолжительность жизни — это корректный измеритель смертности, не зависящий от возрастной структуры.

Мы видим, что, начиная с середины 1960-х годов, в России прекратился рост продолжительности жизни, начался откат. Некоторое улучшение в 1987—1988 гг. не изменило общей тенденции, а в какой-то мере даже подготовило последующий спад. Бросается в глаза разрастающийся разрыв, «ножницы» между Россией и всеми остальными странами. На графике приведены данные по США, Франции, Швеции, Японии, можно было бы еще десяток стран добавить, но общей картины нашего отставания это бы не изменило. У женщин положение немножко лучше, чем у мужчин, но качественно картина та же, тот же самый разрыв, и никаких признаков улучшения положения.

К концу XX в. отставание России от других развитых стран по показателю продолжительности жизни, особенно у мужчин, стало примерно таким же, а иногда и большим, чем было в его начале, когда Россия была отсталой аграрной страной (табл. 2).

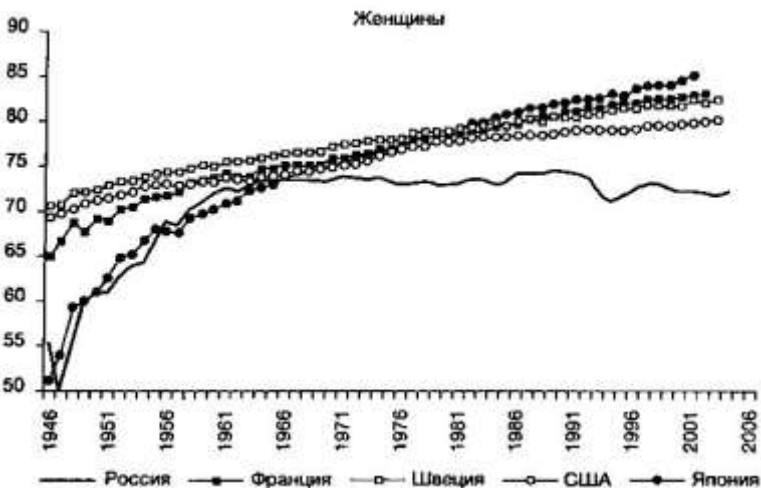
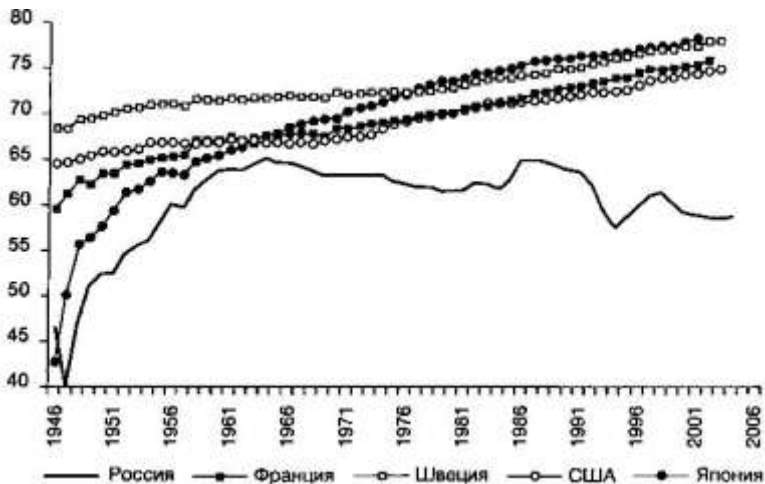

Рис. 7. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин при рождении в некоторых странах, 1946—2003 гг., лет

Таблица 2. Отставание России по ожидаемой продолжительности жизни в начале и в конце XX в., лет

Год	От США	От Франции	От Швеции	От Японии
Мужчины				
1900	15,9	12,7	20,3	14,5
2000	15,2	16,5	18,5	18,7
Женщины				
1900	16,2	14,1	20,8	13,1
2000	7,5	10,8	9,9	12,4

Как будет меняться российская смертность в будущем?

При прогнозировании смертности неопределенности не меньше, чем при прогнозировании рождаемости. Сегодняшних знаний и интуиции хватает лишь на то, чтобы очертить обширную область изменений, за пределы которой показатели смертности с высокой вероятностью не выйдут. Верхняя ее граница определяется крайне оптимистическим предположением, что ожидаемая продолжительность жизни в России будет увеличиваться такими же темпами, как в Европейском Союзе в 1970—2000 годах (на 0,23—0,24 года за год). При определении нижней границы принимается, что даже при неблагоприятном развитии событий ожидаемая продолжительность жизни при рождении не опустится ниже 57 лет у мужчин и 71,5 года у женщин.

Сравнение с другими прогнозами показывает, что предполагаемые различными авторами прогнозов значения ожидаемой продолжительности жизни всегда находятся внутри области, очерченной верхними и нижними значениями прогноза ЦДЭЧ (см., например, рис. 8).

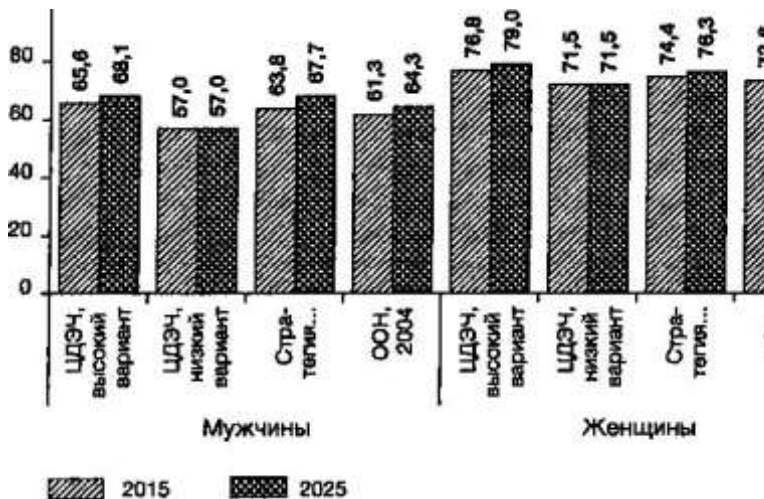

Рис. 8. Предполагаемые значения ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин в 2015 и 2025 гг. согласно трем различным прогнозам, лет

Источники: Прогноз ООН: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects: The 2004 Revision // <http://esa.un.org/unpp/>; Архангельский В.Н. и др. Стратегия демографического развития России. М., 2005. С. 135.

Каким может быть миграционный прирост?

Прежде, чем двинуться дальше, надо сказать несколько слов о миграции.

Миграционный приток в Россию наблюдается уже несколько десятилетий, но он никогда не был очень большим (темные столбики на рис. 3). В России широко распространены представления, согласно которым роль миграционной составляющей в формировании населения России в будущем не должна принципиально измениться.

Однако возможно, что эти представления отражают скорее желаемое, а не действительное, на деле же достаточно велика вероятность того, что иммиграция в Россию

приобретет совершенно новую роль и станет ключевым фактом демографического роста. Высокая вероятность нарастания миграционного притока в Россию вытекает из весьма значительной заинтересованности в нем обеих взаимодействующих сторон: и России как принимающей страны, и стран — миграционных доноров.

В то же время имеющийся западный, а также и собственный, более скромный опыт приема крупных масс иммигрантов, свидетельствует не только о растущей роли иммиграции как важного источника демографического и экономического роста, но и о том, что крупномасштабная иммиграция порождает в принимающих обществах немалые экономические и социальные проблемы. Это укрепляет и без того сильные антииммиграционные настроения, существующие в российском обществе, и способно оказать серьезное тормозящее воздействие на приток населения извне.

Таким образом, и прогноз миграции приходится делать в условиях достаточно большой неопределенности. Здесь возможны два подхода.

Первый из них основан на экстраполяции наблюдавшихся в последние десятилетия тенденций динамики чистой миграции (разницы между эмиграцией и иммиграцией) в Россию, что не предполагает больших изменений ни самих этих тенденций, ни миграционной политики государства (миграция зависит от государственной политики гораздо больше, чем рождаемость или смертность). В начале 1990-х годов Россия пережила кратковременный всплеск иммиграции, но он быстро сошел на нет, и регистрируемая чистая миграция стала сокращаться.

При определении верхнего и нижнего пределов возможных объемов чистой миграции с целью экстраполяции ее тенденций на будущее учитываются тенденции последней четверти XX в., когда ежегодный миграционный прирост населения России редко поднимался до 200 тыс. человек.

Нижний предел величины миграционного прироста устанавливается на крайне низком уровне и, в соответствии с настроениями некоторой части российского общества,

внешняя миграция перестает играть сколько-нибудь заметную роль в динамике численности населения России.

Второй способ учета внешней миграции в долговременном демографическом прогнозе, дающий основание назвать такой прогноз стабилизационным (в отличие от предыдущего, который можно назвать экстраполяционным), основан на предположении, что в результате активной миграционной политики государства ежегодные объемы иммиграции в Россию будут резко повышены — до уровня, который позволит полностью компенсировать естественную убыль населения и стабилизировать его численность. При таком подходе к прогнозу миграционного прироста его ежегодные объемы зависят от того, как будут изменяться рождаемость и смертность (ими обусловлена естественная убыль населения), и определяются в процессе имитационного прогнозирования. Поэтому они не представляют собой заранее заданной дискретной величины, а принадлежат к области значений, каждое из которых реализуется с той или иной вероятностью. Но в любом случае речь идет об очень больших объемах чистой миграции. Судить о них позволяют медианные значения вероятностного прогноза: порядка 900 тыс. человек в год в первой четверти нынешнего столетия и 1200 тыс. — в период между 2025 и 2050 г.

Использование двух подходов к прогнозированию миграции приводит к разработке двух вариантов общего прогноза численности и возрастного состава населения, которые различаются именно тем, какие предположения заложены в основу прогнозирования миграции. Эти варианты тоже естественно назвать экстраполяционным и стабилизационным.

При экстраполяционном прогнозе миграция остается в привычных для нас размерах, а касающиеся ее будущих изменений гипотезы учитываются при прогнозировании точно так же, как и гипотезы рождаемости и смертности: верхняя и нижняя границы определяются заранее, до проведения окончательных прогнозных расчетов.

При стабилизационном же прогнозе оценивается тот объем миграции, который необходим для стабилизации численности населения России (в наших расчетах принималась его численность на начало XXI в., т.е. 144 млн человек) при принятых предположениях в отношении рождаемости и смертности. Рождаемость и смертность задаются в возможных пределах, а миграция, необходимая для того, чтобы численность населения оставалась постоянной, определяется в ходе расчетов.

Что такое вероятностный прогноз?

В отличие от «традиционных» прогнозов (прогноза ООН и всех имеющихся отечественных прогнозов) прогноз ЦЦЭЧ — вероятностный.

При «традиционном» прогнозировании задаются некоторые дискретные значения уровней рождаемости и смертности, которые затем объединяются между собой произвольным образом. Скажем, наиболее благоприятные допущения в отношении рождаемости объединяются с наилучшими предположениями в отношении смертности, и такой вариант называется «верхним». Объединение «средних» допущений, касающихся рождаемости и смертности, дает, соответственно, «средний» вариант прогноза и т.д. Однако никаких объективных оснований для подобного объединения нет. Конечно, возможны самые различные комбинации будущих тенденций рождаемости и смертности. Нельзя заведомо исключить даже самые благоприятные из них, когда значительное повышение рождаемости сочетается с резким снижением смертности. Но такое сочетание маловероятно. Для большинства современных благополучных развитых стран характерно, скорее, сочетание снижения смертности со снижением, а не ростом, рождаемости.

Вероятностный прогноз строится иначе. Мы уже видели, что в прогнозных сценариях ЦЦЭЧ определяются лишь верхняя и нижняя границы некоторой области непрерывных значений переменных, характеризующих возможные уровни

рождаемости и смертности. Соответственно и сам прогноз — это объединенный результат серии стохастических имитаций возможных комбинаций сценарных переменных (рождаемости, смертности, а при экстраполяционном варианте и миграции). Каждая такая имитация — это независимый прогноз для комбинации сценарных переменных, возникающей в случайном порядке при условии нормального распределения вероятностей появления любого из сценариев их изменений.

Таким образом, преодолевается субъективизм при объединении различных не жестко зависящих друг от друга сценариев изменений каждой переменной, а результаты прогноза указывают не на одну единственную траекторию развития, а на «пучок» траекторий, каждая из которых может реализоваться с большей или меньшей вероятностью. Все вместе они покрывают область значений, за пределы которой с вероятностью 0,95 не выйдут будущие параметры воспроизводства населения России¹.

Экстраполяционный демографический прогноз

На рис. 9 отражены результаты вероятностного экстраполяционного прогноза. Заштрихованное поле покрывает все множество вариантов, которые могут осуществиться с той или иной вероятностью. На графике показана реальная динамика, до начала прогноза: население росло, потом стало сокращаться. Дальше с вероятностью 0,5 (медианное значение прогноза) численность населения России будет продолжать убывать — до 98 млн человек

¹ Подробнее см.: Население России. 2002: Десятый ежегодный демографический доклад. М., 2004. С. 173—175.

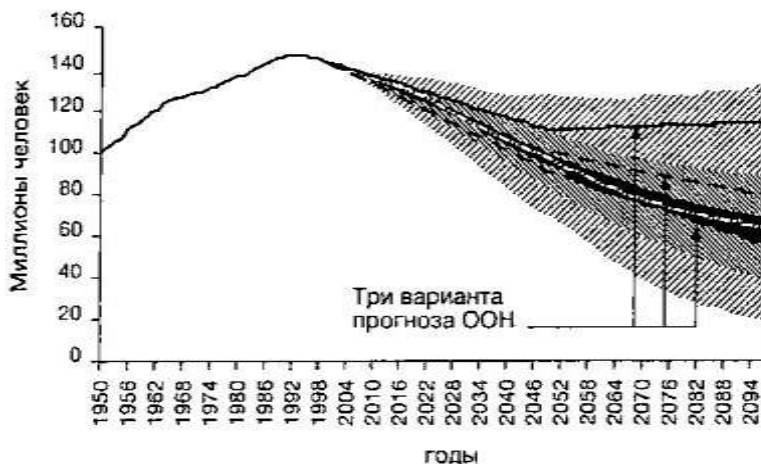

Рис. 9. Численность населения России по экстраполяционному прогнозу ЦЦЭЧ при разных доверительных вероятностях и по прогнозу ООН

(численность населения России в конце 1940-х годов) в 2050 г. и до 64 млн в 2100 г. Но это, конечно, не единственный возможный вариант, в пределах заштрихованной области их бесчисленное множество, и прогноз указывает вилку, в которой может находиться численность населения страны с той или иной доверительной вероятностью. Если, как было сказано, с 50-процентной вероятностью в 2050 г. население России составит 98 млн человек, то с большей уверенностью можно утверждать, что оно окажется в вилке от 88 до 112 млн, т.е. может быть и меньше, и больше 98 млн.

График свидетельствует о том, что не исключен, хотя и маловероятен, даже поворот — где-то во второй половине века — к небольшому росту численности населения, что, по-видимому, соответствует устойчивому сочетанию благоприятных показателей рождаемости и смертности. Но даже и в этом случае население России в 2100 г. будет меньше, чем в 2000 г.

Если дела пойдут таким образом, то Россия очень быстро потеряет свое место среди крупнейших по населению стран мира. Медианное, усредненное значение нашего прогноза (98

млн человек в 2050 г.) очень близко к среднему варианту прогноза ООН (2002) на эту дату (101,5 млн). Как видно из табл. 3, Россия в 1950 г. входила в число мировых гигантов, занимала четвертое место по численности населения среди стран мира, а в 2000 г. — шестое. Сейчас она уже отодвинулась на восьмое место, потому что две страны, Пакистан и Бангладеш, за это время обогнали ее. По прогнозу же ООН, к 2050 г. Россия откатывается на восемнадцатое место в мире по численности населения, т.е. она становится рядовой страной, пропустившей вперед себя самые разные страны, в том числе и такую, как Япония, которая имеет низкую рождаемость, но все-таки при этом там самая низкая в мире смертность, и такую, как Нигерия, где, несмотря на высокую смертность, население растет очень быстро в силу предельно высокой рождаемости (в 1950 г. население Нигерии составляло 30 млн человек, т.е. было в 3,5 раза меньше российского). Доля России в 1950 г. превышала 4% населения мира (а доля Российской империи в начале века была больше 8%). В 2050 г. доля России в численности населения планеты будет на уровне 1%, и ей будет очень трудно удержать 13% мировой суши, которой она владеет.

Таблица 3. Ранговое место России в мире по численности населения: фактическое в 1950 и 2000 гг. и по среднему варианту прогноза ООН пересмотра 2002 г. в 2050 г.

1950			2000			2050		
Ранг	Страна	Население, млн	Ранг	Страна	Население, млн	Ранг	Страна	Население, млн
1	Китай	554,7	1	Китай	1275,1	1	Индия	1531,4
2	Индия	357,6	2	Индия	1016,2	2	Китай	1395,2
	СССР	178,5						
3	США	157,8	3	США	285,3	3	США	408,7
4	Россия	102,7	4	Индонез	211,6	4	Пакистан	348,7
			5	Бразилия	171,8	5	Индонезия	293,8
			6	Россия	145,6	6	Нигерия	258,5
						7	Бангладеш	254,6
						8	Бразилия	233,1
						9	Эфиопия	171
						10	Дем. Респ. Конго	151,6
						И	Мексика	140,2
						12	Египет	127,4
						13	Филиппины	127
						14	Вьетнам	117,7
						15	Япония	109,2
						16	Иран	105,5
						17	Уганда	103,2
						18	Россия	101,5

Доля России в мировом населении, %

4,10	2,40	1,10
------	------	------

Примечание. Согласно среднему варианту более позднего прогноза ООН (2006), ситуация в 2050 г. будет несколько иной, Россия с населением 108 млн человек окажется на 15-м месте, обойдя Японию, Иран и Уганду.

При экстраполяционном прогнозе эта доля тоже растет, но не очень заметно: через 100 лет их будет 10—12%. Ничего

страшного, Россия переваривала и больше. Но если реализуется стабилизационный вариант, то при удержании численности населения России на уровне 144 млн человек доля иммигрантов и их потомков уже к 2050 г. поднимется до 35%, а к 2100 г. превысит 60%. Это будет уже другая страна, другое население.

Разумеется, возможны промежуточные варианты. Допустим, мы не удерживаем 144 млн в 2050 г., но не опускаемся и до 98 млн, останавливаемся на уровне, скажем, 125 млн, в этом случае число иммигрантов и соответственно их доля будут меньше. Потребность в мигрантах будет также тем меньше, чем лучше будут показатели рождаемости и смертности. Никто не настаивает на абсолютной точности приведенных цифр, тем более что речь идет о достаточно отдаленных временах.

Но все же порядок величин надо понимать, и масштаб угроз надо видеть трезво. Коридор возможностей не так уж велик, его можно чуть-чуть сузить или расширить, но не более того.

Посмотрим на возрастную пирамиду населения 2050 г., которая соответствует медианным значениям стабилизационного варианта прогноза (рис. 11). Более светлая сердцевина — это нынешнее население и его потомки, а темные края — иммигранты и их потомки. Внизу их будет больше, т.к. нижние пласты пирамиды — это молодое население. По мере омоложения пирамиды мы видим большую долю приезжих. А через 100 лет она будет выглядеть так, как изображено на рис. 12: более светлая сердцевина — это мы и наши потомки, а темные края — приехавшие и их потомки. Такова плата за сохранение численности населения России.

На этом, наверное, можно остановиться, потому что стоящие перед Россией демографические альтернативы, мне кажется, абсолютно ясны.

В заключение необходимо сказать, что ни одна из названных альтернатив не внушает большого оптимизма, и это многим не нравится. «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман».

Рис. 11. Мигранты и их потомки в 2050 г. Медианные значения стабилизационного прогноза

Примечание: 1 — жители России 2000 г. и их потомки; 2 — мигранты и их потомки.

Рис. 12. Мигранты и их потомки в 2100 г. Медианные значения стабилизационного прогноза.

Примечание: 1 — жители России 2000 г. и их потомки; 2 — мигранты и их потомки.

У нас еще широко распространено доктринальное мышление, которое не понимает вероятностной природы социальных процессов, не желает рассматривать всю гамму возможных прогнозов, а концентрирует внимание только на

одном или на некоторых, может быть, и наиболее благоприятных, но далеко не самых вероятных.

Немало и тех, кто считает, что прогнозы, подобные нашим, сгущают краски, и вообще дело не в объективной демографической ситуации, а в нежелании или неумении (государства, общества, политиков, «олигархов» и т.п.) «управлять» демографическими процессами. Обычно эти упреки слышны со стороны людей, которым самим хочется «порулить» (а иногда они и рулят некоторое время довольно бесславно). Часть подобных упреков достается и исследователям, которые выдвигают якобы ложные альтернативы вместо того, чтобы дать четкую программу действий «рулевым».

Представьте себе человека, который приходит к врачу с жалобой на свое здоровье. Положение серьезное, говорит врач, вам надо совершенно изменить образ жизни, самому измениться, иначе вы умрете. Нет, говорит больной, такой диагноз мне не подходит. Пойду, поищу другого врача, который поставит мне более приятный диагноз.

Примерно так ведут себя многие чиновники и политики, да и общественное мнение (не только в России), когда обнаруживают, что демографические процессы не поддаются контролю и развиваются в крайне нежелательном направлении. Они не хотят слышать сурового диагноза. А это крайне опасно.

Наш прогноз — это прогноз-предостережение. Наиболее частые упреки, которые приходится выслушивать, будто цель такого прогноза заместить население России иммигрантами и т.д. — не имеют ничего общего с действительностью. Ничего подобного мы не предлагаем, это вообще не наше дело. Мы лишь указываем на высокую вероятность того, что в силу целого ряда объективных причин — и демографических, и экономических, и социальных — избежать притока крупных масс мигрантов в Россию не удастся. Поэтому надо сделать все возможное, чтобы ослабить вытекающие из такого развития событий угрозы, а если получится, то и превратить его слабые стороны в сильные.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИЛЕММА¹

Насколько серьезна, с вашей точки зрения, российская демографическая ситуация, которую аналитики приписывают резкому росту смертности и падению рождаемости в 1990-е годы?

При вступлении в XXI в. России досталось очень тяжелое демографическое наследие. О конкретных его сторонах я скажу ниже, отвечая на другие ваши вопросы, сейчас же ограничусь лишь одним замечанием. Объяснять нынешнюю демографическую ситуацию событиями 1990-х годов могут неосведомленные люди — «люди с улицы», не очень грамотные журналисты, а также политически ангажированные или ностальгирующие лица, для которых нынешняя демографическая ситуация — неотъемлемая часть того «плохого», что они видят во всем новом. Ниже я попытаюсь пояснить свою мысль.

Давайте начнем со смертности. Она ненормально высока у мужчин в рабочих возрастах. Какие специфические факторы обусловили эту неблагоприятную статистику в 1990-е годы?

В России — да и за ее пределами — все убеждены, что в 1990-е годы в России произошел огромный, «небывалый в мирное время» подъем смертности. В свое время на него даже ссылались сторонники импичмента президента Ельцина, якобы повинного в «геноциде российского народа». Между тем, дело обстоит не так просто.

Действительно, в начале 1990-х годов в России, как у мужчин, так и у женщин, почти во всех возрастных группах резко выросло число смертей. За 5 лет — с 1990 по 1994 г. —

¹ Интервью профессору Колумбийского университета, директору Центра по изучению переходных экономик Падме Десаи, ноябрь 2003 г. На русском языке публикуется впервые (*Vishnevsky A. Demographic Dilemmas// Padma Desai. Conversation on Russia: Reform from Yeltsin to Putin. Oxford University Press, 2006. P. 309—324).*

оно было на 1742 тыс., или на 22%, больше, чем за предыдущее пятилетие, а у мужчин превышение составило даже 32%. Ожидаемая продолжительность жизни, достигшая своего исторического максимума в 1987 г. (65 лет для мужчин и 74,6 года для женщин), в 1994 г. опустилась до значений, невиданных с конца 1950-х годов — момента, начиная с которого в России имеются регулярные данные об этом показателе (57,5 года для мужчин и 71 год для женщин). Однако все эти показатели — «поперечные», отражают ситуацию конкретных календарных лет.

Что вы имеете в виду?

Они зависят от экономической или политической конъюнктуры, которая может приводить к сдвигу календаря смертности и к «сгущению» или «разреживанию» числа смертей в те или иные годы. Именно такого рода изменения происходили в России между 1985 и 1995 гг. В 1985 г. сложившиеся к этому времени тенденции динамики смертности резко нарушились вследствие начавшейся весной 1985 г. антиалкогольной кампании, наступило временное значительное улучшение, годовые числа смертей сократились, и вымирание поколений замедлилось. Но это улучшение длилось недолго, и на первую половину 1990-х годов пришлось большое число «отсроченных» смертей конца 1980-х. Тогда-то и произошло «сгущение» общего числа смертей на пространстве нескольких лет, а потому и резкое ухудшение конъюнктурных показателей.

Все это говорится здесь вовсе не для того, чтобы оправдать подъем показателей смертности в первой половине 1990-х годов или защитить Ельцина от обвинений в «геноциде». В этих обвинениях не было большого смысла, но проблема в другом.

В чем же она на самом деле?

Чтобы это понять, надо отделить кратковременные, конъюнктурные колебания смертности от ее долговременных трендов. Мифология небывалого подъема смертности как

реакции на общее ухудшение положения в стране и как доказательства такого ухудшения может быть использована в политических целях. Но она, несомненно, уводит от понимания того, что происходит со смертностью на самом деле. Ибо в реальности главная проблема — в долговременной тенденции ухудшения показателей смертности, которая сохраняется уже 40 лет.

Вы имеете в виду в основном советский период?

Последние четверть века существования СССР были временем его нарастающего отставания от мировых стандартов борьбы со смертностью и от достигнутых в мире результатов. С этим отставанием Россия и вошла в период реформ — оно было частью ее советского наследия. Ничего не удалось изменить и по сей день, так что нынешние очень высокая смертность и низкая продолжительность жизни все еще предопределяются мощной инерцией советского времени. Нынешняя очень низкая продолжительность жизни российских мужчин — менее 59 лет в 2001 г. — находится на той самой траектории, которая сложилась в 1960—1970-е годы и вокруг которой происходили резкие колебания в 1980—1990-е годы.

Так что истинная проблема вовсе не в том, как преодолеть воображаемый кризис смертности 1990-х годов, а в том, как сойти с давно наезженной колеи, по которой упорно ухудшающиеся показатели российской смертности катятся уже несколько десятилетий. И катятся именно тогда, когда в большинстве других промышленно развитых странах эти показатели движутся совсем в другую сторону. Россия же не участвует в этом движении и платит за это огромную цену.

О какой цене Вы говорите?

Подсчитано, что если бы начиная с 1966 г. смертность в России снижалась теми же темпами, как, в среднем, в странах Европейского Союза, США и Японии с 1961 по 1996 г., то хотя сейчас она все равно оставалась бы выше, чем в этих странах, совокупное число умерших в России за последние 35

лет XX в. было бы на 14,2 млн меньше, чем было на самом деле (а население страны, соответственно, на 14,2 млн человек больше). Эти потери можно считать избыточными. Более половины из них составляют мужчины средних возрастов — как если бы страна вела непрерывную войну.

От каких конкретных причин умирают жители России?

Если брать все население, то главная причина избыточной по сравнению с западными стандартами смертности россиян — болезни системы кровообращения. И не потому, что у нас особенно велики шансы вообще умереть от этой болезни на протяжении жизни, а потому, что россияне умирают от нее в гораздо более молодом возрасте, чем европейцы, американцы или японцы.

Но если говорить о главной группе риска избыточной смертности — мужчинах средних возрастов,—то у них на первое место выходят внешние причины — несчастные случаи, отравления, травмы, убийства, самоубийства и т.п. Огромная смертность от внешних причин — российская беда, но тоже беда давняя. Разрыв с западными странами нарастает уже не одно десятилетие. Так в 1960 г. стандартизованный коэффициент смертности от этих причин в России был в 1,5 раза выше, чем в США; в 1970 г. превышение составляло 1,9 раза, в 1980 г. — 2,8, в 1984 г. — накануне горбачевской антиалкогольной кампании — 3,1. В 1994 г. превышение было рекордным — в 5,2 раза, потом оно несколько сократилось, но все равно оставалось очень большим.

Антиалкогольная кампания подтвердила известную и ранее связь между высокой смертностью и пьянством в России. Наверно, можно найти и другие конкретные факторы, способствовавшие росту смертности в России и в 1990-х годах, и ранее. Но все же в целом дело, видимо, не в отдельных факторах смертности, даже и очень важных, а в долговременных тенденциях, обусловленных тем, что России до сих пор не удалось достичь завершающих стадий эпидемиологического перехода.

Существовало представление, что Советский Союз

достиг значительных успехов в области медицинского обслуживания населения.

Советская система здравоохранения была более или менее эффективной на ранних стадиях борьбы за снижение смертности, когда можно было добиваться успехов с помощью патерналистских мер, таких, как массовые профилактические мероприятия, обязательная вакцинация, оздоровление населенных мест и т.д. Но патерналистских методов оказалось недостаточно, когда потребовалась большая активность со стороны самого населения.

К середине 1960-х годов возможности патерналистской стратегии оказались исчерпанными. Западные страны вступили в следующий этап перехода, выработали новую стратегию действий, новый тип профилактики, направленной на уменьшение риска смерти от заболеваний неинфекционного происхождения, особенно сердечно-сосудистых и рака, а также от несчастных случаев, насилия и других подобных причин, непосредственно не связанных с болезнями. Эта стратегия требовала как более активного и сознательного отношения к своему здоровью со стороны каждого человека, так и намного больших материальных затрат на охрану и восстановление здоровья, что, в свою очередь, способствовало повышению его общественной ценности.

Вы считаете, что советская система здравоохранения отставала уже в начале 1980-х годов?

Несомненно. Ответ на новые требования времени не был ею найден. К концу 1970-х годов стало ясно, что неучастие СССР в мировых успехах в борьбе со смертью и связанное с этим новое отставание, все время растущее, — не случайный и временный эпизод, а проявление глубокого кризиса системы.

Одним из главных препятствий для преодоления этого отставания было недостаточное финансирование системы здравоохранения. Наряду с другими «непроизводственными» отраслями она получала лишь то небольшое, что оставалось от предельно милитаризованных «производственных» отраслей. Этот остаток явно не соответствовал масштабам новых задач

по охране и восстановлению здоровья, выглядел просто жалким в сравнении с теми ресурсами, которые в это время шли на соответствующие нужды на Западе. По некоторым оценкам, в 1990 г. средние затраты на душу населения в год составляли 124 рубля, тогда как в США — 2600 долл.

И, как Вы сказали, индивидуальная инициатива также была недостаточной?

Безусловно. Нараставшая социальная апатия, разочарование в неосуществившихся общественных идеалах усугубляли положение. Новая стратегия борьбы со смертью требовала, чтобы на смену пассивному принятию проводимых органами здравоохранения мер пришла заинтересованная индивидуальная активность самого населения. Российское общество ни до распада СССР, ни после него так и не смогло добиться изменений в образе жизни, сделать его чертами заботу о своем здоровье, искоренение вредных и внедрение полезных привычек и т.п. Застойные брежневские десятилетия только консервировали социальную маргинальность большинства населения, оказавшегося в культурной и идеологической пустоте, и делали его неспособным к активной борьбе за сохранение своего здоровья и жизни. Алкоголизм и тесно связанная с ним чрезвычайно высокая смертность от несчастных случаев, отравлений и травм — прямое следствие этой общей социальной ситуации.

Таковы были объективные условия, в которых складывалась модель вымирания поколений, предопределившая нынешнее бедственное положение со смертностью в России. Ничего не изменилось и сейчас. Она так и осталась промежуточной, застрявшей где-то на ранних этапах эпидемиологического перехода.

Давайте обратимся теперь к проблемам рождаемости. В ее падении было что-то необычное? Как выглядит это падение на фоне тенденций рождаемости в других развитых странах?

Число рождений в 1999 г., по сравнению с 1973 г. (26 лет

— «средняя длина поколения»), сократилось примерно на 800 тыс. — сокращение отнюдь не маленькое. Рождаемость, измеряемая в терминах коэффициента суммарной рождаемости, действительно резко снизилась в 1990-е годы.

Это снижение, так же, как и начало убыли населения страны, с 1992 г., воспринимаются массовым сознанием прежде всего как следствие экономического и социального кризиса «переходного периода». Соответственно, в обществе существуют надежды на то, что как только кризис кончится, рождаемость начнет повышаться. К сожалению, дело, по-видимому, обстоит сложнее, и для большого оптимизма нет оснований.

На чем основан такой пессимистический взгляд на будущее рождаемости?

Рождаемость в России снижалась на протяжении всего XX в. В середине 1960-х годов она впервые опустилась ниже уровня простого возобновления поколений и продолжала падать. В целом Россия эволюционировала в сторону все большей конвергенции с другими урбанизированными и индустриально развитыми странами мира, для которых, как правило, характерна низкая, а в последнее время очень низкая рождаемость. Уровень, достигнутый после падения в 1990-х годах, был не ниже, чем во многих европейских странах. Так что видеть в переходе к очень низкой рождаемости в России одно из проявлений общего системного кризиса российского общества конца XX в. нет никаких оснований.

Даже если рассматривать низкую рождаемость как кризисное явление, ее широкая распространенность во всех индустриальных урбанизированных обществах не позволяет видеть в ней признак специфически российского неблагополучия. Скорее речь может идти об общем кризисе современного постиндустриального Запада.

Стало быть, снижающаяся рождаемость, по Вашему мнению, — это общий кризис постиндустриальных обществ?

Я не уверен, что в снижении рождаемости обязательно

нужно видеть проявление «кризиса». Хорошо известно, что такое снижение в постиндустриальных обществах сопряжено со многими изменениями, которые принято интерпретировать как позитивные атрибуты модернизации: почти полная ликвидация детской смертности, эмансипация и самореализация женщины, расширение свободы ее выбора, растущие удельные инвестиции в детей, рост образования и пр. Если принять во внимание все аспекты изменений в массовом прокреативном поведении и их последствий, то, возможно, следует говорить не о кризисе, а о внутренней противоречивости модернизационного процесса, и, может быть, и о том, что модернизация объективно переносит акцент с количественных на качественные характеристики социальной жизни.

То есть Вы считаете, что падение рождаемости в России нельзя рассматривать в отрыве от сходных процессов во всех развитых странах?

В последнее время я все больше склоняюсь к тому, что это снижение можно и нужно рассматривать и в более широком, глобальном контексте. В нем можно видеть системную реакцию на общемировой демографический кризис, порожденный глобальным демографическим взрывом и ростом нагрузки на ограниченные ресурсы планеты. Снижение рождаемости в глобальных масштабах ниже уровня простого воспроизводства на достаточно длительный период есть благо. А снижение рождаемости в России, как и на Западе — лишь эпизод такого глобального поворота. При подобном взгляде на вещи низкая «западная» рождаемость — вовсе не свидетельство упадка и кризиса западной цивилизации, как кажется многим, а напротив, доказательство ее огромных адаптивных возможностей.

Все это не исключает того, что низкая рождаемость и следующее за ней замедление или прекращение роста, а то и убыль населения развитых стран на фоне стремительного роста населения развивающегося мира, могут быть крайне невыгодны, даже опасны для них. Но поделать с этим ничего

нельзя, потому что интересы выживания всего человечества выше интересов отдельных стран.

Значит, Вы не считаете, что с помощью направленных мер можно повысить рождаемость в России?

Позвольте мне сделать небольшое отступление. Общественное мнение, да и исследователи-демографы, как и сто лет назад, пытаются объяснять низкую рождаемость действием разных конкретных факторов: низкого уровня жизни; высокого уровня потребления и развития конкурирующих потребностей; высокой стоимости детей; отсутствием у родителей экономической заинтересованности в детях; безработицей; чрезмерной экономической активностью женщин; неуверенностью в завтрашнем дне; стремлением женщин к самореализации и т.д. Но подобные факторы, столь многообразные, столь по-разному сочетающиеся в разных странах, неизменно приводят к одному и тому же результату — низкой рождаемости. Соответственно, едва ли можно ожидать большого эффекта от воздействия на отдельные факторы, на что обычно ориентированы меры демографической политики.

Значит, Вы не верите, что российская система здравоохранения сможет справиться с проблемой высокой смертности и низкой рождаемости?

Возможности системы здравоохранения влиять на смертность, а тем более на рождаемость, весьма ограничены. И тенденции смертности, и тенденции рождаемости формируются под влиянием многообразных экономических, социальных и культурных факторов, и лишь сравнительно немногие из них находятся и могут находиться под контролем системы здравоохранения.

Конечно, я не хотел бы и преуменьшать способность здравоохранения влиять на ситуацию. Но падение рождаемости — это вообще не медицинская проблема. А чрезмерно высокая российская смертность — это прежде всего смертность от внешних причин абсолютно здоровых людей (в первую очередь взрослых мужчин). Здесь возможны

усилия системы здравоохранения по профилактике опасного поведения и по снижению летальности в случае всякого рода несчастных случаев и травм, но корень зла этими мерами не уничтожишь.

России, имеющей сейчас около 145 млн жителей, грозит драматическое падение численности населения. Можно ли ожидать, что улучшение экономического положения приведет к снижению смертности, росту рождаемости и поможет остановить сокращение населения?

В 1913 г. население России в ее нынешних границах составляло 90 млн человек. В XX в. в стране разворачивался демографический переход, который, как правило, сопровождается ускоренным ростом населения. Но у нас потенциальный «демографический взрыв» был сведен на нет огромными людскими потерями в катастрофах первой половины столетия, и шанс заметно увеличить численность населения страны был необратимо упущен. Тем не менее, после окончания всех катастроф население росло — благодаря его естественному приросту, который долгое время оставался высоким и помогал закрывать многие демографические бреши. Благодаря ему, в частности, страна вышла из демографического кризиса, вызванного Второй мировой войной. В 1955 г. была достигнута довоенная численность населения России, и еще примерно в течение десяти лет — до второй половины 1960-х годов — его естественный прирост позволял не только поддерживать общий прирост населения, но и отдавать некоторую его часть в другие республики СССР.

Когда впервые стали ощущаться последствия снижения рождаемости?

Довольно скоро. Вследствие падения рождаемости, прекращения снижения смертности, а также вследствие того, что стало давать о себе знать старение населения, его естественный прирост стал быстро сокращаться. В 1964 г. коэффициент естественного прироста населения России впервые опустился ниже 10 на тысячу, в 1967 г. — ниже 7. С

этого времени он уже никогда не поднимался до такого уровня, колебался в основном в пределах от 5,5 до 6,5 на тысячу, лишь иногда выходя за эти пределы. В конце 1980-х годов эти колебания сменились быстрым падением естественного прироста, а с 1992 г., когда население России было максимальным за всю ее историю — 148,7 млн человек, — он стал отрицательным, что и повлекло за собой общую убыль населения страны. К началу 2003 г. она превысила 5,2 млн человек, или 3,5%, в то время как за предшествующее десятилетие число россиян увеличилось на 8,7 млн человек, или на 6,2%.

Чем нынешнее сокращение населения отличается от тех, которые наблюдались в первой половине минувшего столетия?

Нынешнее — четвертое после 1913 г. — сокращение населения России сильно отличается от трех предыдущих, вызванных острейшими социальными потрясениями: Первой мировой и гражданской войнами, голодом и репрессиями 1930-х годов, Второй мировой войной. Сейчас убыль населения, обусловлена устойчивыми изменениями в массовом демографическом поведении россиян. Поэтому рассчитывать на то, что она окажется преходящей и в недалеком будущем восстановится положительный естественный прирост населения, а вместе с тем и рост числа жителей страны, не приходится. Убыль российского населения, скорее всего, примет затяжной характер. На этом сходятся все авторы демографических прогнозов для России.

В частности, по «среднему» варианту прогноза ООН (2002 г.), к 2050 г. численность населения России сократится по сравнению с 2000 г. примерно на 30% и составит 101,5 млн человек¹. Примерно к таким же результатам приходят и российские прогнозисты.

Чем чревато для России такое быстрое сокращение населения?

¹ См. примечание на стр. 27.

Конечно, нельзя утверждать, что численность населения во всякое время и везде должна обязательно увеличиваться. Сокращение населения — не всегда беда, а его рост — не всегда благо. Но, обращаясь к конкретным условиям России, нельзя не видеть, что для нее убыль населения крайне невыгодна.

Хотя Россия входит в число крупнейших по числу жителей стран мира, существует очевидное несоответствие между ее населением и размерами территории, протяженностью границ, обширностью пространств, нуждающихся в освоении, неразвитостью поселенческой сети и т.п. Россия всегда была слабо освоенной многоземельной страной с очень низкой плотностью населения, но эти ее качества стали особенно ощутимыми после распада СССР, от которого Россия унаследовала три четверти территории, но только половину населения.

Если европейская часть России по плотности населения сопоставима с США (в Европейской России — 27, в США — 29 человек на 1 кв. км), то по сравнению с промышленными странами Западной Европы, не слишком населено даже ее историческое ядро. Более четверти населения страны сосредоточено в Центральном федеральном округе, занимающем менее 4% ее территории. Но и здесь плотность населения (свыше 58 человека на 1 кв. км.) почти вдвое ниже, чем в Европейском Союзе (119 человек на 1 кв. км).

Но положение намного хуже — настоящее демографическое бедствие — в азиатской части России?

Совершенно верно. В азиатской части страны, занимающей 75% ее территории, проживает всего 22% россиян при плотности человека на 1 кв. км. Демографический потенциал Сибири и Дальнего Востока явно недостаточен для освоения расположенных здесь природных богатств и для создания развитой, более или менее сплошной экономической и поселенческой структуры.

К проблеме размещения населения по регионам страны добавляется проблема развития структуры ее населенных

мест. Хотя по доле городского населения (73%) Россия находится на средневропейском уровне, не слишком отличается и от таких стран, как США (75%) или Япония (77%), ее городское население «размазано» по большому числу поселений, тогда как сеть крупных городов развита слабо.

Вы считаете, что в России слишком мало крупных городов?

Да. После распада СССР в России осталось 13 из 24 советских городов-миллионеров, из них только два — к востоку от Урала. Всего два российских города насчитывают свыше 2 млн жителей. В США 14 городов имеют численность свыше 2 млн человек, а 8 из них — свыше 3 млн.

А каковы, по-вашему, отрицательные стороны малого числа крупных городов?

Недоразвитость крупных городов — свидетельство недостатков регионального развития России, которое сумело породить не так много мощных региональных и межрегиональных столиц. В условиях ограниченности демографических ресурсов городское население стягивается к нескольким крупным центрам, а это не позволяет сложиться значительным региональным метрополиям, которые могли бы дать импульс развитию своих территорий.

Таковы лишь некоторые внутренние трудности, с которыми Россия сталкивается уже сейчас из-за недостаточности ее нынешнего населения и которые она тем более будет испытывать при сокращении его численности. Но есть еще и «внешние» трудности, связанные с местом России в мировом сообществе.

Что Вы имеете в виду?

Страна стремительно теряет свое место в мировой демографической иерархии. В 1913 г. на долю Российской империи приходилось примерно 8% мирового населения, на долю собственно России — 4,4%. Даже в 1950 г. доля

собственно России, еще не вполне восстановившей свое довоенное население, составляла более 4%, а доля СССР — 7,1 % населения планеты. Сейчас доля России не превышает 2,4% мирового населения и быстро падает. По уже упоминавшемуся прогнозу ООН, к 2050 г. она сократится до 1,1%.

В 1913 г. и 1950 г. Российская империя и СССР уступали по численности населения, соответственно, только Китаю и Индии. Россия в ее нынешних границах в 1950 г. занимала по численности населения 4-е место в мире после Китая, Индии и США. Сейчас она на 8-м месте (ее обогнали Индонезия, Бразилия, Пакистан и Бангладеш), а к 2050 г. отодвинется намного дальше.

Почему Вас заботит это глобальное ранжирование?

Это важно, потому что, опускаясь все ниже в мировой демографической иерархии, Россия по-прежнему занимает почти 13% мировой суши — самая большая в мире, богатая природными ресурсами, но крайне слабозаселенная территория. Она соседствует с густонаселенными государствами, и некоторые из них время от времени заявляют претензии на российские земли.

Таким образом, ни по внутренним, экономическим, ни по внешним, геополитическим, соображениям убыль населения не отвечает интересам России, гораздо лучше было бы, чтобы население страны увеличивалось или хотя бы не сокращалось. Но возможно ли это?

Главные причины потери Россией высокого места в мировой демографической иерархии кроются как внутри страны, так и вовне. О внутренних причинах — низкой рождаемости и высокой смертности — говорилось выше. Внешняя причина — мировой демографический взрыв в развивающихся странах, обгоняющих Россию и другие развитые страны. Ни первую, ни тем более вторую причину отменить нельзя. Если снижение смертности хотя бы теоретически возможно, то рост рождаемости — мало вероятен. Чем же можно ответить на снижение рождаемости,

старение населения, отрицательный естественный прирост? И даже если ответ будет найден, не породит ли он новых вызовов, еще более опасных, чем прежние?

Может ли помочь иммиграция, как это имеет место в Соединенных Штатах, или она породит новые проблемы? Если да, то какие именно?

В принципе, иммиграция способна хотя бы частично противодействовать сокращению численности и старению населения «постпереходных», промышленных и урбанизированных стран, включая и Россию. Однако сейчас Россия едва ли готова принять большое число иммигрантов.

Для того же, чтобы поддерживать численность населения России на уровне начала XXI в. (146 млн человек), по оценкам, нужно было бы начиная с первого года нового столетия принимать ежегодно, в среднем, более 700 тыс. иммигрантов в год (нетто-миграция) и постепенно наращивать этот объем до 1,2—1,3 млн человек к 2030—2035 гг. (речь, разумеется, идет не о точных цифрах, а о порядке величин).

Это пугающие цифры.

Пока эти цифры имеют очень мало общего с действительностью. Сейчас главные поставщики иммигрантов в Россию — страны СНГ и Балтии, миграционный прирост населения России за счет этих стран за 1990—1999 гг. (4,3 млн человек) был намного большим, чем за 1980—1989 гг. (1,6 млн). Но прирост увеличился не потому, что в Россию въезжало больше мигрантов, а потому что из нее меньше выезжало. Собственно же иммиграция сокращается. Если за 1981—1990 гг. в Россию из бывших союзных республик прибыло 8,9 млн человек, то за 1991—2000 гг. — всего 6,9 млн. Кроме того, Россия теряла население за счет эмиграции в «дальнее зарубежье», так что общий миграционный прирост ее населения за 1990—1999 гг. составил всего 3,3 млн человек — меньше, чем Германии за то же время (3,8 млн). Даже если сделать поправку на неполноту учета миграции между новыми независимыми государствами в 1990-е годы, едва ли

можно оспорить факт сокращения (а не роста, как часто думают) притока мигрантов в Россию.

Почему Вы считаете, что Россия не готова к приему крупных потоков иммигрантов?

Приняв стратегию выправления демографического положения России за счет миграции, пришлось бы предпринять немалые усилия по наращиванию притока мигрантов в страну. Однако такая стратегия не находит поддержки в обществе. Антииммиграционные настроения существуют во многих европейских странах, но там они возникли как реакция части общества на реальное присутствие значительного числа иммигрантов. В России же неблагоприятное отношение к иммиграции обозначилось еще до того, как сформировались сколько-нибудь значительные ее потоки. Большинство россиян считает, что в стране и так уже слишком много иммигрантов, в то время как миграционные потоки, во всяком случае регистрируемые, непрерывно уменьшаются. Они также убеждены в негативных последствиях присутствия иммигрантов. Сейчас в России ощущается неблагоприятное отношение даже к русским и русскоязычным иммигрантам из бывших республик СССР.

По-вашему, русские в России противятся миграции этнических русских из-за рубежа? Почему?

По-видимому, население воспринимает их как потенциальных конкурентов на рынке труда. Возможно, идя навстречу этим настроениям, был принят Закон о гражданстве от 31 мая 2002 г., серьезно усложнивший получение российского гражданства. Довольно скоро он был признан неудачным, и 11 ноября 2003 года к нему были приняты поправки, во многом восстановившие справедливость по отношению к бывшим гражданам СССР. Их можно считать вкладом в урегулирование вопросов, доставшихся нам в наследство от СССР после его распада. Но не более того.

Вы считаете, что этот закон не имеет долговременной перспективы?

К миграциям как к стратегически важному процессу и феномену сегодняшней, а тем более завтрашней российской жизни новый закон имеет небольшое отношение. Он не касается основной массы потенциальных иммигрантов — не бывших граждан СССР, представителей неславянских этносов, «нетрадиционных» для России религиозных конфессий и т.д., в отношении которых мигрантофобия усиливается ксенофобией. Это довольно распространенные настроения, в связи с чем сегодня настаивать на привлечении в Россию большого числа иммигрантов политически рискованно.

Но закрыть двери перед иммигрантами — значит смириться с непрерывным сокращением населения, его старением, потерей места в мировой демографической иерархии, непрерывным ухудшением и без того не лучшего соотношения «население/территория» и т.д.

Вы думаете, российские политики станут действовать до того, как ситуация выйдет из-под контроля?

Вы исходите из того, что потоки иммиграции в Россию зависят от решения российских властей и что они могут полностью контролировать миграционную ситуацию. Такая логика соответствует этапу миграционного взаимодействия развитого и развивающегося мира, который уже закончился. На том этапе главный «мотор», приводивший в движение миграционные потоки, действительно находился в странах-реципиентах. Но коль скоро такие потоки сложились, они приобрели свои собственные движущие силы и, нарастая, все больше отражают ситуацию в странах-поставщиках мигрантов. «Золотой миллиард» все больше превращается в мировое меньшинство и все меньше способен противостоять натиску окружающих его миллиардов жителей «третьего мира» — еще недавно их было всего 2 млрд, потом стало 3 млрд, 4 млрд, сейчас уже 5 млрд, а будет еще больше.

Вы имеете в виду, что политики в развитых странах все менее способны справляться с давлением незаконной миграции из-за рубежа?

Да. Когда легальные миграционные каналы, предоставляемые странами-реципиентами, оказываются слишком узкими, возникают нелегальные каналы, что и происходит на наших глазах. Точных данных нет, но уже сейчас в России говорят о миллионах нелегальных мигрантов. Проблема незаконной миграции все явственнее выходит на первый план, включается в число проблем, в наибольшей степени занимающих политиков и общественное мнение в странах-реципиентах.

Демографическое давление со стороны перенаселенного «третьего мира» несомненно будет быстро нарастать. Какое-то время будут совершенствоваться как способы миграционного контроля, так и способы нелегального проникновения в обход этого контроля, дальнейшее же развитие событий предсказать трудно. Несомненно, что перераспределение населения между перенаселенными и депопулирующими странами само по себе есть некий ответ на многие вызовы, порожденные демографическими изменениями XX в. Но этот ответ, в свою очередь, превращается в новый вызов и может стать самым главным вызовом нового столетия.

В каких формах может выразиться этот вызов?

Сегодняшний миграционный напор может оказаться лишь отдаленным раскатом приближающейся грозы. Демографическое давление «Юга» на «Север» способно приобрести самые разные формы, которое при определенных критических обстоятельствах может соединиться с военно-политическим давлением, привести к крупномасштабному перекраиванию политической карты мира и т.п. На фоне такого рода угроз было бы благоразумнее «выпускать пар» из перегретого котла «Юга», сохраняя возможности экономической иммиграции, несмотря на некоторые негативные последствия.

О каких негативных последствиях идет речь?

Такие последствия вытекают из экономической и

культурной несовместимости. Демографические массы обоих «миров» несоизмеримы. Потенциальное предложение дешевой рабочей силы из развивающихся стран практически безгранично, тогда как потребности развитых стран все же довольно жестко ограничены. Иммигранты сталкиваются с проблемами социальной адаптации в странах приема, имеющих другие культурные традиции. До тех пор, пока количество таких иммигрантов невелико, они достаточно быстро ассимилируются местной культурной средой, растворяются в ней, и серьезных проблем межкультурной взаимодействия не возникает. Когда же абсолютное и относительное число иммигрантов становится значительным, а главное быстро увеличивается, и они образуют в странах прибытия более или менее компактные социокультурные анклавы, ассимиляционные процессы замедляются и возникают межкультурные напряжения, усиливающиеся объективно существующим экономическим и социальным неравенством «местного» и «пришлого» населения.

Иммигрантские анклавы в развитых странах, нередко представляющие собой слепки с тех обществ, из которых они вышли, сохраняющие с ними связь и в то же время особенно раздираемые противоречиями культурной идентификации, часто оказываются весьма чувствительными к упрощенным «фундаменталистским» идеям, помогающим избавиться от культурной раздвоенности и, как кажется, вновь обрести свое целостное «Я». При этом процесс ассимиляции блокируется, и многие (хотя, конечно, не все) иммигранты оказываются в оппозиции к принимающим их обществам.

Не очень приятная перспектива.

Промышленные страны, использующие иностранную рабочую силу, начинают ощущать ограниченность своей иммиграционной емкости, в них возникает конкуренция «своих» и «чужих» за рабочие места, разворачиваются дебаты вокруг проблемы иммиграции, она становится важной картой в политической игре. В обществе нарастают антииммиграционные настроения и формируется соответствующая

мифология, нередко увлекающая даже интеллектуальную элиту, но по своему уровню мало отличающаяся от мифологий, блуждающих в среде полуграмотных маргинализованных иммигрантов.

Применимо ли все это к российской ситуации?

Сказанное в полной мере относится и к России. Как и другие, пережившие демографический переход страны, она нуждается в иммигрантах. Она тоже испытывает миграционный напор извне и тоже не может не ощущать объективных границ своей миграционной емкости, связанных с положением на рынке труда, и более всего с «пропускной способностью» адаптационных и ассимиляционных механизмов. Но у России есть и особенности, отнюдь не облегчающие ее положения.

О каких особенностях идет речь?

К их числу относятся огромные слабозаселенные территории, богатые ресурсами, в том числе такими важными для наступившего века, как пригодные для сельского хозяйства земли, пресная вода, энергоносители. Это усиливает одновременно и потребность России в людях, и ее миграционную привлекательность в условиях нарастающего демографического давления со стороны перенаселенного «Юга». Не слишком радужны миграционные перспективы России, если рассматривать их с точки зрения ее геополитического положения. В частности, массовый приток китайцев на российский Дальний Восток, если бы он имел место, не только не вел бы к глубинной культурной ассимиляции (ввиду непосредственной близости мощного собственного культурного материка), но и мог бы рано или поздно привести к активизации существующих территориальных притязаний Китая. Разумеется, границы миграционной емкости России, как и любой другой страны, нельзя рассматривать как очень жесткие. Миграционная емкость может быть увеличена путем проведения специальной политики, направленной на расширение «узких мест».

Но и такая политика, даже очень активная, может лишь несколько раздвинуть ее границы, но не может их устранить.

Если рабочая сила не будет пополняться за счет иммигрантов, в России увеличится число пенсионеров на одного работающего. Это вызовет серьезные последствия для пенсионной системы. Предусматриваются ли соответствующие меры по ее реформированию?

Доля пожилых (60 лет и старше) людей в России выросла с 6,7% в 1939 г. до 11,9% в 1970 г. и до 18,7% в 2001 г. и продолжает расти. Уже сейчас во многих странах доля пожилых превышает 20%, в Европейском Союзе в целом она составляет 21,5%, в Японии — 23,7%. Такое же будущее ожидает и Россию. Возрастная пирамида необратимо изменяется потому, что в результате снижения смертности коренным образом меняется структура времени жизни поколений: увеличивается время, проживаемое каждой когортой родившихся в средних и старших возрастах, а соответственно и его доля во всем совокупном времени жизни каждого поколения.

Следовательно большинство развитых стран сталкиваются с негативными последствиями изменений возрастной пирамиды. Что в этом нового?

Экономические и социальные последствия демографического старения уже не одно десятилетие обсуждаются в демографической литературе. При этом на первый план обычно выступают явные или предполагаемые негативные последствия и порождаемые ими проблемы. Особую обеспокоенность вызывает увеличение экономической нагрузки на трудоспособное население из-за быстрого роста числа и доли пенсионеров, хотя иногда называют и другие последствия (старение самого трудоспособного населения, замедление обновления знаний и идей, ослабление напора поколений, геронтократия и пр.). Отрицательный вклад старения населения, «одряхления» наций в социальную динамику кажется очевидным и представляется фактором,

обесценивающим многие выигрыши от демографической модернизации.

В чем заключается ответ на нагрузку пожилыми людьми?

Как и всякие перемены, переход к новой структуре времени жизни поколений порождает проблемы адаптации социальных институтов к новым демографическим реальностям. Развитие пенсионных систем — один из главных ответов на быстрый рост доли пожилых людей в XX в. Нынешний рост «пенсииерской нагрузки» бесспорен, но почему он должен восприниматься с таким драматизмом, как будто общество совершенно бессильно ответить на этот вызов? Что, казалось бы, неожиданного или нежелательного в том, что увеличение продолжительности жизни требует перераспределения совокупной массы потребляемых поколением ресурсов в пользу все более поздних периодов жизни? Почему, научившись продлевать жизнь большинства людей до глубокой старости, общество начинает выражать беспокойство по поводу того, что этих людей надо до самой смерти обеспечивать всем необходимым?

Но где же ответ?

В действительности уже сами демографические перемены создали экономическую возможность такого ответа. Вместе со снижением смертности возрастает совокупное число человеко-лет не только потребления, но и производства, причем возрастает приблизительно в одной и той же пропорции, так что соотношение времени, прожитого в «периоде иждивенчества» и «периоде производства», практически не меняется. Одного этого факта достаточно для того, чтобы не драматизировать «проблему старения» как *демографическую*. Дети-иждивенцы потребляют до того, как они начали производить, так сказать авансом. Пожилые же люди переходят в положение иждивенцев после того, как их рабочая жизнь закончилась, так что их потребление заранее оплачено их же трудом.

Считаете ли Вы, что в России можно обеспечить финансирование пенсионных платежей?

Сейчас в России широко распространено мнение о пагубном влиянии старения на положение пенсионеров и на общее экономическое положение страны. Между тем никаких чрезвычайных, необычных для России изменений возрастной структуры населения до конца XX в. не происходило. Население, конечно, старело, но не следует забывать, что та его часть, которая находится в «периоде производства», обеспечивает оба «периода иждивенчества» — не только в старости, но и в детстве.

Я не понимаю смысла Ваших аргументов, касающихся двойной нагрузки — обеспечения детей и пожилых.

В России в послевоенное время совокупная нагрузка детьми и пожилыми менялась волнообразно, что было связано с особенностями российской возрастной пирамиды, сформировавшейся под влиянием не только эволюционных процессов, но и пертурбационных потрясений первой половины XX в. В результате наложения разных волн — вопреки тому, что часто думают, — Россия, с точки зрения возрастного состава ее населения, к концу XX в. оказалась в благоприятных условиях, едва ли не лучших за весь послевоенный период. Нагрузка пожилыми, конечно, продолжала расти, но совокупная нагрузка иждивенцами младшей и старшей возрастных групп сокращалась и к концу столетия была необычно низкой.

Стало быть, Вы видите луч надежды в складывающейся возрастной пирамиде?

Разумеется, изменения возрастной структуры населения России не завершатся с окончанием XX в. Они будут продолжаться еще очень долго, причем ослабление влияния оставшихся в прошлом пертурбационных факторов повысит роль эволюционного компонента — население России будет стареть. Тем не менее, мне кажется, что истинные последствия старения населения, в том числе и экономические, не столь

угрожающе, как это представляет иногда современная демографическая мифология. Увеличение доли пожилых людей идет в ногу с другими демографическими и прочими изменениями, которые создают объективные возможности для нейтрализации отрицательных последствий постарения. Позвольте мне процитировать известного американского демографа и экономиста Ричарда Истерлина: «Реальная задача... относится, в основном к области политики. Необходимо с помощью налогообложения изъять семейные сбережения, предназначенные на содержание молодых иждивенцев, с тем, чтобы эти капиталы могли быть использованы на покрытие растущих общественных затрат на содержание пожилых иждивенцев. Проблема политической приемлемости такой меры достаточно серьезна, но она не кажется неразрешимой, учитывая, что платящие налог работники сами же являются и потенциальными получателями из создаваемых за счет этого налога фондов»¹.

Истерлин рекомендует перераспределение с помощью налогов с целью поддержки старших поколений.

Да. Но для того чтобы стало возможным перераспределение ресурсов в пользу позднего периода жизни поколений в соответствии с новыми демографическими реальностями, нужна соответствующая социальная философия. Пока ее нише нет, и, скорее всего, она сформируются и получит признание лишь тогда, когда подойдет к концу переходный период, на протяжении которого возрастной состав населения непрерывно меняется и окончательно установится новая стабильная возрастная пирамида с узким основанием и широкой вершиной. А до тех пор будет казаться — без достаточных к тому оснований, — что с каждым десятилетием увеличение доли пожилых людей

¹ *Easterlin R. The Birth Dearth, Aging, and the Economy, in: Sisay Asefa and Wei Chiao Huang (eds.). Human Capital and Economic Development. Kalamazoo, Michigan, W.E. Upjohn Institute for Employment Research, 1994. P. 22.*

делает все более затруднительным и их собственное положение, и положение национальных экономик в целом.

Я хотел бы добавить к сказанному пару замечаний, касающихся глобальной ситуации. Во-первых, увлеченные своими проблемами развитые страны явно недооценивают опасностей слишком молодой возрастной структуры бедных стран. Совокупная нагрузка детьми и пожилыми, которая в богатых развитых странах составляет 800 на тысячу лиц в возрасте 20—59 лет, в бедных странах с быстро растущим населением повышается до 1000 и более (например, в Нигерии, стране, которая по численности населения скоро перегонит Россию, она достигает 1450 на 1000).

А в чем причина таких различий?

Главная причина — быстро растущее население с очень большим числом детей в расчете на 1000 взрослых в возрасте 20—59 лет. Если в России оно составляет 464 на 1000, то в Китае — 585, в Бразилии — 723, в Индии — 872, в Нигерии — 1339. Это создает огромные экономические трудности для развивающегося мира, намного более острые, чем проблема старения — для развитых стран.

Второе же замечание заключается в том, что вызов старения, если рассматривать его на фоне мировых реальностей, имеет не только экономический аспект.

В чем заключается этот вызов?

Я уже упоминал, что сегодня на одного жителя развитых стран приходится 5 представителей развивающегося мира. Но среди детей и молодежи в возрасте до 20 лет это соотношение превышает 7:2,1 млрд детей и подростков в странах «Юга» против менее чем 300 млн в странах «Севера». В XXI в. зажиточному, стареющему, усталому «Северу» не раз придется принимать вызовы бурлящего молодостью «Юга», которому нечего терять, кроме своих цепей. Мне кажется, что к этому не готовы ни весь «Север», ни Россия — его неотъемлемая часть.

НЕНУЖНАЯ НАУКА

ПЕРЕЖИТЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК...¹

«Прогнозис»: Последнее время не проходит и дня без того, чтобы не услышать о демографических проблемах. Это что, мода?

Анатолий Вишневский: Если это и мода, то она поздно к нам пришла. Мы спохватились — да еще спохватились ли? — когда все демографические проблемы обострились до предела. И не скажешь, где больше они обострились: у нас ли в России, население которой быстро убывает, или на всей планете, где оно стремительно растет. Демографы говорили об этом давно, да их не особенно слушали.

Может быть потому, что наука очень молодая?

Не такая уж она молодая. Как наука демография зародилась в XVII в., тогда, когда вообще возникла современная наука. Ее историю обычно ведут от англичанина Джона Граунта. Он первым построил так называемые таблицы смертности, после него это стали делать и другие, например известный астроном Галлей. Такие таблицы представляют собой модель вымирания поколения, они позволяют корректно оценить уровень смертности. А демографической проблемой номер один в те времена являлась именно смертность. Она была очень высока, это осознавалось, но повышается она или снижается — ясного представления не было. Интерес к этому вопросу пробудился вместе с общим интересом к социальной статистике, которую называли тогда «политической арифметикой».

Для построения первых таблиц смертности не хватало исходной информации, поэтому они строились локально, фрагментарно, для отдельных территорий. Например, Галлей строил свои таблицы на основании церковных записей города Бреславля, которые ему присылал тамошний священник. Сейчас, конечно, таблицы более совершенны, но это стало возможным, когда повсеместно стали проводиться переписи населения. Дело в том, что для построения корректной таблицы мало знать, сколько людей умерло в каждом возрасте, нужен еще знаменатель для исчисления интенсивности смертности, а для этого требуются сведения о том, сколько людей подвержено риску умереть, т.е., сколько имеется всего людей данного возраста. Такой статистической базы долго не было (в России ее не существовало до 1897 г., когда прошла первая перепись населения). Составители ранних таблиц смертности, в том числе и в России, применяли разные методы обхода этой трудности. Но первую полностью корректную таблицу для России построил Сергей Александрович Новосельский по материалам переписи 1897 г. Тогда расчеты делались почти вручную, занимали много времени, и таблица была опубликована только в 1916 г. и тогда же была удостоена премии Российской академии наук.

Вообще же до России демография дошла в XIX в., а в начале XX в. у нас уже были серьезные демографы, например тот же Новосельский. Тогда же начинал работать Михаил Васильевич Птуха — украинский демограф, ученик польско-немецко-русского демографа Борткевича (по-русски он — Владимир Борткевич, а по-польски — Ладислав), писавшего на всех трех языках.

После революции, в 1920-е годы, отечественная демография пережила короткий период расцвета. Было создано два демографических института. Один из них, в Киеве, более старый, появился не при советской власти, а в период независимости Украины, когда там возникла Академия наук во главе с Вернадским. Он поручил известному экономисту Туган-Барановскому организовать отделение экономики. А тот, в свою очередь, пригласил Птуху и

предложил ему создать демографический институт. Этот небольшой институт существовал с 1918 г.

В 1929—1930 гг. в Ленинграде был основан второй демографический институт, в котором работал Новосельский, к тому времени маститый, известный демограф, а также более молодой ученый Владимир Владиславович Паевский. Ленинградский институт просуществовал недолго: он был закрыт в 1934 г. Это стало следствием изменения общей обстановки в стране, а особенно, я думаю, голода 1933 г. Ведь демография должна была либо молчать, либо говорить то, что есть. Украинский институт продержался до 1938 г., но в конце концов и он был расформирован: страна готовилась к новой переписи населения — взамен не подошедшей начальству переписи 1937 г. Директор института Птуха был арестован, но потом освобожден. Вторым ведущей фигурой этого института был Юрий Арсеньевич Корчак-Чепурковский, он тоже был арестован и провел в лагерях восемнадцать лет.

Таким образом, отечественная демографическая наука в конце 30-х годов была полностью разгромлена, уцелели единицы ученых, которые практически не имели возможности работать. Одним из них был Борис Цезаревич Урланис, который после войны преподавал статистику в МГУ, но в эпоху кампании против космополитизма его уволили из университета. Заниматься демографией было невозможно еще и потому, что полностью прекратилась публикация сведений о населении. Сейчас в это трудно поверить, но даже сведения об общей численности населения СССР долгое время не печатались.

Нечто вроде возрождения отечественной демографии началось только в 1963 г., когда возникли сразу два демографических подразделения — учебно-научный Центр по изучению народонаселения на экономическом факультете МГУ во главе с Дмитрием Игнатьевичем Валентеем и Отдел демографии во вновь созданном исследовательском институте ЦСУ СССР. Директором института был назначен известный статистик и демограф Арон Яковлевич Боярский, который пригласил заведовать отделом демографии Андрея Гаври-

ловича Волкова. Это был чисто исследовательский центр. А учиться демографии можно было еще в Экономико-статистическом институте в Москве, где тогда работал, в частности, и переживший тяжелые времена Урланис.

Я не случайно сказал: «нечто вроде возрождения». В этот период на Западе демография стремительно развивалась и превратилась в одну из наиболее уважаемых социальных наук с очень разветвленными междисциплинарными связями. Во Франции демографический институт был создан по декрету де Голля еще в 1945 г. — он и сейчас остается самым крупным в мире учреждением такого рода. В Америке сложилась другая научная инфраструктура. Там есть множество университетских центров, иногда очень крупных. Каждые четыре года проводятся международные конгрессы. Демография превратилась в серьезную академическую науку везде, но только не у нас. Даже в странах Восточной Европы при социализме демография развивалась намного лучше — через них мы могли хоть что-то узнавать. Это было небольшое окошко на Запад.

У нас же приходилось вести борьбу даже за само слово «демография». Большим достижением считалось хотя бы вернуться к тому уровню демографического знания, который существовал в 1920—1930-е годы, новые идеи западной демографии почти не доходили до нас или доходили в искаженном виде. Для многих демографических публикаций 1960—1970-х годов были характерны эклектичность и идеологическая зашоренность. Развивались странные доморощенные идеи о какой-то «комплексной науке о народонаселении», к которой иногда еще добавлялся эпитет «марксистско-ленинская».

А чем объясняется подъем демографии на Западе?

В 1920—1930-е годы некоторые демографы начали понимать, что в демографической сфере происходят необычные перемены, что-то такое, чего не было раньше. В 1934 г. появилась книга французского демографа Адольфа Ландри «Демографическая революция» — в самом названии

слышно указание на крупные, эпохальные сдвиги. Это была одна из первых работ по теории демографического перехода. Были и другие, но до Второй мировой войны эти взгляды не получили широкого распространения. Потом началась война, и стало не до науки.

А после войны произошел прорыв. В европейских странах, в Соединенных Штатах и Японии стали очевидны быстрые сдвиги в смертности, ускоренные появлением антибиотиков. А затем, вследствие постепенного распространения новых средств борьбы со смертью, снижение смертности пришло в «третий мир». Это изменило все.

Благодаря использованию достижений западной медицины стала снижаться смертность в странах Азии, Латинской Америки, Африки. Рождаемость же оставалась высокой, и из-за этого резко ускорился рост населения. Начался мировой демографический взрыв.

Наиболее дальновидные ученые и политики сразу почувствовали опасность, которая исходит от небывалого нарушения равновесия рождаемости и смертности, и появился новый спрос на демографические знания, которые должны были подсказать, что делать в новых условиях. Развитие демографии получило новый мощный толчок.

Демографы действительно могли что-то подсказать политикам?

И да, и нет. Наука и политика — разные вещи. Наивно думать, что политики всегда могут следовать рекомендациям ученых, даже если бы они этого и хотели. Но все-таки наука способна структурировать проблему, прояснить ее, а для серьезного политика это уже немало.

Демографы очень скоро поняли, какие опасности несет с собой демографический взрыв. Он может прекратиться только двумя способами: или в результате нового резкого подъема смертности, или в результате как можно более быстрого снижения рождаемости. И естественно, посчитали единственно приемлемым второй путь и сошлись на том, что надо стремиться к восстановлению нарушенного равновесия

посредством ускоренного снижения рождаемости. В этом, собственно, и заключалась их рекомендация политикам, и многими из них она была воспринята, хотя, к сожалению, далеко не всеми.

Демографы надеялись, что их рекомендации будут услышаны, и понимали опасность осечки. «Успех за 25 лет — или катастрофа», — писал крупнейший французский демограф Альфред Сови в 1963 г. Но успех если и был, то лишь частичный. В целом борьба за снижение рождаемости в «третьем мире» потерпела поражение. Кое-где она, правда, снизилась, например в Китае. Постепенно, хотя и очень медленно, снижается она в Индии. Но задача, которая стояла перед человечеством в этом смысле в XX в., не была выполнена, потому что общее население Земли очень сильно выросло. Оно сейчас перевалило за 6 млрд и продолжает расти. По прогнозам, через пятьдесят лет оно увеличится до 9 млрд.

Мало-помалу опасность демографического взрыва, точнее, его последствий, стала осознаваться и политиками. Этот взрыв происходит только в развивающемся мире (а это три четверти человечества), и постепенно менее населенные развитые страны оказываются в окружении стран намного более многолюдных — и бедных. Американцев это уже давно волнует. Еще в 1974 г. у них был опубликован меморандум Совета национальной безопасности, который указывал на все эти угрозы. В нем говорилось, что нужно добиваться снижения численности населения развивающихся стран. У нас этот меморандум всегда трактовался как нечто inferнальное.

Образцом человеконенавистничества у нас считался и нобелевский лауреат биолог Пол Эрлих, который писал о «бомбе народонаселения». А он просто предвидел, что огромный рост населения в развивающемся мире повысит вероятность конфликта между сравнительно малонаселенными богатыми странами, с одной стороны, и многочисленными бедными, становящимися все более многочисленными и все более вооруженными, с другой.

Такой конфликт не может быть окопной, фронтальной

войной, какие велись в XX в., потому что силы противников несоизмеримы. Должна была начаться война именно такого типа, которую мы сейчас и наблюдаем. Нынешний международный терроризм — только первые ее зарницы. То, что произошло 11 сентября 2001 г., могло стать неожиданностью для генералов, но не для ученых — следовало ожидать чего-то подобного. Сегодняшняя реакция развитых стран, особенно такой страны, как Россия, и на 11 сентября, и на другие подобные события неадекватна. Чеченская проблема в том виде, в котором она сейчас сложилась, вписывается в эту глобальную картину, но эта целостная картина отсутствует в головах тех, кто принимает стратегические решения.

Мне как человеку, который давно занимается данной темой, ясно, что XXI в. будет особенно тяжелым во всемирной истории, связанным с наибольшими рисками для человечества в целом. Переживет ли оно это столетие? Один из главных источников опасности, если не самый главный, — демографический.

А почему все-таки борьба за снижение рождаемости потерпела поражение?

Высокая рождаемость — элемент традиционной культуры. Нельзя сохранить традиционную культуру, если из нее изъят этот элемент. В ней все системно связано. Все, что ориентировано на сохранение традиционных отношений, традиционной культуры, неизбежно предполагает сохранение высокой рождаемости. А снижение смертности делает бесценную в прошлом норму бессмысленной. Все модернизирующиеся общества переживают схватку традиционных и новых ценностей, традиционная культура защищает себя, и это совершенно нормально, хотя никакой перспективы у традиционной системы ценностей нет. Но пока она ведет борьбу за свое сохранение, она не может смириться с новыми принципами демографического поведения, со свободой индивидуального выбора — и вообще, и в демографической сфере, в частности, с новыми семейными

порядками, с новым положением женщины и т.п. Поэтому все традиционалистские элементы латиноамериканских, азиатских, африканских обществ — а там они еще очень сильны, — выступают против ограничения деторождения и всего, что с этим связано. Это и блокирует снижение рождаемости или, во всяком случае, сильно его тормозит.

В итоге мы подошли к концу XX в. с очень опасным мировым демографическим балансом. Население в развитых странах практически не растет, а в некоторых из них даже сокращается, в то время как население в развивающихся странах все еще растет очень быстро. Небывалое прежде соотношение демографических масс «Севера» и «Юга» неизбежно ставит вопрос о большем или меньшем перераспределении населения между этими двумя частями планеты. Если этот пункт не появился в мировой повестке дня сегодня, то он появится завтра. Хотя как знать, может быть, мы сталкиваемся с ним уже и сегодня, признаки демографического давления «Юга» на «Север», несомненно, есть.

Вы имеете в виду миграционное давление?

Не только, хотя миграционное, конечно, тоже. Да иначе и быть не могло. Расселение людей по всему миру — это история человечества. Человек возник в одной или двух точках земного шара, а потом расселился по всей планете. Все исторические рубежи отмечены великими переселениями народов. Почему наше время должно стать исключением?

Доля стран «Севера» в территории мира уже сейчас намного выше их доли в мировом населении, и эта разница непрерывно увеличивается. России принадлежит 13% мировой территории, а ее доля в мировом населении к 2050 г. может сократиться до 1% (население Российской империи в начале XX в. составляло около 8% мирового населения, между ее долями в территории и населении земного шара не было большого разрыва). Если говорить о богатстве, то тут соотношение для развивающихся стран еще менее выгодное. Понятно их стремление как-то приобщиться к этому

богатству. Так что дело не только в территориях, хотя пространства тоже сопряжены с богатством. Например, в России сосредоточены огромные запасы пресной воды, которой не хватает в Китае. Немало у нас и пригодных для сельского хозяйства земель, остро дефицитных во многих странах. Я не говорю уже о нефти и газе. Мы с советских времен привыкли переводить стрелку на американцев: они богатые — вот пусть и делятся с бедными странами. Но и у нас есть, чем делиться, есть что у нас отобрать.

Так что давление на Россию, как и на другие развитые страны, может приобретать разные формы, и миграционное давление — не худшая из них.

Этот вид давления, конечно, будет нарастать. Пока население стран «третьего мира» — в основном крестьянское — мало мобильно. Это не то население, которое готово легко сняться с места и поехать в другую страну. Но по мере урбанизации мобильность населения развивающихся стран повышается. Это тоже исторический процесс, через который проходят все общества. Начинается инфильтрация населения развивающегося мира в богатые страны, и она усиливается.

Международные миграции приобретают совершенно новую роль, становятся все более заметным фактором внутренней и внешней политики государств. Они выходят на первый план и как предмет изучения демографии, хотя, конечно, демография изучает только некоторые аспекты этого сложного социального явления, приобретающего всемирные масштабы. Но у нее здесь есть своя важная концептуальная ниша, потому что она объясняет, как и почему миграционное давление «Юга» на «Север» вытекает именно из глобального демографического контекста.

Но совпадает ли глобальный контекст и контекст отдельных стран?

Только отчасти. Развитые страны с характерными для них депопуляционными тенденциями заинтересованы в притоке мигрантов.

Население в них либо почти не растёт, либо даже

сокращается. Это порождает потребность в людях, причем не только, а может быть, и не столько количественную, сколько структурную. Каждое развивающееся общество имеет свою экономическую и социальную пирамиду, которую оно должно поддерживать, если хочет, чтобы его человеческий потенциал использовался эффективно.

Понятную модель этой ситуации дают крупные города. Возьмите Москву или любой значительный европейский город. Рождаемость в таких городах уже давно низкая. Но их население долгое время пополнялось за счет сельского — и количественно, и структурно. Так было всегда. Все эти лимитчики, все городские окраины, заселяющиеся выходцами из деревни, выполняют определенные функции. И городской экономический организм функционирует только потому, что есть все эти части. Если бы не было, кому водить автобусы, убирать улицы, строить дома, то организм умер бы — московская профессура к этой деятельности не приспособлена. Та же самая ситуация воспроизводится сейчас во всем мире — но уже на уровне целых стран. Все развитые страны нуждаются в притоке населения извне, потому что это им выгодно.

Но самим мигрантам на первых порах это тоже приносит пользу. Как ни мало они зарабатывают, выполняя менее престижную работу, а все же намного больше, чем у себя на родине, что и заставляет их мигрировать в дальние страны. Так что здесь интерес обоюдный — и тех стран, из которых едут мигранты, и тех, которые их принимают.

А в чем их интересы расходятся?

Понятно, что ни одна страна в мире не в состоянии принять больше населения, чем живет в ней самой. Да и экономическая потребность в иммигрантах не безгранична, какое-то количество их нужно, а больше — нет. Отсюда совершенно естественное требование к миграционной политике принимающих стран: не принимать мигрантов больше, чем нужно.

Но миграционный обмен — это партия, в которой

участвуют два игрока. Гонимые бедностью, а иногда и просто голодом, миллионы людей устремляются на поиски лучшей доли и постепенно, любой ценой, просачиваются в развитые страны. Контролировать этот процесс становится все труднее.

Какие тут возможны стратегии ?

Сейчас у нас этой стратегией заведуют генералы, и не мне, штатскому человеку, давать им советы. Но коль скоро вы меня об этом спрашиваете, я бы сказал, что они пытаются решить проблемы миграции, выстроив линию обороны на границе страны (не впускать, не регистрировать, депортировать и т.д.), а серьезная оборона должна быть глубоко эшелонированной. Опасен не сам факт проникновения человека в страну, пусть даже и нелегально, опасно то, что происходит потом.

Иммигранты приезжают не от хорошей жизни. И если им повезло как-то проникнуть в страну, найти работу, то на первое время они соглашаются на любые условия, готовы жить нелегально или полулегально, платить взятки и т.п. Но рано или поздно они понимают, что оказались в дискриминированном положении — и начинает нарастать недовольство. И если вы не нашли способа интегрировать их в свое общество, то они останутся частью того, из которого вышли, и превратятся в пятую колонну.

Мораль: главное, на что должна быть направлена иммиграционная политика (с учетом тех ошибок, которые были сделаны в Европе) — *интеграция* мигрантов. Такая интеграция — и в как можно больших объемах (а не максимальное ограничение числа мигрантов) — должна быть осознана в качестве самостоятельной национальной задачи. Она связана не просто с тем, что происходит в России, Франции или Америке, а с тем, что происходит на всем Земном шаре и на что мы не можем повлиять.

Развитые страны прямо заинтересованы в увеличении своей миграционной емкости: надо принять как можно больше мигрантов, интегрируя их.

Если люди уезжают оттуда, приезжают сюда и здесь

интегрируются, то они становятся уже нашими, а не тамошними. Такая интеграция возможна, только если на нее направлены очень большие усилия, очень большие ресурсы. А что происходит у нас в России? Если вы скажете кому-то, что нужно выделять деньги на обучение людей, приезжающих из Африки, а тем более давать им жилье, на вас посмотрят, как на сумасшедшего.

Первое поколение иммигрантов, скорее всего, до конца интегрировать не удастся. Если человек приезжает и поселяется в пригороде Парижа (Москвы), в окружении своих земляков, то он и останется таким, каким был. А потом мы удивляемся, что он не знает, как себя вести у нас. Может быть, он ведет себя неплохо, но в соответствии со стандартами Вьетнама или Алжира, а должен вести себя хорошо в соответствии со стандартами той страны, в которую приехал. Этому могут научиться дети иммигрантов, но и их можно упустить, если вовремя об этом не задуматься.

Короче говоря, мигрантов надо «сопровождать», помогать им и их детям адаптироваться и интегрироваться. Но для определенных слоев российского, да и не только российского, общества выгодно иметь неинтегрированного иммигранта: его можно эксплуатировать, он должен бояться. Это позволяет держать на низком уровне оплату труда даже русским. Чтобы переломить подобную ситуацию, нужна серьезная политическая воля.

Есть ли у нас резерв, откуда можно ожидать мигрантов?

Резерв у нас — 5 млрд жителей развивающегося мира. Но вы, конечно, спрашиваете о другом: есть ли резерв предпочтительных для нас мигрантов? Есть и немалый, но мы, по ограниченности своей, не хотим его использовать. Даже русских, стремящихся, по существу, репатриироваться на родину, часто не хотим пускать. А есть еще бывшие среднеазиатские республики СССР. Если бы политика была разумной, то за мигрантами оттуда надо было бы охотиться. Это иногда и делают. В Москве, например, немало легальных

таджиков, и московское городское хозяйство очень широко их использует. Но в целом гораздо чаще слышны голоса, требующие ограничения иммиграции. На это работают многие политики, считающие себя патриотами. А чего стоит постоянное объединение проблемы миграции с проблемой терроризма! Не помешает напомнить, что чеченские, ингушские и проч. «террористы» — это ведь граждане Российской Федерации, а вовсе не мигранты, легальные или нелегальные. Мне же кажется, что подобного рода патриотизм ведет к разоружению и поражению. С такими представлениями демографического будущего у России нет.

Когда все внимание сосредоточивают на силовых мерах ограничения иммиграции, начинают жонглировать словечками типа «выдворение», «депортация» и т.п., то, ясное дело, исходят из уверенности в своей силе, которой хватит на то, чтобы реализовать подобные обещания. А хватит ли? Если говорить обо всех развитых странах, то доля их населения в пределах совокупного населения мира никогда не была большой, но в начале XX в. все-таки составляла 30%, и никто не мог сравниться с ними ни в экономике, ни в военной мощи. Но к 2050 г. на одного жителя развитых стран будет восемь жителей нынешнего развивающегося мира. Вероятность конфликтов с остальными при этом возрастает, а атомное оружие уже не будет ничьей монополией. Так что с конфронтационного пути лучше бы сойти заранее.

Вариант стратегии, о котором я говорю, т.е. расширение миграционной емкости, означает переговоры вместо войны. Русский, француз, американец — это не разрез глаз и цвет кожи, а определенная культура. Миграционные генералы рассматривают жизнь в чисто физическом измерении. А мир многомерен, и его социокультурное измерение важнее физического. Если бы удалось интегрировать в культурное пространство развитых стран представителей развивающихся стран при одновременном замедлении прироста населения в них, это во многом решало бы проблему перенаселения Земли.

Русская или, скажем, французская культура не останется той же, если эти страны примут огромное количество

мигрантов. Она как-то модифицируется, что неизбежно. Но разве это означает разрушение «старых» культур? Не обязательно, чтобы культура всегда оставалась такой же, как при царе Алексее Михайловиче. Она все время меняется. Но надо стремиться сохранить и укрепить ее базовые элементы — и не в музее, а в жизни. Один заброшенный судьбою в Россию арап дал русской культуре больше, чем любая миграционная служба былых и нынешних времен.

Какими могут быть оптимальные для России механизмы интеграции иммигрантов?

На этот счет я бы не стал давать никаких теоретических советов. Это процесс, который требует проб и чреват неизбежными ошибками. Можно высказать общие соображения, которые очевидны каждому, но это не будет точным прогнозом. Понятно, скажем, что надо избегать изоляции мигрантов, их обособленных анклавов. Но в целом разумные формы интеграции надо еще искать, и чем раньше мы начнем такой поиск, тем лучше. Надо пробовать разные варианты. Если бы какой-то губернатор действовал одним способом, другой — иным, а потом варианты можно было бы сравнить, то результат был бы гораздо более эффективным, чем любые теоретические рассуждения. Здесь важно не настаивать заранее на конкретных механизмах, а обратить внимание на проблему и на саму ее постановку, гласящую, что проблема интеграции иммигрантов — *не беда, а задача*, и при том одна из центральных, внутренней политики страны. Ибо остановить процесс иммиграции, закрыться от нее уже невозможно.

Что демография фиксирует сейчас как основные, катастрофические угрозы для России?

Я выделяю пять таких угроз. Первая угроза — высокая смертность. Это специфическая российская угроза, в развитых странах смертность постоянно снижается. В этом смысле мы даже позади многих развивающихся стран. Некоторые объяснения этой беды лежат на поверхности — тот же

алкоголизм, например. Но если говорить в более общем смысле, то причины высокой смертности заключаются в низкой ценности жизни — психологической установке, сложившейся в традиционной культуре и укоренившейся в системе ценностей и во всем поведении, в политической культуре (с точки зрения которой человек — ничто). У нас никого не пугает, если кто-то умер или кого-то убили. Люди — это то «добро», которым власти распорядиться легко. При распределении бюджета больше средств выделяется на оборону, и кажется, что это более важно для национальной безопасности. А если миллионы людей умирают без всякой войны, то это как будто к безопасности не относится. Но из-за высокой смертности мы теряем столько, сколько можно потерять в большой войне. Если посмотреть на разрыв в уровне смертности между нами и западными странами, то станет ясно, каковы наши потери. Тут и война не нужна.

Вторая угроза — низкая рождаемость. Она низка не только у нас, и в этом смысле положение с рождаемостью совсем не то, что со смертностью. По смертности мы резко отличаемся от западных стран, а если судить по уровню рождаемости, то мы с ними в одной лодке. Уровень рождаемости у нас такой же, как в Германии, Италии, правда, он ниже, чем в Америке. Но в целом низкая рождаемость — проблема всех развитых стран. В чем ее причины? «Человек с улицы» всегда знает, как помочь беде: «Дайте нам хорошую зарплату, дайте нам квартиру, и мы тогда нарожаем детей». Но низкая рождаемость — признак как раз более богатых и более благополучных обществ. Весь образ жизни развитых стран и городских обществ не располагает к высокой рождаемости. Можно пофакторно объяснить, почему городской семье трудно и даже невозможно иметь троих, пятерых детей. Но за этим, я думаю, стоит более общая проблема. Какое объективное демографическое требование стоит сейчас перед миром? Доведение рождаемости примерно до такого уровня, какой сейчас имеется в Европе. Если этого не произойдет, т.е. если рост населения не прекратится и не сменится его сокращением, человечество погибнет. Оно не

может расти непрерывно. Европейские страны указали в свое время путь к низкой смертности. Чтобы снизить рождаемость, нужны технологические, а главное — социальные механизмы. Культура высокой рождаемости, культура «плодитесь и размножайтесь» не годится в этих условиях. Развитые страны задают образцы поведения для остальных.

Третья угроза — это старение. Население стареет из-за того, что рождаемость низка. Становится мало молодежи и много пожилых. Увеличивается срок сосуществования поколений. При ранней смертности одновременно редко существовали три поколения. При росте средней продолжительности жизни одновременно могут жить прадеды и правнуки. Общество должно как-то адаптироваться к новым условиям, а оно к этому не готово.

Взять хотя бы то, что постоянно говорят по поводу растущего бремени пожилых иждивенцев в расчете на одного трудоспособного. Это верно лишь отчасти. На иждивении взрослых работников находятся не только пожилые люди, но и дети. Доля пожилых и в самом деле растет, но доля детей сокращается, а общая нагрузка иждивенцами может при этом и не изменяться. В России она начнет увеличиваться еще не скоро, пока этого нет. Другое дело, что пенсионеров становится много. Пенсионеров содержит государство (но, правда, за счет ресурсов, которые они же и создали), а детей — родители. Поэтому государство и озабочено. Здесь, как и во многих других случаях, дело, видимо, в том, что общество институционально не готово к новой структуре возрастной пирамиды. Когда пенсионеров было мало, а детей много, сложились какие-то институты. Теперь все должно быть переосмыслено, но пока такого переосмысления не видно. Слышен крик депутатов или Министерства финансов, но это только мешает осмыслить новую социальную проблему.

Четвертая угроза — это депопуляция, т.е. сокращение общей численности населения. Естественный прирост населения у нас отрицательный из-за высокой смертности, но главным образом все-таки из-за низкой рождаемости. А приток населения за счет иммиграции не покрывает

отрицательного прироста. ООН время от времени интересуется у правительств разных стран, что они думают о своей демографической ситуации. Голландия, например, отвечает, что ее не беспокоит проблема снижения рождаемости и сокращения населения, потому что это страна с огромной плотностью населения. У России три четверти территории пусты.

Россия в 1950 г. была четвертой страной в мире по численности населения после Китая, США и Индии (СССР был впереди США). А сейчас она стремительно откатывается назад, потому что появляются все новые и новые страны, где население растет, а у нас оно сокращается. По последним мировым прогнозам, Россия отодвинется к 2050 г. на восемнадцатое место. Иными словами, это будет средненькая по населению страна с большой территорией. Как к этому относиться? Один вариант — со всем этим согласиться и не принимать иммигрантов. Второй вариант — принимать иммигрантов, вылечивая старые болезни, но и получая новые. Вот та альтернатива, перед которой объективно стоит Россия. Подсчитано, что если принимать столько иммигрантов, сколько нужно, чтобы население не сокращалось, то к концу века численность иммигрантов и их потомков превысит численность автохтонного населения и его потомства. Это будет другая Россия. Надо выбирать. Это дело политиков. Но расклад ясен.

И в этих условиях быстро нарастает сокращение населения и, следовательно, будет быстро снижаться численность работоспособного населения. Никто, конечно, не определил, что его должно быть столько-то и ни на одного человека меньше. Но когда территория огромна, когда вся структура экономики и управления уже сложилась, существует какой-то предел, ниже которого население не может опуститься без того, чтобы это не привело к серьезным осложнениям. Кто будет работать на непрестижных работах? Кто будет осваивать новые районы? Кто поедет в Сибирь? Россия так и не освоила Сибирь, хотя и прибегала к разным способам, включая и строительство концлагерей, и

комсомольские призывы. Но сейчас все ресурсы уже исчерпаны. Нет людей, чтобы заселить города. В России вообще очень слабая сеть городов.

А кстати, сколько всего у нас в стране крупных городов?

Городов-миллионников у нас тринадцать. На всю огромную территорию за Уралом — только Новосибирск и Омск. Даже и Петербург по американским, например, стандартам — уже не бог весть какой город. В Америке трехмиллионных, пятимиллионных городов несколько. У нас — Москва да Петербург. Остальные не дотягивают и до полутора миллионов. По данным текущего учета, Ростов-на-Дону, Волгоград и Пермь к 2002 г. утратили свой статус миллионников, перепись населения его как будто восстановила, но надолго ли? Население Перми по переписи — 1 млн 10 тыс. человек. Но нельзя эффективно осваивать территорию без крупных региональных центров, развитой стране нужна развитая поселенческая структура. Сейчас у нас города не возникают и не растут. Долгое время муссировалась проблема — как ограничить рост больших городов. Сейчас она сошла на нет, резервы деревни почти исчерпаны. Москва еще привлекает население, но уже в порядке исключения. Это тоже следствие депопуляции.

Вы сказали о пяти угрозах, а пока назвали четыре.

Пятая — это иммиграция, о которой мы уже говорили. В проблеме миграции фокусируются все остальные демографические проблемы. Можно попытаться максимально ограничить иммиграцию, но тогда общество останется перед лицом всех остальных проблем, о которых шла речь. В то же время, принимая большое количество иммигрантов, общество столкнется с очень серьезными вызовами. Эти вызовы должны быть осознаны и осмыслены уже сейчас. Мне кажется, что избежать крупномасштабной иммиграции России не удастся. Но когда речь идет о будущем, ни в чем нельзя быть уверенным на сто процентов. Может быть, я и ошибаюсь. И все же, хоть и не хочется выступать в роли Кассандры, свое

предупреждение я высказать должен.

Я полагаю, что массовый приток иммигрантов в Россию весьма вероятен, а с этим сопряжено множество опасностей. Что надо делать в подобной ситуации? Идти навстречу опасности или бежать от нее? У нас есть люди, которые на то и поставлены, чтобы отвечать на такие вопросы, — пусть они и думают. А мое мнение однозначно: второй путь — абсолютно проигрышный, а первый все-таки дает шанс.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЯ, СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Знания, почерпнутые из области демографии и миграции, в настоящее время имеют широкое прагматическое применение. Кажется, уже самих фактов, касающихся демографии и миграции, достаточно, чтобы предлагать некие социальные и политические рецепты и программы. Таким образом, хотя эти области знания и не принадлежат к традиционным сферам, с которыми соотносятся интеллектуалы, современная высокая степень «ангажированности» и политической значимости этого знания, использование его в качестве аргумента в различных дискуссиях побуждает нас пристальнее присмотреться к этой области, к ее состоянию и системе позиций, в ней представленной. Отсюда первый вопрос: в каком состоянии в современной России находится демография как отрасль знания?

Мне, кажется, уже приходилось цитировать слова, которые я как-то прочел в материалах одной французской демографической конференции. Ректор Страсбургской академии, обращаясь с приветствием к участникам конференции, сказал: «На протяжении последних трех десятилетий демография играла роль ведущей дисциплины в концерте гуманитарных наук. Строгостью методов, богатством гипотез, глубиной полученных результатов она привлекла внимание всех специалистов, изучающих общество и человека. Своим примером она способствовала развитию многих смежных дисциплин и объединению их усилий. Она

¹ Интервью Виталию Куренному для книги: Мыслящая Россия: картография современных интеллектуальных направлений / под ред. В. Куренного. М.: Наследие Евразии, 2006. С. 257—272.

не только проясняет историю наших обществ, она указывает также их будущее, потому что для наших старых европейских стран нет богатства более надежного, чем количество, квалификация и ум людей»¹. Дело было в 1982 г. Так что если интеллектуалы и «не соотносятся» с этой областью знания, то лишь наши замшелые интеллектуалы, отставшие от жизни лет на пятьдесят, если не больше.

Но правда и то, что и отечественная демография не далеко от них ушла. Это на Западе после Второй мировой войны она стала весьма важной, значимой наукой. Появилось множество научных центров, занятых этими проблемами, в которых работает масса людей. Во Франции Национальный институт демографических исследований был создан по указу де Голля в 1945 г. Он и сейчас остается самым крупным в мире учреждением такого рода — в этом году отмечаем его шестидесятилетие. А у нас мы в прошлом году отмечали семидесятилетие *закрытия* демографического института. В СССР демография не получила места в семье социальных наук, в отличие, например, от этнографии (этнологии), которой занимается соответствующий академический институт. Институционально демография в нашей академической системе не представлена и до сих пор.

Для того чтобы некая наука вообще могла существовать, необходима определенная критическая масса людей, работающих в данной научной области. Если этого нет, то нет и возможности развивать нормальную систему научных взглядов, закреплять полученное знание: приходит любой человек, непонятно откуда взявшийся, и вместо того, чтобы садиться за парту, сразу лезет на профессорскую кафедру. И ему фактически невозможно противостоять, потому что нет школы, нет накопленной массы знаний, которая запрещает определенного рода вещи. Если сейчас среди физиков появится персонаж, который станет распространяться об идее вечного двигателя, то с ним никто не станет разговаривать.

¹ Les ages de la vie. VIP Colloque national de demographie. Strasbourg, Mai 1982. Actes du Colloque. Tome II. P. 7.

Потому что этот вопрос уже пройден, он считается решенным. А у демографов время от времени возникают какие-то доморощенные фигуры, способные только на создание «информационного шума», но даже в академической среде их иной раз воспринимают всерьез.

Иными словами, в нашей демографии нет «нормальной науки» в том смысле, как ее понимал и описывал Томас Кун, «нет того социально-концептуального комплекса, который он назвал «научная парадигма»?

Да, многие у нас любят объявлять свою точку зрения «парадигмой». Но произвольное суждение какого-то человека не является парадигмой, для ее существования требуется «нормальное» научное сообщество. Если бы у нас была хотя бы сотня демографов, тогда такого рода вещи ушли бы на второй план, и не нужно было бы всякий раз заново доказывать, что вечный двигатель создать нельзя. А вот в области демографии сейчас сплошь и рядом встречаются носители такого рода «донаучных» идей. Но именно в силу своей «донаучности», примитивной упрощенности, «понятности» подобные идеи зачастую очень нравятся политикам, малообразованным журналистам, они тиражируются, выдаются за некое знание.

Сейчас сплошь и рядом встречаются люди, которые говорят о какой-то своей особой «точке зрения» на демографические проблемы. Но никакой «точкой зрения» это в действительности не является. Люди набивают себе цену, привлекают к себе внимание, выступают не с обоснованными высказываниями, а с благими пожеланиями, ложными посулами. Скажем, внезапно, как черт из табакерки, появляется некто, представляющийся директором «центра демографических исследований». Кто этот человек и что это за центр — никто не знает. Но он так себя назвал — и этого достаточно, появился еще один источник информационного мусора.

И дело ведь не в том, что у нас совсем нет хороших и грамотных специалистов. Когда мы отбираем статьи для того

же «Демоскопа», то порой даже к своему удивлению часто находим хорошие работы, которые пишут люди из разных научных институтов, присылают из других городов. Но нет центра кристаллизации, и нет механизмов его создания.

У нас не существует демографического образования, демографического просвещения. Сейчас в демографической сфере происходят необычные, очень глубокие и серьезные по своим последствиям сдвиги. Поэтому какие-то начала демографического знания должны прививаться уже на школьной скамье, чтобы человек мог разбираться в том, что происходит. Мы же — по части демографических знаний — какие-то Митрофанушки. Слушаешь иных высокопоставленных чиновников, политиков — и волосы дыбом встают.

Нельзя сказать, что власти не проявляют интереса к демографической ситуации. Время от времени к нам обращаются представители государственных структур, уполномоченные с ней разобраться. Мы пишем какие-то записки и т.д. Но на этом дело и заканчивается. Обычная советская штурмовщина. Так и раньше было. Готовились к очередному съезду партии — начиналась бурная деятельность. В итоге в докладе генсека появлялся какой-то абзац о том, что у нас в этом плане не все благополучно. Тем дело и заканчивалось. Сейчас, бывает, приглашают на телевидение, якобы поговорить о демографии. Приходишь — и оказывается, что ты просто гарнир для какого-нибудь Селезнева или Говорухина, который собирается баллотироваться в Думу, и ему надо с экрана выразить озабоченность бедственным демографическим состоянием России.

Вы говорите, что демографию свернули в 1930-е годы. Почему?

1920-е годы были временем расцвета социальных наук, да и не только наук — искусства, культуры и т.д. Занимались и демографией. При этом все плохое списывалось на дореволюционный период, а так как демографического «негатива» в старой России хватало, объективные

исследования поощрялись. Определенный итог этому периоду подвела перепись населения 1926 года.

Но потом пришла пора демонстрировать уже свои достижения, а если они и были тогда, то никак не в области демографии. Коллективизация, голод — кто как не демографы должны были изучать огромные потери, которые понесла страна. Но о них никто не должен был знать. Поэтому уже в 1934 г., аккуратно когда начали готовиться к переписи населения 1937 г. (первоначально ее намеревались проводить раньше, сроки неоднократно переносились), закрыли Демографический институт в Ленинграде. Результаты этой переписи не устроили власть, перепись объявили вредительской, многих ведущих демографов пересажали и стали готовиться к повторной переписи — 1939 г. Тогда и ликвидировали последний, киевский Институт демографии.

Если бы демографы продолжали существовать, они должны были бы что-то говорить. А коль скоро их нет, то нет и такой проблемы. Разумеется, сокрытие потерь было нужно и после Второй мировой войны.

Как складывалась последующая судьба демографии?

Когда к проблемам демографии начали возвращаться, уже в 1960-е годы, профессиональных демографов в СССР почти не было. В этой области стали работать — иногда успешно — экономисты, географы, математики, философы и т.п. Например, один из наиболее известных демографов Л. Дарский был по образованию юристом. Но все-таки отсутствие школы давало о себе знать. Специалистов по народонаселению готовил у нас в основном МГУ, но это была особая подготовка. Она была идеологизирована, испытывала сильное влияние тогдашней политэкономии, ее методов. Издавались работы под названием «Марксистско-ленинская теория народонаселения» и т.д. Между тем демография — это дисциплина, имеющая свою собственную методологию, перерабатывающая огромную статистическую информацию, широко применяющая количественные методы исследования, математические модели.

В перестроечный период, правда, было время, когда едва не создали Институт демографии. Но все завершилось тем, что в 1988 г. был основан Институт социально-экономических проблем народонаселения (нынешний ИСЭПН РАН). Самостоятельные, имеющие свою собственную природу демографические проблемы в очередной раз были сведены к социально-экономическим. Получилось, что появился еще один экономический институт — вдобавок к тем многим, которые в Академии наук уже были. А демография опять осталась беспризорной.

Но почему так вышло? Существовало же понимание важности этих проблем еще в советское время.

Здесь множество факторов. Конечно, в этом есть и определенная вина нашей Академии наук: кто как не она должна заботиться о развитии новых научных направлений. Не могут же они не понимать, что закрытие в 1930-е годы институтов демографии диктовалось политической и идеологической конъюнктурой, которая давно ушла в прошлое, а сейчас отсутствие подобного института противоречит логике развития современного социального знания. Кстати, институты демографии недавно созданы во многих странах СНГ. У нас же — олимпийское спокойствие.

Но есть, может быть, и более общие причины, отражающие взаимоотношения науки и власти. Я вспоминаю забавный эпизод. Когда в середине 1960-х годов на Украине стала возрождаться демография, там решили провести конференцию. Пошли к тогдашнему первому секретарю компартии Украины Владимиру Щербицкому. И он произнес фразу, которую я считаю классической: «У нас сейчас не такая хорошая демографическая ситуация, чтобы нам проводить конференцию по этому вопросу». Другими словами, научная конференция рассматривалась как своеобразная ярмарка достижений. Тогда все же Щербицкого удалось переубедить, и в 1966 г. в Киеве прошла первая в послевоенном СССР крупная конференция по демографии. Но логика отношения к науке как к инструменту «политтехнологии» не исчезла, она

сохраняется и у нынешней российской власти.

Я не могу сказать, что никто не интересуется тем, чем мы занимаемся. Время от времени нас с интересом выслушивают даже на самых высоких уровнях, чего раньше не было. Но поскольку наше знание нельзя использовать, скажем, для прямого воздействия на электорат, то интерес быстро угасает. Как и в советское время, от науки требуют «рекомендаций». Но ведь никто не требует от метеоролога, чтобы он порекомендовал, как исправить погоду. Он должен предсказать ее изменения, чтобы люди могли заблаговременно к ним подготовиться. Это мы и делаем в своей области.

Наши прогнозы не слишком оптимистичны, и они многим не нравятся. Конечно, это не нравится и нам самим, мы бы с большей радостью пообещали что-нибудь более приятное. Однако пока мы не находим оснований для оптимизма.

Представьте себе, что метеоролог предсказывает суровую зиму, а ему говорят: нет, ваш прогноз нам не подходит, он требует очень больших затрат на отопление; мы поищем другого метеоролога, чтобы он нам повысил температуру на несколько градусов. Абсурд? Но не в области демографии.

У нас существует принятая еще в 2001 г. официальная Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г., она провозглашает в качестве главной цели «стабилизацию численности населения и формирование предпосылок к последующему демографическому росту». Для демографов очевидно, что такая цель недостижима не только до 2015 г., но и в течение более длительного периода. Однако чиновникам хотелось что-то пообещать народу, и они не стали обращаться к «метеорологам», которые делали неподходящие предсказания, а просто заявили о том, что причины роста смертности и сокращения рождаемости «должны быть полностью устранены к 2015 г.». О том, как понималась при этом роль науки, можно судить по интервью одного из высокопоставленных чиновников тогдашнего Министерства труда и социального развития РФ, в котором говорилось: «В

Минтруда России пока не знают, как убедить россиян, что три или четыре ребенка в семье лучше, чем один или два, или же как склонить мужчин к здоровому образу жизни... Предполагается, что ответы на эти вопросы появятся через два года». За это время «министерство рассчитывает получить от ведущих отечественных вузов и исследовательских институтов фундаментальные аналитические работы. От ученых в Минтруда ожидают, в частности, исследований поведения россиян и мотивов, побуждающих семьи иметь всего одного ребенка»³.

Автор этих слов, конечно, не мог не знать, что подобные исследования ведутся во всем мире уже не два и даже не двадцать лет, но именно результаты этих исследований его и не устраивали. Поэтому, с его точки зрения, имеющаяся демографическая наука была бесполезна, а нужна была какая-то другая, которая дала бы заранее известный, нужный чиновнику результат.

В таком климате научное знание развиваться не может.

Как обстоят дела с демографией не как наукой, а с состоянием демографических исследований — при указанном дефиците демографов, отсутствии опорных институтов и т.д. Насколько хорошо, иными словами, мы знаем нашу демографическую и миграционную реальность?

Знаем, но, возможно, недостаточно. Демография — это такая дисциплина, которая во многом опирается на государственную статистику, на результаты переписей населения и т.д. В этом отношении мы в лучшем положении, чем, например, социологи, которым нужно постоянно проводить полевые и эмпирические исследования.

Но официальная демографическая статистика, кстати, ухудшившаяся с конца 1990-х годов из-за непродуманных решений Государственной думы РФ, дает не всю необходимую информацию, так что демографы тоже проводят свои полевые исследования. В качестве примера назову недавнее исследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе». Россия впервые участвовала в

подобном исследовании, которое проводится по единой программе во многих развитых странах. В России оно осуществлялось Независимым институтом социальной политики, от нашего Центра в нем участвовал Сергей Захаров. Другой пример — изучение проблем смертности в Удмуртии. Ведется довольно много исследований по миграционной проблематике. Но, как правило, исследовательскую деятельность демографов сильно сдерживает ограниченность денежных, а главное людских ресурсов.

Относительно многих цифр, связанных, например, с миграционной ситуацией, нередко возникают сомнения в надежности методологии. Скажем, относительно оценок численности нелегальных мигрантов, которые колеблются в очень широких пределах.

Нелегальные мигранты потому и нелегальные, что их число невозможно достоверно оценить. Цифры, которые приводятся, являются липовыми. Но, к счастью, сейчас хотя бы стали признавать, что такая проблема есть. Когда приводятся какие-то высокие цифры, например, 15 млн нелегальных мигрантов в России, нужно отдавать себе отчет в том, что эти данные взяты из воздуха. Чиновники, занимающиеся безопасностью, милиция, приводя такие цифры, набивают себе цену.

Разные показатели имеют разную степень достоверности. Вполне уверенно мы можем говорить о показателях рождаемости или смертности. С браками ситуация уже сложнее, поскольку сейчас немалое их число не регистрируется. Недавно мы закончили большое исследование «Демографическая модернизация России: 1900—2000 годы». Специальная глава в нем посвящена демографии как науке, где рассказывается о сокрытии демографических данных в прошлом, и показано, что она и сейчас еще не всегда может получить достоверные сведения. Но я бы сказал, что сегодня мы знаем немало. В советское время многие данные собирались, но не публиковались. Теперь они стали доступны, но потребовалось время для их обработки и осмысления. Мы,

например, работая совместно с французским Национальным институтом демографических исследований, потратили несколько лет, чтобы восстановить все ряды показателей смертности по причинам смерти начиная с 1965 г., — сейчас они доступны всем.

Каким образом выглядит на сегодняшний день поляризация позиций по актуальным проблемам демографии?

Приведу цитату из недавней статьи заместителя начальника Федеральной миграционной службы МВД России Михаила Тюркина, которая, кстати, имеет непосредственное отношение и к предыдущему вопросу. Он пишет:

«Есть два наиболее известных (из опубликованных) варианта стратегии миграционной политики, и некоторые из их принципиальных различий заметны уже на уровне базовых подходов авторов. Речь идет о статье Анатолия Вишневого «Альтернативы миграционной стратегии», опубликованной в журнале «Россия в глобальной политике» (2004. №6), и исследовании коллектива авторов под общей редакцией Леонида Рыбаковского (Захарова О., Иванова А., Рыбаковский Л. Национальная безопасность и демографический рост. М., 2004).

Вишневецкий считает миграцию преимущественным фактором восполнения населения. У Рыбаковского же ей отведена только компенсаторная (замещающая) роль при условии проведения государственной политики по увеличению уровня рождаемости хотя бы до показателя 1,5—1,6 ребенка на семью и по снижению уровня смертности, т.е. миграция, по мнению автора, должна иметь селективный характер.

Несходные стратегические установки порождают и различия тактического характера. Это, в частности, касается вопроса, кого следует принимать, а кому отказать, — ответ на который может быть найден, во-первых, исходя из принципа территориальной общности и национальной принадлежности потенциального мигранта. Рыбаковский отдает приоритет русскоязычному населению из государств-участников СНГ и стран Балтии, Вишневецкий же придерживается здесь более либерального подхода, а именно: «от этнического к гражданскому пониманию нации и национального». Первый автор основывается на том, что миграционный потенциал ближнего зарубежья по-прежнему высок, второй полагает обратное.

Во-вторых, имеет значение качество иммиграции. Рыбаковский предлагает делать ставку на квалифицированные кадры. А вот Вишневецкий говорит о возмещении потребности российской экономики в низкоквалифицированной рабочей силе, и в этой связи неясно:

необходима ли быстрая натурализация иностранцев в России или следует идти, в частности, по пути их постепенной интеграции посредством привлечения на работу?

Обе представленные точки зрения базируются на определенных прогнозах развития демографической и экономической ситуаций в России, причем по их пессимистическому варианту. На наш взгляд, при наличии двух противоречивых факторов — сложной демографической ситуации и незаконной миграции — селективный подход более приемлем в качестве приоритетного в государственной стратегии миграционной политики»¹.

Казалось бы, яркий пример поляризации позиций. Но, по моему, она совершенно надуманная. Да, я считаю «миграцию преимущественным фактором восполнения населения». Но это — не мое «мнение», это констатация факта. Если я утверждаю, что после осени наступит зима, а не лето, то могу не рассматривать другие утверждения как равным образом обоснованные.

Для простого воспроизводства требуется 2,2 ребенка на одну женщину, а сейчас в России нужно и того больше. Пока этого нет, компенсаторную роль может выполнять только миграция — об этом говорю я, и об этом же говорит Рыбаковский. Непонятно, каким образом может быть иначе даже при уровне рождаемости в 1,5—1,6 ребенка. Саму постановку вопроса о том, что здесь могут существовать разные «точки зрения», считаю неправильной.

Различия здесь возникают за счет игры со словами. Например, сталкиваются выражения «преимущественный фактор» и «компенсаторная роль». Но это одно и то же. Если рождаемость выше, потребность в компенсирующей миграции меньше, и наоборот. В прогнозах нашего Центра рассматриваются разные варианты, в том числе и вариант повышения рождаемости до уровня 1,6 ребенка и даже выше. Каким должен быть при каждом варианте объем миграции, показывает расчет, его результаты опубликованы. Сделайте другой расчет, опубликуйте, тогда и поговорим.

¹ *Тюркин М.* Стратегия развития миграционной политики в России // Россия в глобальной политике. 2005. №1: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/12/3647.html>.

Вместо этого появляется апелляция к какому-то политическому подтексту, к соответствующей аудитории, чувствительной к риторике такого рода. Звучат выражения: «миграционная зависимость», «миграционная игла», «проходной двор» и т.д. Продолжая нашу аналогию с метеорологией, получается, что если мы говорим, что в декабре наступит зима, то значит, мы обязательно хотим, чтобы в декабре наступила зима, и умышленно сопротивляемся тому, чтобы в декабре наступило лето.

Разумеется, я также не считаю, что миграция это хорошо. Если продолжить нашу аналогию, то, разумеется, мне также хотелось бы, чтобы всегда было лето. Часто бывая во Франции, я вижу, например, что происходит с Парижем в связи с наплывом мигрантов. И конечно, я не хотел бы, чтобы такое повторилось у нас. Но понимаю, что этого нельзя избежать.

Наши прогнозы — это прогнозы-предостережения. Мы вовсе не с восторгом приветствуем приток большого количества иммигрантов, а лишь стремимся одновременно объяснить две вещи: 1) что миграция неизбежна и 2) что она таит в себе определенные опасности. Если не быть готовыми к этим опасностям, можно столкнуться с неразрешимыми проблемами — нельзя, чтобы они застали нас врасплох.

Когда же говорят о том, что можно повысить рождаемость до того уровня, какой нам нужен, и обойтись без крупномасштабной иммиграции, то это не более чем риторика, создающая иллюзию отвратимости того, что на самом деле неотвратимо. Особенно падки на эту иллюзию различные «патриотические» силы, выступающие с лозунгами «Россия для русских» и т.д. Причем содержание этих лозунгов никак не расшифровывается. Они работают на какие-то стереотипы массового сознания. А поскольку эти стереотипы очень устойчивы, то создается ситуация, при которой никто из политиков не рискует смотреть в лицо реальным проблемам.

Почему миграция неизбежна? В силу потребностей рынка труда?

Не только. Стране в первую очередь необходимо население как таковое. Россия имеет самую большую в мире территорию и при этом очень низкую плотность населения. Сокращение численности населения снизит ее еще больше. Нужно, например, как-то комплектовать нашу армию. Призывной контингент начнет сокращаться у нас с 2007 г. очень быстро. Получается, что нам придется отдавать в армию все, что у нас есть. Какое будущее ждет в таком случае нашу науку, культуру и т.д.? Но вакантные места в армии требуется заполнять, поскольку у нас имеется — даже если отвлечься от всего прочего — огромная по своей протяженности граница, которую кому-то надо охранять.

Пустеют территории. Были потрачены огромные усилия на то, чтобы худо-бедно заселить Сибирь и Дальний Восток, а теперь оттуда идет отток. Но там необходимо какое-то население — не обязательно даже рабочая сила. Население и рабочая сила — разные вещи. На работу человек может приехать и уехать. Совсем другое дело, если человек здесь оседает, обзаводится семьей, детьми. Его дети уже ходят в русскую школу, и через 20 лет мы имеем русского человека. Может быть с другим разрезом глаз или цветом волос. Так же как французом себя считает любой выходец из алжирской семьи, который родился и вырос во Франции. Держаться же за какие-то этнические или фенотипические особенности — это означает заколачивать гвозди в собственный гроб.

Рабочая сила также нужна. Но дело здесь даже не в количестве, которое, конечно, немаловажно ввиду наших территорий, а в структуре. В советское время была категория людей, которых называли лимитчиками. Это было структурное дополнение рабочей силы крупных городов. Кто-то должен был работать в горячих цехах, на транспорте, строить, подметать улицы. Москвичи или ленинградцы не хотели выполнять эту работу уже тогда, в советское время. Они перешли в другую социальную страту. Возникавший дефицит на рынке и пополнялся этими самыми лимитчиками. К которым, кстати сказать, отношение коренного населения было ненамного лучше, чем к нынешним мигрантам.

Сейчас нередко приходится слышать о том, что нам нужны квалифицированные кадры. Конечно, нужны. Но об этом должна заботиться, в первую очередь, наша система образования, она способна давать высокую квалификацию своим гражданам и даже экспортировать эти услуги. А чем более образовано собственное население, тем более оно нуждается в структурном дополнении, которое обеспечивало бы рабочей силой «нижние этажи» экономики. Ибо без этого и ее «верхние этажи» не смогут эффективно функционировать. Врач вам может сделать хорошую операцию, но потом вы умрете в палате, если там не окажется медсестры или нянечки.

Пришлые рабочие — это дешевая, неприхотливая рабочая сила. Представители миграционной службы любят порассуждать о том, что необходимо защищать их права и т.д. Милиция должна защищать их права в гражданской, так сказать, жизни. Если предприниматель отбирает у мигрантов паспорта, то здесь есть все основания для милицейского вмешательства. Но свои обычные трудовые права они должны защищать сами, действуя, например, через те же профсоюзы. Предприниматель всегда будет стараться ободрать рабочего человека — такова его социальная функция. Но в нормальном гражданском обществе есть институты, которые защищают интересы труда, — и это не милиция.

В то же время нельзя не понимать, что в случае с мигрантами нередко возникает ситуация, выгодная и работодателям: им они платят меньше, чем «своим», потому что эти работники зарабатывают больше, чем у себя дома. К тому же они занимают те места, которые не хотят занимать наши соотечественники. Это — один из механизмов, на которых держится нелегальная, а отчасти и легальная миграция, в каком-то смысле он выгоден всей национальной экономике.

Разумеется, есть проблема неуплаты налогов и многое другое. Но каждый должен заниматься своим делом. Сбор налогов — обязанности налоговой службы; интересы трудящихся должны защищать профсоюзы; милиция должна обеспечивать регистрацию и безопасность. Но у нас все

получается вывернутым наизнанку: милиция препятствует регистрации, предприниматели дают откат налоговым органам и т.д. В результате все это приобретает совершенно уродливые формы. И та политика, которую мы наблюдаем в этой сфере, только усугубляет ситуацию, милиция на деле создает благоприятные условия для коррупции, для эксплуатации приезжих и т.д.

Но на уровне заявлений декларируются совсем другие цели.

По каким критериям оценивается работа той же самой миграционной службы? По числу депортаций нелегальных мигрантов. И это всем нравится. Но мы не слышим от них отчетов о том, насколько они повысили объем регистрации. Логика этого вопроса, на мой взгляд, совершенно извращена.

Какие шаги нужно предпринимать, чтобы избежать негативных последствий притока мигрантов?

Необходимо повышать нашу миграционную емкость, нашу способность «переваривать», интегрировать мигрантов в российское общество. Это не так просто: нужно обучить их языку, потратить время и ресурсы на то, чтобы они освоили наши культурные стереотипы, правила поведения и т.д. Почти такие же проблемы, кстати сказать, нужно было решать и внутри самой страны в период урбанизации. Когда в 1930-е годы крестьяне попадали в города, они совершенно не умели жить «по-городскому». Но тогда этим специально занимались: существовали ликбезы, санпросвет, система фабрично-заводского обучения и т.п. В то время просветительскую функцию выполняла и армия...

А сейчас?

Сейчас уже нет. Мы все время отстаем, живем вчерашним днем. В настоящее время армия нередко выполняет противоположную функцию: не цивилизует, а способствует одичанию. Наши армейские традиции сложились, когда армия была по преимуществу крестьянской. А ныне большинство

населения России — городское, точнее — и это важно — «полугородское». Собственно «город» более или менее научился избегать армии, которая пополняется в основном «недоурбанизированными», промежуточными слоями — отсюда дедовщина и многие другие проблемы. Но мы отвлеклись.

Главная задача в области миграционной политики состоит в том, чтобы создать для мигрантов своеобразный коридор, в который они входили бы одними людьми, а выходили совсем другими. Даже если не они сами, то, по крайней мере, их дети должны быть ассимилированы (впрочем, они сами тоже должны по возможности избежать чрезмерных сложностей). Если этого не происходит, то конфликты неизбежны. И дело вовсе не в количестве иммигрантов, для возникновения конфликтов достаточно очень небольшого числа людей.

Но количество тоже имеет значение.

В том-то и дело. Мы говорим, что нужны большие объемы миграции для решения наших демографических проблем, чуть не миллион в год. Но мы не готовы принимать миллион мигрантов ежегодно. Если к нам хлынет такое число мигрантов, то может произойти катастрофа. Впрочем, даже и при меньшем их притоке надо учесть ошибки, совершенные европейцами, и постараться их избежать. Европейцы не слишком заботились об интеграции мигрантов, хотя там были школы, в которых учились их дети, и т.д. В итоге возникли анклав, сформированные по этническому принципу, где консервируются традиционные черты этноса, а интеграция тормозится.

А какое значение имеет этнический состав мигрантов?

Население мира за столетие выросло невероятно, и при этом изменился его этнический состав, рано или поздно это обернется изменением этнического состава населения России. Того мира, в котором Россия со своей территорией и своим населением могла существовать в позапрошлом веке, уже не существует. Прогнозы показывают, что если будет

крупномасштабная иммиграция в Россию, то ее нынешние жители и их потомки к концу XXI в. останутся в меньшинстве. Как жить в этой будущей России?

Возьмем тот же религиозный аспект. Общераспространенное отношение к этому вопросу состоит в том, что все религии равны, у каждого свой Бог и т.д. Мультикультурализм без границ. Но об этом нужно задуматься серьезно. Слишком сильное акцентирование конфессионального своеобразия, его консервирование разобщают людей и ослабляют единство нации.

Как может сказаться приток мигрантов из густонаселенных сопредельных стран, например из Китая? Пока мы еще отгорожены от него своими границами, защищать которые в состоянии все меньше и меньше. С Китаем у нас сейчас благоприятные отношения: проводятся совместные военные маневры, делаются взаимные реверансы и т.д. Но все переменчиво. Кто может поручиться, скажем, что центральное правительство в Китае всегда будет контролировать ситуацию, как это происходит сейчас? Мы можем смотреть на 5—10 лет вперед, но нужно видеть намного дальше. Демографическая ситуация в мире уже изменилась, а вслед за этим начинают меняться и экономические, и военные соотношения. Наивно думать, что мы сможем отсидеться вдалеке от этих процессов.

Принимать много выходцев из зарубежных стран опасно, а не принимать нельзя. Обратите внимание на стратегию американцев, которые — несмотря на все протесты и возражения, — продолжают поглощать огромное количество мигрантов, сохраняя свое третье место в мире по демографическим показателям (после Китая и Индии). Они и через 50 лет будут на этом же самом третьем месте. А что мы будем делать со стомиллионным населением на нашей территории? Мы ее просто-напросто не удержим.

Каким образом Вы рассматриваете проблему русской диаспоры, оказавшейся в других странах после распада СССР? Может ли политика, направленная на стимулирование их возвращения в Россию, решить наши

проблемы с населением? Или же за этими рассуждениями нет ничего, кроме благих пожеланий?

Ответ на этот вопрос зависит от региона. Если речь идет, например, о Средней Азии, то другого выхода, кроме возвращения русских в Россию, я просто не вижу, само пребывание в этом регионе для них становится опасным. Еще в начале 1990-х годов там проводились опросы, которые показывали, что в Средней Азии русские все еще чувствуют себя комфортно, в безопасности. Несмотря на это, они хотели уехать в Россию. Когда такие же опросы проводились в Прибалтике, то картина была обратная: русские говорили, что их обижают и притесняют, но возвращаться они не хотели. В массовом масштабе жить русским в Киргизии столь же нелогично, как и французам жить сейчас в России. Речь может идти о каких-то единичных случаях, а не о правиле.

Сложнее ситуация на Украине или в Казахстане. В Северном Казахстане есть места достаточно компактного проживания русских.

Например, в той же Караганде в основном живут русские, там есть университет, нет проблем с русским языком и т.д. Не думаю, что сейчас они все бросятся в Россию, хотя определенный отток идет и оттуда. Но власти Казахстана обеспокоены этой проблемой, и они стараются предотвратить выезд русских. Ведь там те же проблемы, что и у нас, — население сокращается, территория очень большая, рядом Китай, которого они очень боятся.

С Украиной еще сложнее. Там русские просто считают, что живут у себя. Рассчитывать на существенный их приток из Украины, на мой взгляд, не приходится. А если вдруг на Украине установится более либеральный политический и экономический режим, то о том, что кто-то поедет сюда из Украины, можно будет вообще забыть. И из Прибалтики к нам мало кто поедет.

Но даже если предположить маловероятное, что все русские из «ближнего зарубежья» вернуться в Россию, ее демографические проблемы несколько смягчатся, но для их полного решения этого ресурса недостаточно.

Какие исследовательские центры сейчас в России занимаются демографией?

В Московском государственном университете работают Центр по изучению проблем народонаселения, которым заведует Валерий Елизаров, а также кафедра народонаселения, руководимая Владимиром Ионцевым. Есть наш Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. В Институте социально-политических исследований существует Отдел социальной демографии, которым руководит Леонид Рыбаковский. Формально над этими проблемами должен был бы работать и уже упоминавшийся Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, но они занимаются в основном экономическими вопросами — бедностью и т.д. Однако к демографии в собственном смысле слова эти проблемы, на мой взгляд, отношения не имеют. Кроме того, в различных академических институтах можно встретить отдельных специалистов. Перечисленными центрами, пожалуй, и исчерпывается все наше сообщество демографов.

На этом фоне вызывают удивление заявления некоторых представителей власти, которые вдруг заявляют о том, что нужно бросить миллиарды на повышение рождаемости. Прежде чем тратить такие деньги, стоило бы потратить хотя бы один процент этой суммы на проведение соответствующих исследований. Куда там!

Кто главным образом финансирует ваши исследования?

В основном все финансируется иностранцами. Это зарубежные гранты и проекты. Даже когда мы делаем исследования на деньги, казалось бы, российского ведомства, зачастую это опять же зарубежные деньги, кредиты Мирового банка или что-то в этом роде.

Приведу один пример. С 1994 г. мы готовим ежегодный демографический доклад «Население России», 10 докладов уже издано. Нам никто этого не поручает, его нет ни в каких планах и, соответственно, он никак не финансируется. Всякий

раз приходится прилагать невероятные усилия для поиска средств, которые нужны даже не для исследований, а для простой публикации этого ежегодника. А речь идет о тысяче долларов — огромная сумма для нынешней России, не правда ли? Последние годы с публикацией (не с исследованиями) нам помогал Фонд ООН по народонаселению, который вообще-то призван помогать бедным развивающимся странам. Только в этом году впервые мы сможем издать наш доклад в издательстве «Наука» бесплатно. Но обращаю внимание на то, что это само, теперь уже 12-летнее предприятие, — просто наша личная инициатива, никто никогда нас об этом не попросил. По сути, это самодеятельность.

Изменяется ли как-то система финансирования в последнее время в связи с заметным уходом западных фондов из России?

Пока мы этого не заметили, но, в принципе, все может обернуться очень серьезной проблемой. Я не представляю себе, как будет существовать тот же «Демоскоп». Там только зарубежные гранты. Там нет ни одного российского рубля. Если фонды уйдут, он может просто прекратить свое существование.

Каким образом выстраиваются ваши отношения с зарубежными коллегами, существует ли здесь общее пространство коммуникации?

Коммуникация у нас очень интенсивная, но иногда она оборачивается для нас потерями. Мы имеем очень тесные связи с французским Национальным институтом демографических исследований, о котором я уже упоминал. Кстати, именно французы помогают нам с 1994 г. издавать бюллетень «Население и общество», поддерживают «Демоскоп», и все это — совершенно безвозмездно и бескорыстно. В проектах по исследованию России совместно работают и французские специалисты экстра-класса, и наши исследователи.

Потери же обычные: «утечка мозгов». В этом году на

Всемирном конгрессе демографов престижная премия Международного союза по научному изучению населения (IUSSP), которая раз в четыре года присуждается одному демографу за наибольший вклад в сравнительные исследования, была вручена нашему бывшему сотруднику Владимиру Школьникову. Сейчас он работает в институте Макса Планка в Германии. Обидно, что не у нас, но ведь мы понимаем, что там его мозги были востребованы, а здесь — нет.

В чем мы отстаем от западных исследователей? Демография как наука обширна, она имеет сложную внутреннюю структуру, включает в себя экономическую демографию, этническую демографию и т.д.

И мы не покрываем всю эту структуру, занимаясь только центральным ее островком — собственно демографическими проблемами (рождаемость, смертность, миграция). Если французский институт — это огромное шестиэтажное здание, то в нашем центре — всего шесть комнат. К этому следует добавить проблему молодого поколения. Понятно, что к нам, на наши зарплаты просто никто не идет. И хотя мы продержались долго — больше 15 лет, — сейчас я не вижу перспектив. Все имевшиеся резервы мы уже исчерпали. В коллективе у нас поддерживается очень хорошая атмосфера, но все же чувствуется, что люди выдыхаются, устают, да и просто стареют. Даже если бы сейчас речь зашла о создании специального института, мы бы просто не смогли сразу набрать нужного числа специалистов. И тем не менее у нас ситуация все же лучше, чем, например, на той же Украине, где демографический институт уже создан.

Летом 2005 г. я проводил семинар в Грузии для представителей трех закавказских государств. И видно, что к нам тянутся — в силу давних исторических связей, в силу того, что мы ближе к центрам цивилизации, у нас выходит какая-то литература и т.д. Но подобные контакты становятся все более редкими. В том же французском Национальном институте демографических исследований постоянно стажировались молодые ученые со всего мира, они

устанавливают долговременные научные связи, усваивают какие-то точки зрения. Это важный канал влияния. Но у нас и об этом никто не думает.

В ДЕМОГРАФИИ ВСЕ СЕБЯ СЧИТАЮТ СПЕЦИАЛИСТАМИ¹

Анатолий Григорьевич, в статье «Неперспективная Россия?», опубликованной в нашей газете в августе 1990 г., Вы с Вашим соавтором Сергеем Захаровым предсказывали, что «связанная с низкой рождаемостью проблема воспроизводства населения России в ближайшее время будет скорее всего обостряться». Как Вы думаете, если бы власть тогда прислушалась к Вашим словам, стал бы демографический кризис столь острым?

Если бы мы были конструкторами самолетов или мостов, сейсмологами или синоптиками, к нам, возможно, кто-нибудь и прислушался бы. Но в демографии все себя считают специалистами. Посмотрите, с какой легкостью даются советы, как исправить ситуацию. И порой это делают те самые люди, которые не прислушались к нашим словам тогда. Когда предсказанное обострение произошло, они уже перестали быть властью и принялись обвинять в нем тех, кто пришел им на смену. К сожалению, общественное мнение чувствительно к подобным обвинениям, у нас любят искать виноватых.

Но правда и то, что прислушаться к предостережениям демографов не так просто. Факторы демографической ситуации многообразны и сложны. Они укоренены в жизни общества и далеко не всегда поддаются воздействию даже самой мудрой власти.

Низкая рождаемость вызывает беспокойство не только в России. Если бы повысить ее было просто, то хотя бы где-то это уже было сделано. Ведь есть страны, в которых на эти цели тратятся очень большие средства, где уровень жизни намного выше, чем у нас, а рождаемость все равно остается очень низкой.

¹ Из интервью корреспонденту газеты «Трибуна» Илье Медовому (Черные русичи с узкими глазами // Трибуна, 15 сентября 2006).

Дети — не товар

Что же, по-вашему, ничего нельзя сделать?

Чтобы успешно лечить болезнь, надо знать правильный диагноз. А знаем ли мы его?

Часто приходится слышать, что рождаемость низка из-за эгоизма родителей, которые не хотят лишать себя удовольствий свободной жизни. Но мне кажется, что все ровным счетом наоборот. Современные родители рожают мало детей из-за сознания собственной ответственности перед ними. Они, как правило, отдают очень много сил их воспитанию, основательно выкладываются, чтобы обеспечить их будущее. Так ли это плохо?

И что могут изменить денежные пособия? Облегчить воспитание детей? В какой-то мере, на каком-то этапе их жизни — несомненно. Но значение денежного вспомоществования семьям с детьми не стоит преувеличивать. Дети — не товар, который можно купить за деньги.

Значит, нужно что-то еще?

Да, и это что-то следует искать. Нужно, мне кажется, найти разумную меру, наилучшее соотношение разных функций и ролей, которое дало бы родителям возможность реализовать себя, в том числе и как родителей, общаться с детьми, работать и т.д. Эту меру можно найти только методом проб и ошибок, испытывая разные варианты. Государство должно помочь в этом поиске. Надо создавать социальный климат, в котором семья чувствовала бы себя не столько свободной от бремени детей (это то бремя, которого люди хотят, которое придает смысл их жизни), сколько способной реализовывать все свои интересы. Это непростая, к тому же все время видоизменяющаяся задача.

Кто должен ее решать?

Она может решаться только в социальном диалоге, в коллективном осмыслении проб и ошибок. Это задача и для политиков, и для журналистов, и для церкви — для всех.

Но я бы выделил то, что мне ближе всего, — науку. У нас демографическая наука очень слабо развита, десятилетиями говорят о необходимости специального института, журнала — ничего этого нет.

После Второй мировой войны, когда Франция оказалась в тяжелой демографической ситуации, Шарль де Голль специальным декретом создал Совет по проблемам народонаселения, председателем которого стал сам (подчеркнув тем самым значимость проблемы), и одновременно учредил Национальный институт демографических исследований. Не потому ли ситуация с рождаемостью во Франции сейчас лучшая в Европе? А мы — в самом хвосте.

Нынешний российский президент интересуется демографическими процессами, но демографическая политика отдана на откуп чиновникам, которые не тратят времени на ее исследования. В решение «проблемы номер 1» готовы вбухать миллиарды, но научного обоснования, как лучше потратить эти миллиарды, нет.

Нельзя все время кочевать от одной утопии к другой. «Давайте всем дадим квартиры!» — предлагают одни. «Давайте платить молодым матерям деньги, равнозначные зарплате», — говорят другие. Но есть законы экономики, которые не позволяют делать все, что хочется. Надо выстраивать экономическую систему, которая позволит людям эффективно работать, достойно зарабатывать. И тогда у экономически независимых людей будет и меньше проблем с детьми, и больше возможностей их рожать.

Насколько может повыситься рождаемость в России при благоприятном развитии событий?

Россия давно уже в числе стран с самой низкой рождаемостью в Европе. Повысить ее процентов на 20, приблизиться к лучшим европейским образцам было бы неплохо. Но за счет такого повышения рождаемости наши демографические проблемы не решить. Если бы мы могли удвоить нашу рождаемость, тогда другое дело. Но, боюсь, это нереально.

Как на войне

В момент публикации статьи «Неперспективная Россия?» средняя продолжительность жизни мужчин в стране составляла 64,8 года, женщин — 74,4. Теперь значительно меньше. Что нас ждет в дальнейшем?

Здесь резервов выхода из кризиса гораздо больше. Снижать смертность научились многие страны. Уже одно это внушает оптимизм: чем мы хуже? Но оптимизм — оптимизмом, а реальность пока неутешительная. Уже сорок лет мы не участвуем в общих успехах по увеличению продолжительности жизни.

Но ведь детская смертность у нас снижается...

Да, это так. Только главная наша проблема — смертность взрослого населения, особенно мужского, в большей степени от внешних причин. Показатели такие, словно Россия находится в состоянии войны. Видимо, все дело в особенностях образа жизни, повседневного поведения, в социальном климате.

У нас низкая ценность жизни. Почему? Почему столько пьют, почему лихачествуют на дорогах? Таких вопросов очень много. Но есть ли в огромной России хотя бы один центр, который занимался бы изучением проблем алкоголизма как социальной болезни?

Недавно министр внутренних дел России выступал по поводу того, что у нас много людей гибнет на дорогах. Дошло до того, что президент России потребовал от министра внутренних дел с этим разобраться. Вряд ли можно такой вопрос решить сразу. Это сложнейшая проблема, на ее исследования и разработки в мире расходуется больше средств, чем на исследования и разработки по туберкулезу. А у нас?

Проблемы нашей жизни и нашего здоровья отнюдь не в центре внимания российского общества и громоздкого государственного аппарата. И пока положение не изменится,

трудно надеяться на увеличение продолжительности жизни.

Несекретное оружие

16 лет назад Вы поставили после слов «неперспективная Россия» знак вопроса. Как бы Вы ответили на этот вопрос сегодня?

Это зависит от того, что понимать под Россией. Наша страна долгое время была котлом, в котором сплавлялись в общность и русские, и украинцы, и татары, и армяне, и сербы, и греки, и евреи, и немцы — и все это была Россия. Никто не ставил под сомнение русскость Пушкина или Суворова. Думала ли Екатерина II, что немцы, которых она приглашала заселять приволжские земли, через двести лет будут вынуждены возвращаться в Германию? А сейчас у нас никого не взволновало, что из страны уехали чуть ли не 2 млн человек, говорящих по-русски и вынужденных заново учить немецкий на своей исторической родине.

Китаец, родившийся в США и говорящий по-английски, — американец. А мы считаем, что китаец или темнокожий, как бы он великолепно по-русски ни изъяснялся и как бы хорошо ни знал русскую культуру, — это не россиянин. Если придерживаться подобной точки зрения, наша страна неперспективная, потому что чудес на свете не бывает. При такой низкой рождаемости, как сейчас, число этнических русских неизбежно будет сокращаться.

Значит, нашим слишком патриотически настроенным согражданам надо привыкнуть к мысли, что наша страна — мультинациональный котел?

Я просто не вижу, как может быть иначе в мире, в котором мы живем. Что такое Россия: русские гены или русская культура? И что значит сохранить Россию? Я думаю, русским патриотам надо бы бросить силы на спасение русского языка, русской культурной традиции, а не сомнительной расовой чистоты. Учить на русском языке, пропагандировать русскую культуру за рубежом и для этого

ее надо самим воспринимать как ценность. А если делать акцент на разрезе глаз или цвете кожи — тогда у России в самом деле никаких перспектив нет.

В мире сейчас 6 млрд человек, в Китае скоро будет 1,5 млрд, а в России к середине века, по некоторым данным, останется около 100 млн. На общем фоне — небольшая страна. Главный потенциал России — это потенциал ее языка и культуры. Его можно умножать независимо от рождаемости. Приобщаясь к русской культуре, приезжие из других стран будут вносить свои краски, обогащая ее. Но ствольная часть останется. Хотя можно и это профукать, если вылезет на поверхность что-то другое, если культурное наследие, в частности великое культурное наследие XIX да и XX вв., станет подвергаться эрозии.

Некоторым кажется, что величие России — в ее военной мощи. С моей точки зрения, главное оружие России — это российская культура в ее наиболее высоких проявлениях. Она в культурном смысле — мировая держава. И в этом смысле очень перспективная.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОЛЖЕН ВЫТЕКАТЬ ИЗ АНАЛИЗА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО¹

Для снижения смертности, надо снять мобилизационное напряжение, которым страна охвачена уже сто лет, утверждает в интервью журналу «Политический класс» ведущий отечественный демограф Анатолий Вишневский.

Анатолий Григорьевич, какую демографическую ситуацию Вы прогнозируете к середине этого века?

Картина 2050 г. достаточно ясна: население России будет на уровне 100 млн человек, т.е. по сравнению с началом века оно сократится практически на треть. Уже одна эта цифра говорит о многом.

Проблема России заключается в следующем: для такой огромной территории население слишком мало. Всегда предпринимались попытки освоить азиатскую часть страны, но это происходило под сильным давлением из Центра. Как только напор ослабел, население двинулось в противоположную сторону. Кроме того, что все население уменьшается, еще идет его отток из Сибири и Дальнего Востока.

Одновременно меняется положение за пределами России. Население Китая всегда было больше нашего, но прежде он был слабым и раздробленным, не представлял особой опасности, на него можно было не оглядываться. Сейчас это невозможно. А ведь население растет не только в Китае, соотношение демографических масс Китая и России — иллюстрация общемировой тенденции. В Китае после войны насчитывалось 500 млн человек, теперь — 1 млрд 300 млн, почти в десять раз больше, чем у нас. Но когда у нас будет 100

¹ Интервью журналисту Сергею Шаповалу (Политический класс, февраль 2005. №2. С. 47—50).

млн человек, а у них близко к 1,5 млрд, соотношение окажется катастрофическим. Особенно на фоне незаселенности азиатской части России.

То есть значительная часть России имеет шанс стать территорией Китая?

Такой риск существует. Мне приходилось слышать рассуждения представителей МИДа: беспокоиться не о чем, у нас прекрасные отношения с Китаем. Сейчас, может быть, это и так, но история знает очень быстрые изменения ситуации. А территориальные притязания на часть Сибири и Дальнего Востока в Китае высказываются давно.

И почему я должен так уж доверять людям, сидящим, с точки зрения географии Москвы, в том же самом месте, откуда исходили руководящие указания и 50 лет назад? Тогда с Запада стали доноситься призывы добиваться снижения рождаемости в развивающемся мире, а советское руководство категорически возражало. Мы подыгрывали настроениям традиционалистски ориентированного большинства населения «третьего мира», обвиняя Запад в мальтузианстве и утверждая, что чем больше людей, тем лучше.

А сейчас, как я уже сказал, говоря о России и Китае, надо иметь в виду всю глобальную картину, за которую мы должны благодарить, в частности, и невежественных советских борцов с мировым мальтузианством. Россия — часть «северного кольца» планеты, в пределах которого в основном сосредоточен пресловутый «золотой миллиард». А Китай — часть бедного «Юга», где сейчас живут 5 млрд человек, а будет больше. И странно было бы думать, что эти миллиарды не захотят жить так, как живут на «Севере», и что это стремление не проявится в самых разных формах, в том числе и в весьма агрессивных.

Этим определяется сложность российской ситуации. Хотим мы того или не хотим, но в силу мирового демографического расклада мы — в одной лодке с Европой, США и Японией. А если говорить о реакции нашего политического класса, то приходится признать, что он не

желает видеть ничего за пределами России. Он рассматривает ее не как часть «Севера», а как особую страну, которая может выбирать, когда ей быть с Европой, а когда с Китаем. Но с Европой мы можем сосуществовать на паритетных началах: население России — самое большое в Европе, не считаться с нами нельзя. А с Китаем так не получится, это целый мир, и если не сохранять определенную дистанцию, опираясь не только на свою, но и на европейскую экономическую и прочую мощь, он просто поглотит Россию.

Конечно, демографические соображения — не единственное, что приходится принимать во внимание. Но я убежден: из демографического анализа должен вытекать анализ политический, если, конечно, мы хотим сохранить свою территорию, а еще больше свою идентичность.

Не подтверждает ли сказанное Вами концепцию пассионарности Льва Гумилева?

Вы имеете в виду стремительный демографический рост «Юга»? Когда-то Лаплас сказал, что он не нуждается в гипотезе Бога. Так и демограф в данном случае не нуждается в гипотезе пассионарности. Дело не в ней, а в том, что в XX в. в течение нескольких десятилетий по всему миру распространились средства борьбы с высокой смертностью. При традиционно высокой рождаемости это привело к демографическому взрыву. Никакого специального пассионарного порыва для этого не понадобилось. Почему демографический взрыв не произошел в Европе или России? Здесь вместе со снижением смертности шло и снижение рождаемости. Все это длилось долго, в Европе смертность падала с конца XVIII в., так же постепенно сокращалась и рождаемость, а в XX в. такой постепенности не было. Развивающиеся страны получили западные средства борьбы с болезнями и смертью сразу в готовом виде, поэтому смертность в них снизилась очень быстро. Рождаемость тоже снижается, но медленнее. По всем прогнозам рост мирового населения прекратится не раньше середины века. К тому времени на Земле будет жить около 9 млрд человек:

«золотому миллиарду» будет противостоять 8 млрд «Юга».

Сейчас отношения «Севера» и «Юга» складываются по-разному. В них есть немало конструктивного, но имеются и источники серьезной напряженности, которые сами собой не исчезнут. Террористические акты, с которых начался XXI в., — только предвестники более острых конфликтов. Ситуация начинает накаляться. И все развитые страны, в том числе и Россия, должны думать, как постепенно выпустить пар, не доводя до взрыва, способного разнести буквально все. Поэтому, когда рассматривают демографическую ситуацию в России в рамках задач, стоящих только перед ней самой (их, безусловно, хватает: сокращается численность рабочей силы, призывников и т.д.), происходит сужение проблемы.

Существуют авторитетные прогнозы, согласно которым к 2050 г. Россия окажется на 18-м месте в мире по численности населения, нас обгонят Иран и ряд африканских государств. Сомнительно, что в такой ситуации удастся совладать с одной седьмой частью суши со всеми ее богатствами. Такие же проблемы ждут и Европу. Коренным образом это положение исправить нельзя.

С моей точки зрения, единственная возможность выпустить пар — это создать возможность мирного перетока части населения с «Юга» на «Север». Естественно, невозможно переместить несколько миллиардов человек. Но активно наращивать свой демографический потенциал можно. Так делают, например, США. Только за 2004 г. население там выросло на 3 млн человек. В значительной степени это произошло за счет иммиграции. У нас же к этому явлению преобладает крайне негативное отношение. В каком-то смысле оно не лишено оснований. Настаивать на том, что все наши проблемы решатся с приемом большого количества иммигрантов, было бы необоснованной самоуверенностью, какие-то проблемы, может, и обострятся. И все же мы должны думать о том, чтобы наша территория не опустела окончательно.

Возьмите, например, проблему армии. У нас после 2006 г. начнется резкое сокращение числа призывников.

Предположим, подберут всех льготников. Тогда остальные сферы жизни — экономика, наука и т.д. — останутся без ресурсов. Но ведь и армии лишиться нельзя. Не поможет ли подправить ситуацию приток иммигрантов? Трудно представить, что в нашей армии будут служить выходцы из дальних азиатских и африканских краев, но ведь в других странах служат — и в армии, и в правоохранительных органах.

Если думать об иммиграции всерьез, то соответствующая политика должна стать мощной стратегической линией государства. На это надо затрачивать средства, необходимо создавать программы по адаптации, трудоустройству и т.д. Пока у нас нет даже шага в этом направлении. Более того, мы наблюдаем, как официальные лица наращивают антииммигрантские настроения, заявляя, например, что эмигранты разоряют Россию. С экономической точки зрения, это не выдерживает критики, а в политическом плане это опасно. Ведь нам все равно не удастся избежать иммиграции: и потому, что нарастает демографическое давление извне, и потому, что она выгодна для нас.

Глядя на нашу элиту, трудно себе представить, что возможна реализация даже половины изложенной Вами программы.

Именно так и обстоит дело. Предположим, лично президент понимает важность этой проблемы (я этого не исключаю), но выступать с такой программой политически очень рискованно. Ситуация практически тупиковая. Недавние социологические опросы показывают, что более 50% населения поддерживают идею России для русских. Противники иммиграции всегда задают вопрос: а что будет с Россией через сто лет, если сегодня позволить массовый приток населения? По нашим подсчетам, если бы реализовались те объемы иммиграции, которые необходимы, чтобы хотя бы стабилизировать численность населения, то к концу XXI в. иммигранты и их потомки составят большинство. Это, естественно, скажется на этническом составе

страны. Но ведь и Америка сегодня уже не та, какой была в начале XX в., но она живет и не так плохо. Кроме того, надо понимать, что за последние пятьдесят лет коренным образом изменился этнический состав человечества. Может ли это не повлиять на этническую структуру населения всех стран?

Какие факторы, кроме иммиграции, могут содействовать улучшению демографической ситуации?

Есть три компонента, которые формируют демографическую ситуацию: рождаемость, смертность и миграция. Смертность у нас чрезвычайно высокая, а средняя продолжительность жизни на уровне, который был в США в 30-е годы прошлого века. Никаких улучшений не наблюдается — при том, что нам нужны не просто положительные сдвиги, а кардинальные изменения. Здравоохранение в эту сторону не разворачивается, хотя дело, конечно, не только в нем. Основные потери несет мужское население в возрастах, когда люди не часто болеют. Главные причины смерти — не болезни, а разного рода несчастные случаи, отравления, травмы, дорожно-транспортные происшествия, убийства, самоубийства и т.д.

За год в дорожно-транспортных происшествиях погибает около 35 тыс. человек — это уровень военных потерь.

Совершенно верно. И здесь многое сходится — и состояние дорог, и качество экстренной медицинской помощи, и поведение водителей и пешеходов — и те и другие нередко оказываются в подпитии, — и т.д. Но когда мы говорим о такой причине травматической смертности, как пьянство, все же указываем не на первопричину. А первопричина — неблагоприятный социальный климат. Отсюда и алкоголизм, и самоубийства, и многое другое. Удастся изменить этот климат — станет улучшаться и положение со смертностью.

Надо снять страшное мобилизационное напряжение, которым страна охвачена уже сто лет. Начиная с революции 1905 г. и заканчивая холодной войной — да, собственно, и не

заканчивая, — последние 25 лет мы ведь почти все время воюем... Целый век каждый человек жил у нас в напряжении, которого не знают на Западе. Там люди делают карьеры, решают бытовые проблемы, но не ощущают того бремени, что у нас. Мы же должны не просто жить, мы должны нести на своих плечах огромное государство, быть великой державой. И сейчас это напряжение поддерживается, в том числе и нашими СМИ. Я убежден, что выступления некоторых отечественных телекомментаторов убивают каждый день нескольких человек: они столь красочно рассказывают о заговорах против России, которые плетет остальной мир, что не всякая сердечная мышца выдержит такие страхи.

И все же перед нами есть примеры стран, где смертность низкая и продолжает снижаться. Это вселяет надежду и показывает, что снизить смертность, в принципе, можно. А когда речь заходит о рождаемости, подобных примеров нет — рождаемость низкая в Европе везде. Изменить ситуацию способен только значительный ее рост. Нам сейчас ее нужно удвоить, что нереально, поскольку для этого нет никаких предпосылок.

Получается парадокс: мир заинтересован в снижении рождаемости, а мы — в ее росте.

Парадокс ли это? В пределах страны снижение рождаемости нам невыгодно, но мы же не одни живем в мире, мы заинтересованы и в общемировом балансе. Я считаю, что развитые страны в этом смысле показывают пример: они нашли средства борьбы с высокой смертностью и распространили их по всему миру, теперь они выработали социальные механизмы сокращения рождаемости. Кстати, развитые страны не одинаковые. Там, где существуют давние либеральные традиции — в США, Англии, Франции, — рождаемость несколько выше. Самая же низкая рождаемость в странах, переживших период тоталитаризма, — Германии, Италии, Испании, России, Украине. Это связано с большим вмешательством государства в дела семьи, что подрывает способность последней отвечать самой за себя. Когда бремя

запретов или искусственные подпорки исчезают, такая семья житейским трудностям противостоит гораздо хуже, чем, например, семья французская, английская или американская. Так или иначе, но низкую рождаемость никак нельзя считать исключительно нашей национальной болезнью. В то же время не следует забывать, что падение рождаемости ниже уровня, за которым население перестало себя воспроизводить, произошло в России, Украине, Прибалтике раньше, чем в других странах, — еще в середине 60-х годов прошлого века.

Но многие связывают рост смертности и падение рождаемости с периодом начала демократических преобразований.

Это миф. Сорок лет мы не можем преодолеть тенденцию роста смертности. А что касается рождаемости, то главное ее падение произошло вообще в сталинское время — в 1930-е годы и в войну, после этого она не восстанавливалась, только продолжала снижаться. Так что корни проблемы — в другой эпохе. Если бы нынешняя ситуация была следствием реформ, это было бы очень хорошо: из кризисного периода можно выйти и вернуться на прежнюю траекторию. Во время Первой мировой и Гражданской войн рождаемость в России резко упала, но к середине 1920-х годов она восстановилась. А вот то, что произошло в конце 1920-х годов, сломало ее навсегда, потому что изменился сам тип развития. Из крестьянской и сельской страны Россия превратилась в страну индустриальную и городскую. Даже если исходить из того, что кризис 1990-х годов усугубил наши демографические проблемы, выход из кризиса и возврат на прежнюю траекторию не сулят нам ничего хорошего, ибо она была крайне неблагоприятной. Сейчас трудно себе представить, что можно остановить сокращение численности населения России за счет компонентов рождаемости и смертности. Повторю, единственный наш ресурс — иммиграция.

Масштабы сталинских репрессий оцениваются по-разному. Как, по-вашему, они сказались на демографической ситуации?

Репрессии, безусловно, сказались на демографической судьбе страны. Они были одним из механизмов слома традиционной жизни, это целая полоса, начатая революцией и продолженная раскулачиванием, коллективизацией, трагедией 1937 г. К тому же весь карательный аппарат был направлен в первую очередь против мужчин, а их уже не хватало после Первой мировой и Гражданской войн. Далее были 1930-е годы и еще одна война, после нее огромное количество мужчин сидело в лагерях. Мы до сих пор от этого не оправились. Абсолютные потери от репрессий посчитать трудно, тут остается масса вопросов. Скажем, во время войны миллион человек из лагерей отправили в штрафбаты, где в основном они и погибли.

Это жертвы репрессий или военные потери? Отдельная тема — голод, принесший огромные жертвы. По моим прикидкам, от собственно репрессий с конца 1920-х по 1953 год погибли от 4 до 6 млн человек, репрессировано гораздо больше, и это, конечно, не удлинило их жизнь, даже если они не умерли непосредственно в тюрьмах и лагерях. Если бы не потери от войны, эпидемий, голода, репрессий, то сегодня население России могло быть на 120—125 млн больше. Страну буквально разорили в демографическом плане, ничего сопоставимого даже в сильно пострадавшей от войны Германии не было.

Картина получается более чем печальная, а никаких действий не предпринимается. Можно ли говорить о том, что в обозримом будущем есть реальная угроза существованию России?

Безусловно, если страна продолжит двигаться инерционным способом. Угроза абсолютно реальная, но ее не осознают, о демографическом факторе не принято говорить, хотя сейчас он становится решающим. В недавно вышедшей книге Гайдара много внимания уделено нашей демографической ситуации, это первая работа общего плана, где об этой проблеме говорится довольно подробно. На государственном уровне серьезность положения понимают

единицы. Министерские чиновники, как и при советской власти, продолжают выработать списки «мероприятий», обещающих скорое изменение неблагоприятных тенденций. Потом чиновники меняют место работы, и спросить не с кого. Приходят новые — и все повторяется.

Нужны не несбыточные обещания, необходимо изменение государственной философии — в соответствии с изменившимся временем. А перемены произошли в значительной степени под действием демографического фактора. Независимо от экономики, независимо от политики, в чисто демографическом смысле страна не та и мир не тот, какими они были полвека назад. И надо очень многое переосмыслить. А у нас общественное внимание направляется совсем в другую сторону, его готовят к прошлым войнам, по телевизору долдонят о том, какая плохая Америка и как нам нужно с ней бороться.

После 11 сентября пошли разговоры о начавшейся войне цивилизаций, Вы сторонник этой точки зрения?

Еще в 1970-е годы я написал для издательства общества «Знание» брошюру о мировом демографическом взрыве. Когда я над ней работал, то впервые ясно осознал, что человечество зашло в тупик. Чтобы избавить растущее население слаборазвитых стран от голода и нищеты, надо содействовать их развитию. Но где взять средства на это? А если средства найдутся, то во сколько раз вырастет нагрузка на ресурсы планеты, если все страны станут развитыми? Сделать всех богатыми за 50 или 100 лет невозможно, а значит невозможно избежать и мирового расслоения, и мирового противостояния. Кому-то видится в этом противостояние цивилизаций? Вольному воля. Но мне кажется, что к этому все не сводится, хотя реальные или потенциальные конфликты и приобретают «цивилизационную» окраску. Концепция «войны цивилизаций» упрощает ситуацию.

В чем смысл уроков 11 сентября? В том, что они показали всему миру форму будущих столкновений. Хотите — верьте, хотите — нет, но, издавна размышляя о тех угрозах, которые

несет мировой демографический взрыв, и пытаюсь представить, какими могут быть вооруженные конфликты XXI в., я находил в своем воображении именно те формы, которые мы увидели 11 сентября. Да и как могло быть иначе? Мировые войны, подобные войнам XX в., невозможны, потому что нет таких противоборствующих сторон. А вот что-то вроде партизанских войн бедных народов против богатых, войн, охватывающих континенты, вообразить можно. Меня удивляет, что этого не предполагали те, кто отвечает за государственную безопасность США, хотя и у нас, я думаю, не лучше.

Считаете ли Вы такие войны неизбежными?

Я потому так много и говорю о миграции, что пытаюсь нащупать пути более мирного и спокойного взаимодействия с «другими цивилизациями», дружелюбного взаимопроникновения культур. Такой подход не дает, конечно, стопроцентной гарантии, но предоставляет хоть какой-то шанс. Я просто не вижу ему альтернативы. Сейчас важно, чтобы такую постановку вопроса поняла элита. Не надо стремиться к тому, чтобы это сразу стало ясно каждому гражданину. Нужно хотя бы начать дискуссию, пусть будут предложены другие, чем у меня, видение ситуации и выход из нее. Но разговор должен быть квалифицированным, надо избегать упрощений. Простые решения, удобные своей понятностью, часто оказываются ошибочными.

Скажем, у нас есть люди, рассчитывающие поднять рождаемость с помощью запрета аборт. На месте власти я не стал бы открывать новый фронт борьбы с собственными гражданами, а тем, кто все-таки продолжает настаивать на их запрете, я бы привел такой пример. В 1965 г. генеральным секретарем Румынской компартии стал Чаушеску, и вскоре в Румынии запретили аборты. В 1967—1969 гг. рождаемость резко выросла. Но затем застигнутое врасплох население приспособилось к новым условиям, и рождаемость снова пошла на спад. Образовалось два-три многочисленных годичных поколения среди малочисленных. Им нигде не хватало места:

ни в детских садах, ни в школах, ни в вузах, ни на предприятиях. Минуло двадцать лет, в 1989 г. во время известных событий в Румынии многочисленным «крестникам» Чаушеску было 20—22 года, их было больше всех среди демонстрантов, требовавших свержения диктатора и приветствовавших его расстрел. Сейчас Румыния относится к числу стран с очень низкой рождаемостью.

Оказывается, что в силу специфики предмета Вам приходится говорить о явлениях тревожных, если не трагических. Вы оптимист или пессимист?

Все мы знаем, что когда-то умрем, но это не парализует нашу деятельность на протяжении жизни. Мы действуем рациональным образом, стараясь прожить дольше и успеть что-то сделать. В любой сложной ситуации нужно поступать наилучшим образом в соответствии с реальностью. Для этого ее надо понимать, понимание открывает путь к осмысленному оптимизму, заставляя искать выход из положения — помните историю про лягушку в сметане? Но когда я вижу, как люди, ответственные за важнейшие решения, уходят от осознания реальности во всей ее сложности, для моего оптимизма не остается пространства. Я всегда был оптимистом в отношении России, мне казалось, что, пусть и с потерями, жизнь толкает ее в направлении окончательного выздоровления. Но в последнее время я теряю этот оптимизм, потому что история не оставляет нам большого запаса времени. Если бы это был XIX в., было бы время для эксперимента, совершения неудачной попытки. Сейчас такой возможности нет. Более десяти лет население России сокращается, глобальная ситуация все сложнее, а серьезного разворота в сторону этой проблемы не видно. А что за страна без людей? Где же наша элита — политическая, экономическая, культурная, где наш политический класс? Когда я вижу, чем заняты все эти люди, у меня исчезают основания для оптимизма. Возникает впечатление, что именно элита и загоняет Россию в гроб.

ПОЧЕМУ НЕ РАБОТАЕТ ИНСТИНКТ РАЗМНОЖЕНИЯ?

СВОБОДНАЯ ЖЕНЩИНА: «ЗА» И «ПРОТИВ»¹

Анатолий Григорьевич, сейчас и ученые, и политики часто говорят о необходимости изменить качественное состояние нашего общества. Я — феминистка и убеждена, что ничего нельзя преобразовать, не изменив места женщины в обществе.

Рад, Рита Александровна, встретить живую феминистку — это пока удается не часто.

Как может быть иначе при таком засилье на руководящих постах мужчин?! Не кажется ли Вам, что, в известном смысле, мужчины сознательно поддерживают асоциальность женщин ради сохранения за собой ключевых позиций в общественной и семейной жизни? И их не очень беспокоит, что это тормозит развитие страны.

Ну, от них тоже мало что зависит. Наши общественные отношения, в том числе и отношения между мужчинами и женщинами, достаются нам в наследство от предшествующих поколений. Мы движемся по наезженному пути, к которому нас приучают еще в детстве, в наших семьях.

¹ Беседа с журналисткой Ритой Беляковской. Публикуется полная запись беседы, в сокращенном виде она была опубликована в: Рабочая трибуна, 8 марта 1990.

Значит, как была женщина рабой, так пусть и остается?

Ну почему же? Только, чтобы изменить положение, недостаточно просто захотеть этого. На все надо смотреть исторически. Было время, когда подчиненное положение женщины воспринималось как совершенно естественное. Никто, включая и самих женщин, не считал его приниженным, недостойным. Семья, общество, религия — все держалось на власти мужчины-патриарха. Таков был способ организации повседневной жизни — и семейной, и государственной. А потом настали другие времена, и то, что прежде было нормальным, обыденным, теперь стало невыносимым.

Изменилось качественное состояние общества?

Да, другим становилось общество, другими становились и люди — и мужчины, и женщины. Патриархальщина, авторитаризм, неравенство — эти понятия приобрели негативный оттенок, которого они прежде не имели, и начался сдвиг к демократии, эгалитаризму, свободе. Это всемирные перемены, они начались не у нас, но затем пришел и наш черед.

И теперь у нас демократия и всеобщее равенство?

К сожалению, нет. (А кто-то скажет: к счастью, нет.) Перемены идут неравномерно. Разные группы населения, разные общественные слои неодновременно вступают на путь перемен, с разной скоростью осваивают новые идеи. Это сложное, мозаичное движение охватывает целую эпоху.

Но ведь жизнь давно не стихийна, общество кем-то управляется. Есть, наверно, способы ускорить этот процесс, апеллировать к общественному сознанию, которое сейчас рождается?

Общество самоуправляется. Эти «кто-то», на которых Вы намекаете, всегда — не более, чем «выдвиженцы» общества. Каково общество, таковы и управленцы. А будут не «таковы» — их скинут.

Значит, и сегодняшнее неблагополучие в женском вопросе объясняется тем, что нынешнее состояние нашего общества «таково»?

Очень трудно сказать однозначно, каково оно, потому что оно меняется. Часть общества хочет жить по-новому, другая держится за старое — и не по злобе или недомыслию, а потому, что еще действуют (хотя и не повсеместно) социальные механизмы, воспроизводящие авторитарную личность и патриархальную систему отношений. История теснит эти отношения, но есть силы, по разным мотивам, в том числе и политическим, заинтересованные в ее сохранении. Взять того же Сталина, будь он неладен. Независимо от того, был он фанатиком казарменного социализма, злодеем или параноиком, т.е. независимо от того, что им двигало, он опирался именно на такую систему отношений и на такую личность, умело эксплуатировал и то, и другое. И здесь не надо упрощать, речь идет не о каких-то “пороках” общества, а о чертах, укорененных в глубинных пластах народной жизни, в свое время очень важных и ценных. Пока эти черты преобладают, новому взгляду на женщину, на ее положение в обществе не победить. Но сейчас, конечно, велики и другие силы — силы, требующие перемен, обновления.

Однако и они могут рассчитывать на успех лишь в том случае, если в обществе вызрели и укоренились другая система отношений, другой тип личности. То, что движение идет в этом направлении, сомнений нет. Но достаточно ли далеко мы продвинулись?

Меня не устраивает некий фатум в Ваших словах, некий рок. Пока общество не пройдет какие-то этапы, оно не продвинется...

Я бы рад сказать иначе, но это было бы безответственно. Нельзя из детства прыгнуть в зрелость, не побывав подростком.

Но есть же общества, которые очень чутки к прогрессивным идеям и улавливают даже первые их ростки,

ибо смотрят далеко в будущее. А наше общество не тревожит, что 152 млн женщин только на бумаге равноправны с мужчинами. Политический консерватизм требует и семейного консерватизма. А женщина ждет свободы не на уровне слов. Она, как и мужчина, хочет в жизни выбора.

Я понимаю ваше нетерпение, но... Не переоцениваете ли Вы самосознание наших женщин? Не кажется ли Вам, что многие из них все еще живут в прошлом?

А как иначе? Где они могут быть? С рождения сознание прямо-таки забито стереотипами мужской культуры. Положение женщин в этом смысле драматично. Они смотрят на себя глазами мужчин, живут в пространстве, которое те отвели им по своему разумению. Я сама страдаю от таких женщин, которые кричат: я хочу сидеть дома, и все тут! Но я понимаю их усталость. Потенциал народного хозяйства — 265 млрд человеко-часов, половина приходится на долю женщин. Плюс еще 280 млрд человеко-часов домашней работы. Какая женщина, кроме советской, выдержит это в полном объеме? Вы знаете, первую неделю отпуска женщины обычно отсыпаятся. Это — нервное и физическое истощение. Но придет время, они отоспятся и заговорят иначе, это ясно. Хотя пока идеи женского движения вызывают раздражение в мужском обществе. Вы не представляете, сколько гневных писем приходит в газеты с требованием раз и навсегда убрать с их страниц эти вопросы. Если согласиться с этим, то одна часть женщин получит — сегодня — некоторое облегчение, но другая, которая хочет большего, должна быть просто задавлена. Надо вводить в общественное сознание новые идеи, а наши уважаемые властители дум, например писатели В. Белов и В. Распутин, призывают ориентироваться на прошлое. Почему интеллигенция занимает такую консервативную позицию?

Во-первых, не вся интеллигенция. А во-вторых... Ведь и Лев Толстой был консерватором, в частности и в женском вопросе. Здесь есть нечто, связанное с предназначением

культуры. Понимаете, некий мир рушится, гибнут его ценности, которые долго и честно служили людям, пестовались культурой. Сам ее смысл заключается в том, чтобы беречь и укреплять эти ценности.

А разве обновление ценностей — не миссия культуры?

И это тоже. Потому культура, развиваясь, проходит через внутренние конфликты: одни ее представители защищают старое, другие рвутся к новому. И то, и другое нужно. Я не разделяю позиции Белова и Распутина и не защищаю их, но их точка зрения по-своему нравственна. Они как последние часовые, которые не хотят покидать своих постов, даже когда война уже проиграна. Не хотят предавать гибнущие ценности.

Но ценности-то устарели. И уже не помогают, а мешают жить людям. Не сохранение ли господства отживших ценностей мужского мира вынуждают женщин разбивать свои семьи — большинство разводов затевается женщинами, — а то и толкают на более острые формы протеста.

Да, часто разводы — это форма женского протеста. Нельзя в наше время удержать женщину в семье, где ее унижают.

Ну, разводы это еще что... Вы видели документальные фильмы «Худжум» и «Пламя»?

Это о самосожжениях?

Там женщины рассказывают свои истории... Предсмертные интервью есть. И чем озабочены мужчины, когда разговаривают с умирающей, обгоревшей женщиной, жить которой осталось считанные минуты? Скажи, что тебя никто не толкал на это! И она, уходя, высочайшим последним порывом прощает всех. Это страшнейшие рассказы. Но еще страшнее, что никто на это не реагирует — ни советские, ни партийные органы. Помните, на Съезде народных депутатов Р. Нишанов даже не упомянул об этом.

А как надо реагировать? Не слишком ли у Вас большая вера в возможности начальства?

Думаю, что молчать все-таки нельзя. Если я руководитель государства и знаю, что в государстве сотни случаев самосожжения, то даже если ничего не могу изменить, должна зафиксировать в сознании общества эту тревожную, позорную ситуацию. Тем более, что все мы так воспитаны: ждем, что скажет царь-батюшка. Но дело не только в начальстве. Почему молчит наука? Для нее тоже женского вопроса как бы не существует.

В науке так же нет единодушия, как и в обществе в целом. И среди научных работников есть люди, которые считают своей гражданской доблестью проповедовать старый тип семейных отношений. Многие видят путь к преодолению семейных трудностей в том, что женщина будет не работать, а сидеть дома с детьми...

Если продлить эту мысль, то она почти фашистская. Мужчина пусть делает, что хочет, и развивается творчески, а женщина — обслужи его в интимном и хозяйственном плане. Если не бояться правды и резких слов, то это значит, что женщина должна жить жизнью второго сорта, потому что как личность она совершенно задавливается. Наверно, девочка, которая сегодня роется в песочнице или бежит за бабочкой, и не подозревает, что ученые предназначают ей роль служанки какого-то ребенка мужского пола. Я думаю, что в такой науке тон тоже задают мужчины. Вообще доля вины мужчин в нынешнем положении женщин есть или они святые?

Они не святые, но вина их не больше, чем самих женщин. И те, и другие принадлежат одному и тому же миру, созданному тысячелетия назад. Вы обвиняете их в том, что они не борются за права женщин? Вы слишком многого хотите от несчастных мужчин, которые так привыкли к своим привилегиям. Я пришел домой, читаю газету, а жена, тоже вернувшаяся с работы, подает мне обед — и я же должен

против этого бороться! Нет, на мужчин особо рассчитывать не приходится. Тут страдающая сторона женщины, они и должны пробудиться первыми.

Вы считаете, что они не пробуждаются?

И да, и нет. Еще в конце прошлого века в России много писали о том, что женщина бунтует против сложившегося жизненного уклада. Писали о «бабьем бунте» в деревне, где деспотизм мужской был очень силен. Думаю, что этот бунт играл не последнюю роль в назревавших переменах.

Женщины активно участвовали в подготовке революции и в революции тоже.

Да, тогда женское движение рассматривалось как революционная сила, да оно и было такой силой. Это уже потом его превратили в «приводной ремень» без собственного энергетического источника. Формально женское движение у нас есть, но это движение по кругу. Образ приводного ремня здесь как нельзя кстати.

Почему же никак не сложится, не прорвется настоящее движение?

До 1985 г. у нас, как Вы знаете, вообще не было никаких настоящих движений. А сейчас... По большому счету, это все-таки проблема самосознания. Только на определенном этапе общественного развития появляется, скажем, национальное или классовое самосознание. И женское — гражданское — самосознание тоже. У нас оно, несмотря на «бунт», о котором я говорил, в широких масштабах никогда не было развито. Не развито и сейчас. И то, что у нас нет феминистского движения, как раз об этом и говорит.

С Вашей точки зрения, это недостаток?

Конечно, недостаток. Такие движения есть во всем мире, это нормально, это общемировая тенденция. Всюду женщины отстаивают свои права. А у нас нет. Феминизм бывает разный, есть крайние, экстремистские течения...

Чем дальше отвести маятник, тем больше будет отмашка.

Разумеется. Но постепенно все крайнее отсеивается, а движение остается. Движение — это форма осмысления женщинами своих прав и интересов.

Все же у нас появляются сейчас неформальные женские организации, только почему-то к ним нет никакого интереса. Ведь они существуют худо-бедно в союзах писателей, журналистов, кинематографистов, художников. Есть философы, социологи, они объединяются, собираются. Из этого могла бы сложиться мощная ассоциация. В Ленинграде издается журнал «Женское чтение». Умный, говорят, добрый и славный.

Все это так, но до настоящего женского движения пока далеко. К тому же можно привести и другие примеры. В Средней Азии есть люди — и среди женщин тоже, — которые требуют, опять-таки во имя традиционных ценностей, чтобы женщина вновь надела паранджу. И, говорят, такие требования находят поддержку у определенной части общества. А уж о планировании семьи там иной раз лучше и не заикаться. Но о какой свободе женщины можно говорить, если она не свободна сама решать, сколько ей иметь детей, когда лучше их родить?

Если я правильно Вас поняла, в стране не только нет женского движения, но мы еще и не готовы его иметь. Тогда давайте поговорим о роли инициативы в истории. Ничем не лучше было наше общество, когда пришел Горбачев с идеей перестройки. Но какая-то часть общества мгновенно пошла за ним.

Он пришел, когда эта часть общества уже была. Кто-то должен был ее возглавить, и этим человеком в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств оказался Горбачев. А вот у женского движения лидера пока не видно. Я, кстати, не говорил, что мы не готовы иметь женское движение, я сказал только, что его нет. Отсутствие лидеров —

одна из важных причин.

Не может быть, чтобы такие лидеры не нашлись. Общество должно их отыскать, женщины нужны перестройке. Они — самая некоррупцированная часть нашего населения. Экономическое, партийное, политическое руководство страдает от дефицита людей. Перестановки с места на место ни к чему не приводят. Других мужчин к нам не пришлют, десанта с Марса не будет. А женщины — это неиспользованный резерв. Если они подойдут хотя бы через 5-7-10 лет, обновленные, с большой энергией чувств, что всегда означает ясность и силу, то Верховный Совет будет выглядеть иначе.

Но опять же не мужчины должны искать лидеров для женщин, а сами женщины находить и поддерживать их. А сейчас что? Вот пример. Один из активнейших сторонников перестройки — задолго до того, как перестройка началась, — Татьяна Ивановна Заславская. Это как раз тот случай, когда женское гражданское самосознание усиливает общую гражданскую позицию и позволяет женщине проводить свою линию мужественнее и последовательнее, чем это делают многие мужчины. Меня не удивляет, что она вызвала на себя огонь кое-каких недовольных перестройкой мужчин — они и своему брату не очень-то прощают неуютную позицию, а тут — смешно сказать — женщина им нос утирает. Здесь надо было показать, что значит наш отечественный джентльмен, что и было показано. Но женщины-то, женщины почему не вступились, не проявили элементарной солидарности? Много ли среди вас академиков, людей с таким ярким политическим темпераментом? Так под держите — и получите своих лидеров, а не скулите, что мужчины не назначают вас на руководящие посты.

По-вашему, женщины выступают чуть ли не пятой колонной мужчин.

Пока так оно и есть. Они охотно принимают старые правила игры и радуются, как подарку, каждой льготе. Сейчас,

например, вводится трехлетний отпуск для женщин, родивших ребенка. Лишь половина его оплачивается — нищенски. Что Вы об этом думаете?

Я думаю, это подачка. А на достойную оплату; наверно, нет средств?

Да, но правильный ли это путь? Сейчас у нас предполагается большое высвобождение рабочей силы, мелькает слово «безработица», и уже высказывались опасения, что женщины могут оказаться первыми жертвами неблагоприятной ситуации на рынке труда. А тут часть женщин как бы официально выводится с этого рынка. Конечно, скажут нам, она имеет только право на отпуск, при желании может начать работать, когда захочет. Может, конечно, но есть ли у нее выбор? На Западе сейчас быстро растет занятость женщин во внесемейном производстве, но на условиях неполного рабочего времени. Так легче сочетать семейную и профессиональную жизнь, при этом сохраняется определенная экономическая независимость женщины. А у нас либо не работай, ничего не получая, либо вкалывай восемь часов в день наравне с мужчиной. Выбора как не было, так и нет. Я, конечно, могу ошибаться в своих оценках, но поправить меня должны были бы сами женщины — организованные и имеющие свою стратегию решения женского вопроса. Только где она, эта стратегия? Можно ожидать лишь массу возмущенных писем в редакцию — не от пятой ли колонны?

Свобода выбора — это действительно то, что нам необходимо больше всего. Но нужна ли наша свобода мужчине? Он устраивает свою жизнь, как хочет, а женщина, как может. Семью женщина тянет на себе, обязанности мужчины в семье загадочны. Он может быть балластом, никаким отцом, плохим товарищем — это никак не сказывается на его репутации, продвижении по службе, никто не спросит с него за это. А ведь должны быть какие-то нормы, защищающие нашу свободу; в том числе и в браке.

Но как раз нормы-то и пребывают сейчас в переходном состоянии, как и все наше общество. Старые нормы вас, наверно, не устраивают — вряд ли вы за то, чтобы семейные дела рассматривались на общинном миру или на заседании парткома. А новые нормы еще не выработались. На Западе, например, сейчас во многих странах распространены пробные браки. Как к этому относиться? Мужчина и женщина как бы примеряются друг к другу, это может кончиться настоящим браком, а может не кончиться ничем — и никто их не осудит. С точки зрения нашей ходячей морали, это — безнравственно. Мы все еще верим, что брак — обязательно на всю жизнь. А статистика вопиет об обратном, и сколько наших развалившихся на первом же году существования браков на деле оказываются неудачными пробными!

Может быть, и добрачные связи, от которых мы ханжески шарахаемся, — вовсе не распущенность современной молодежи, а лишь следствие несовершенства современного брака, для женщины же — и следствие бездны, в которую проваливается она, выходя замуж?

Насчет бездны не знаю, все-таки брак — не обязательно бездна. А что касается добрачных связей, то я и не считаю их непременно проявлением распущенности, хотя бывает и распущенность, конечно. А вообще требование какой-то особой женской стыдливости — один из давних способов угнетения женщины. Мужчина свободен, ему все можно. А женщина должна сидеть, опутив глаза, или смотреть, как учили когда-то институток, «в угол, на нос, на предмет». Но это все частности. По большому же счету и в вопросах семейной жизни и семейной морали нужна какая-то стратегическая линия, учитывающая, что опыт прошлого, когда общество жило по двойному моральному стандарту — одному для мужчин, другому — для женщин, сегодня не годится.

Мы коснулись разных вопросов и везде видели, что в положении женщины у нас — и в семье, и в обществе — много ненормального, многое нужно менять. Что может

подсказать, порекомендовать наука?

Когда речь идет о вопросах социальных и политических, роль науки переоценивать не следует. Ведь не ученые принимают решения. Наука анализирует, дает рекомендации, а кто ими воспользуется, зависит от политиков. Что-то не подходит, допустим, КПСС, но может подойти «Гражданскому достоинству». А жизнь показывает, кто сделал правильный выбор. Какие-то научные идеи вообще долгое время могут оставаться невостребованными.

Но даже и невостребованные идеи рано или поздно меняют качество мира.

Были бы идеи... В контексте нашего завершающегося разговора мне кажется важным подчеркнуть не новую в общем-то мысль. Сейчас любое политическое течение должно иметь программу по женскому вопросу. Это, кстати, позволяет судить и об истинных целях самого течения, служит оселком, на котором можно проверять его общую политическую направленность. Можно рядиться в формы очень революционные, а позиция по женскому вопросу способна выдать истинное консервативное нутро.

Женские движения обычно поддерживают левые течения.

Да, но могут появиться и контрдвижения, здесь не все однозначно.

Это логично. А должно женское движение включать политические цели? Ваша точка зрения?

Отвечающие специфике движения — да. Без этого не обойтись.

КРИЗИС кончился — эволюция ПРОДОЛЖАЕТСЯ¹

Мы движемся в том же направлении, что и Европа, и северные ее страны, только с некоторым отставанием. А кому-то кажется, что мы летим в тартарары...

Сущность происходящего в современной семье, как мне представляется, состоит в разделении трех видов поведения: брачного, сексуального и прокреативного. Раньше, когда смертность была очень высокой и множество детей не доживали до возраста, когда они сами могли иметь детей, высокая рождаемость была неким императивом. Этот императив был закодирован в культуре. Только брак давал человеку общепризнанное право на сексуальную жизнь, только в браке могли рождаться дети — цепь нельзя было разорвать ни в одном звене. И регулировать рождаемость в развитых европейских странах начинали, не ставя под сомнение эту принципиальную слитность брака, секса и рождения детей, просто начав позже выдавать замуж своих дочерей.

Потом под сильным влиянием неомальтузианства рождение детей отделилось от удовлетворения сексуальной потребности, стало ясно, что они не так уж неразрывно связаны друг с другом.

Раньше об этом не подозревали?! А знаменитые адюльтеры веселого XVIII в.? Да и прежде заповедь о непрелюбодействии нарушалась многократно, и это совсем не всегда приводило к появлению детей...

Да, но это считалось предосудительным; так считали и те, кто нарушал заповеди. Теперь же была пересмотрена сама норма.

Каждый из этих трех видов поведения стал

¹ Беседа с корреспондентом журнала «Знание — сила» Ириной Прусс (Знание — сила, 2003. № 1).

самостоятельным. Вступать или не вступать в брак — это одно; иметь сексуального партнера — это другое; иметь или не иметь детей — совершенно отдельное решение. Все это можно делать раздельно, по желанию что-то объединяя.

В основе этого процесса преобразования традиционной семьи лежит, прежде всего, ослабление демографической необходимости иметь как можно больше детей: резко сократилась и продолжает сокращаться смертность, для замещения поколений не нужно так много детей «про запас». Ослабло и экономическое давление: семья перестала быть особой экономической единицей народного хозяйства.

Значит, получается, не так уж не правы были мудрые женщины, поучавшие своих девиц на выданье: любовь — это одно, а брак — это совсем, совсем другое. Хочешь любить — люби, лучше всего мужа, но можно и еще кого-нибудь, если соблюдать приличия. Но семью не тронь, это святое, туту тебя ответственность, тут своя роль, которую надо исполнять неукоснительно. Брак — это не только экономическая необходимость, это и социальный статус в обществе, это и будущее твоих детей. Разве сейчас не так?

Сейчас именно это как раз и изменилось. Так было в старой традиционной многопоколенной семье: там любовь совсем не была основной ценностью. Главное — семейная солидарность большой семьи; и она требовала, чтобы внутренняя жизнь малой семьи, входящей в большую, постоянно приносилась ей в жертву. В наше время произошла эмансипация малой семьи. Она обрнула связи с большой и получила возможность сосредоточиться на своих внутренних отношениях. И то интимное, что составляло сущность этой внутренней жизни малой семьи, приобрело большую ценность. Ценность любви, которую европейская литература отстаивала несколько столетий. Раньше брак не по велению родителей был безнравственным, а теперь безнравственен брак без любви. Это дало возможность возвысить чувства, сделав своим, привычным через культуру, через литературу, через саму жизнь.

В наше время брак оправдан по большому счету только любовью или теплыми дружескими интимными отношениями, которые приходят ей на смену.

А если такие отношения не сложились или оказались недостаточными, чтобы удержатъ рядом человека, которого ты любишь, то просто остаешься в одиночестве, верно? В 1950—1960-е годы, когда отступили проблемы физического выживания, Европа восстановилась после войны, люди немного отъелись, в западном искусстве на первый план сразу выдвинулась проблема некоммуникабельности. До нас она дошла в основном через фильмы великих итальянских кинорежиссеров. Была ли, по-вашему, эта проблема связана с кризисом семьи?

Это более широкий процесс, в котором все взаимосвязано. Тенденция нашего времени, XX и XXI вв., заключается в расширении сферы интимного в жизни человека, росте его «самости», его, если хотите, оригинальности. Отсюда и острое переживание одиночества. Крестьянин не был способен к такой гамме переживаний, которая характерна для современного человека, и во многом потому, что наш современник вырастает не в прежней большой, а в малой нуклеарной семье, где климат совсем другой, строй жизни иной. После этого ему гораздо труднее наладить полноценную близость с другими людьми. Положите рядом два кирпича — нет проблем, они плотно прилегают друг к другу. А чем сложнее конфигурация, тем труднее подобрать подобное же, чтобы люди были созвучны. И вдруг вы обнаруживаете, что жить с человеком, который так вам нравился своей красотой или остроумием, или оригинальностью поступков, вы не можете.

Если вам трудно на работе, вы ее меняете — это ведь не вызывает ни у кого негодования. А вот в семейной сфере пока то же самое воспринимается болезненно. Но это просто свойство современного человека: ему трудно войти со своей многогранностью в подлинное соприкосновение с другим.

Конечно, все это делает семью более хрупкой. Старая

семья была прочной по внешним обстоятельствам, а не изнутри, просто деваться было некуда: разводов не было, экономическая зависимость плюс внешний контроль и жесткие санкции общества, плюс религиозное давление. Теперь человек вообще живет в ситуации постоянного выбора, у него масса выборов.

В некоторых странах уже существуют пробные браки, когда заключается контракт, который накладывает на того и другого определенные обязательства, в том числе и экономические, но это не брак как таковой. Если рождается ребенок, обязательства перед ним существуют. При определенных условиях контракт может быть разорван без всякого развода, проще, чем брак. И это правильно. Огромное количество разводов, которое у нас было еще в советское время, сопоставимое с американским уровнем (в Европе их гораздо меньше), я думаю, связано и с тем, что значительная часть браков была, по сути, этой самой пробой. Но вообще-то и юридическая, и экономическая практика должна быть приспособлена к реальности, а не к беспочвенным фантазиям о ней.

А в реальности уже сложился плюрализм семейных форм: браки, зарегистрированные и незарегистрированные, пробные, семьи с одним родителем, семьи однополые. Опыт показывает, что, скажем, рождаемость в зарегистрированных браках не выше, чем в незарегистрированных, примерно такая же. Разнообразие семейных форм, скорее наоборот, создает более устойчивую среду, в которой каждый находит свой путь.

Скажите, часто ли современные и независимые европейские женщины отказываются от своих детей, положим, еще в роддоме?

Это огромная редкость. Такой проблемы, по-моему, вообще не существует. Вы знаете, какой спрос на приемных детей? На Западе довольно высокий процент бездетных семей, а детей мало, но зато уж в них вкладывают по полной программе...

Однако если родители свободны, как ветер, и могут всю жизнь искать свой путь, меняя одного партнера на другого, то психологическое или, как Вы говорите, интимное благополучие детей оказывается все-таки под вопросом.

А я и не утверждаю, что в современной семье нет своих проблем. Да и сам процесс ее преобразования далеко не завершился. Многое остается неясным; для меня, честно говоря, так и не понятно, как же будут социализироваться дети в семье с одним родителем?

Но если вы хотите сказать, что в современной семье остается слишком мало места детям, — это чистая неправда. И это заблуждение чаще всего идет от того, что нынешнее положение вещей сравнивают не с прежним, а со своим идеализированным представлением о традиционной семье, в которой родители заняты воспитанием детей. Да не было этого. Крестьянские дети, когда их было много, в лучшем случае воспитывали друг друга: старшие — младших. Бабок не так много было, а мать-крестьянка всегда много и тяжело работала. А в дворянских семьях няньки, кормилицы, гувернантки — мать могла шефствовать над ними, оценивать их работу, но лично не слишком много внимания уделяла воспитанию детей. Так что воспитующая мать — это из области мифологии.

Воспитывающие родители появились только в буржуазных семьях, у которых уже не было столько денег на мамок и нянек, женщины были достаточно образованными и могли отдавать часть времени детям. Но тут-то они и почувствовали, что детей не может быть в таком случае слишком много: можно посвящать им время и организовать домашнее воспитание одного, двух, трех, но не десяти детей. Так что все эти изменения между собой связаны...

С появлением всеобщего образования, т.е. уже давно, социализация происходит далеко не только в семье. Она идет в детском саду, в школе, на улице (где всегда частично и шла). Ребенок как-то приспособляется к жизни в реальной, а не вымышленной кем-то среде.

Такова жизнь. Если семья может оградить своего ребенка

от наркотиков, плохих знакомств — прекрасно, но гарантий тут не может быть никаких, даже если мать с двумя высшими образованиями будет заниматься только своим ребенком.

Вопросы все равно остаются. О женщине с внебрачным ребенком без мужа: на нее ложится большая нагрузка, она оказывается в ловушке, и надо ей помочь. Что, кстати, часто и происходит: мужчины далеко не всегда отказываются от своих детей. На Западе часто ребенок оказывается в двух семьях сразу, у него появляются сводные братья и сестры. Восстанавливается нормальная социализирующая среда. В Америке это давно так, и в Европе это так, думаю, и у нас это начинается.

А как же фрейдизм с его убежденностью, что все главное в человеке идет из его семьи, что основа личности закладывается в раннем детстве?

Я не специалист по фрейдизму. Но даже если основа закладывается в детстве, основа личности — не вся личность. Важны и впечатления, полученные в течение лет пятнадцати и вне семьи. Если все объяснения искать в детстве — почему тот стал художником, а этот Гитлером, — далеко не уйдешь...

Но одновременно я уверен, что сегодня ребенком в семье в среднем занимаются намного больше, чем прежде. Это совершенно нормальная реакция на новую ситуацию: у вас мало детей, часто один ребенок, вы должны его воспитывать, обстановка в современной нуклеарной семье ориентирована на большую интимность отношений — это значит больше привязанности друг к другу, более глубокие переживания в отношениях с близкими. Естественно, что ребенок превращается как бы в символ этого интимного благополучия. В него очень много вкладывается, о нем очень много заботятся: это единственное наше наследство, это все, что от нас останется, сама жизнь ставит ребенка на какое-то время в центр существования.

И вообще мы говорим о жизни современной семьи так, будто вся она состоит из смены партнеров и бесконечных поисков — это неверно. Никакие опросы никогда не

показывали, что люди начинают меньше ценить семью. Она всегда занимает одно из первых мест среди жизненных ценностей. От этого не отказываются.

Я хотел бы сказать еще и о другом: преобразование семьи освобождает не только мужа и жену от принудительного союза. Об общей эмансипации женщин известно. Гораздо меньше внимания мы обращаем на эмансипацию пожилых людей. Женщина, освобожденная от изнурительной работы по ежегодному рождению детей и частых их потерь, выходит на пенсию в благополучном состоянии и не должна нянчиться с многочисленными внуками, она не зависит от детей, как это было раньше, связана только эмоционально. Эмоциональные связи тоже часто слабеют, но это как раз было всегда; не надо думать, что прежде все молились на стариков. Нормы повелевали их уважать и кормить, но это не значит, что так оно и было или что в исполнение такой нормы люди вкладывали душу.

В одной из пьес Дюрренматта после смерти мужа достойной пожилой дамы собираются ее дети и говорят ей: вот мы посоветовались и решили, что ты будешь жить там, потом там... А она спрашивает в ответ: почему вы считаете, что я вообще собираюсь с вами жить?! Она начинает совершенно новую жизнь, заводит себе друзей, тратит деньги... Эта эмансипация пожилых кажется мне очень положительным сдвигом, хотя, возможно, он не слишком устраивает государство, поскольку экономическую основу независимости — пенсию — выплачивает именно оно.

Другая линия — эмансипация детей. Она тоже очень сильна. Уже никому не придет в голову спросить у папы и мамы, на ком жениться, какую выбрать профессию и т.д. Это нарастание свободы в обществе.

Я думаю, теплые отношения не мешают эмансипации. Известно, что в Америке очень рано дети отделяются, уезжают учиться или учатся в том же городе, но живут отдельно, в общежитии или снимают комнату вместе с друзьями, и никто ничего особенного в этом не видит.

Вы вообще не склонны описывать происходящее с семьей

как кризис?

Если перестройка происходит без особой болезненности, может, это и не кризис, а просто эволюционное изменение.

Не вижу особой ненормальности в семьях ни у нас, ни в Европе, ни в Америке. Кризис российской семьи в конце XIX — начале XX вв. был гораздо глубже. Тогда действительно потрясались основы, и в конце концов они оказались сломаны. Конечно, тогда болезненно рушилось все, во всех сферах, но даже если говорить только о семье... Ведь это была семья с абсолютной властью главы, с патриархальным разделением ролей, жесткой их закрепленностью, подчиненным положением женщин и детей. Весь этот мир рушился и рухнул, и это была действительно большая травма. Она воспринималась очень болезненно и, несомненно, внесла свой вклад и в политические потрясения. Новый уклад еще не сложился, освобождение от прежнего развязало инстинкты, что сознательно эксплуатировалось в политических целях.

Я думаю, большевики считали, что своей антисемейной риторикой наносят еще один удар по существующему порядку вещей.

Ленин не был настоящим радикалом в вопросах семьи, но он им не препятствовал, потому что разрушение старого порядка, включая семью, согласовывалось с его позицией. И это был политически правильный расчет: в семье к тому времени действительно накопилась энергия разрушения. Внутренний протест по отношению к семье большевики грамотно использовали.

А сейчас преобразование семьи идет эволюционно. Кому-то это нравится, кому-то не нравится, может даже вызывать какие-то страсти, но кардинальной ломки не происходит ни в Европе, ни у нас.

БРАК БЕЗ ШТАМПА В ПАСПОРТЕ¹

Анатолий Григорьевич, как показала последняя перепись, среднестатистический россиянин постарел за последние 13 лет на три года. Средний возраст составляет теперь 37,7года. По мнению председателя Госкомстата России Владимира Соколина, мы уже даже не пожилой, а старый народ. Вы согласны с такой оценкой?

Давайте разберемся. Люди живут дольше, что в этом плохого? По переписи 1897 г., средняя продолжительность жизни в России составляла всего 32 года, сейчас — в два раза больше. Таким образом, с одной стороны, мы добились огромных успехов. Однако уже четыре десятилетия мы все больше отстаем от других промышленных и городских стран.

То, что происходит сейчас, отражает ситуацию перехода от поколений с низкой продолжительностью жизни и высокой рождаемостью к поколению с высокой продолжительностью жизни и низкой рождаемостью.

То есть стариков будет все больше. Но ведь их надо кормить, а количество трудоспособных уменьшается...

На самом деле в разных поколениях по-разному распределяется ресурс потребления. Представьте себе некую совокупность людей, которая жила по-старому: быстро умирала, но много рожала.

Большая часть ресурса потреблялась в детстве, т.к. было много детей. Но они не успевали отдавать, а только проедали все, поскольку умирали в детстве или в молодости. А до старости доживали считанные единицы, поэтому им и нужно было не так много.

Теперь поколение относительно мало берет в долг, потому что проживает в дорабочем возрасте меньше «человеко-лет» по сравнению с тем временем, которое оно же проживает в рабочем возрасте.

Но зато на послерабочие возраста приходится большая доля времени жизни поколения, чем прежде. Эта ситуация

почему-то трактуется как бремя, которое несет общество по отношению к пожилым людям. Однако при новом режиме пенсионер расходует те ресурсы, что были им самим созданы за его трудовую часть жизни.

Дело не в этом. Если старение будет продолжаться, то перспективы для государства и для нации, выходит, самые мрачные?

Не стоит драматизировать. Конечно, есть трудности переходного периода, когда один демографический режим сменяется другим. Те поколения, которые работают, изначально малочисленнее тех, которые уже отработали, и на них ложится дополнительная экономическая нагрузка. Но когда переход заканчивается (а он уже сто лет длится), исходная численность поколений выравнивается и все сводится к перераспределению ресурсов между разными периодами жизни каждого поколения.

Второе. Если рассмотреть нагрузку пожилыми людьми на одного трудоспособного, то начиная с 1950 г., она все время растет и будет расти. Именно на это обычно обращают внимание. А если посмотреть, какова нагрузка на одного трудоспособного всеми иждивенцами, т.е. и пожилыми, и детьми, то здесь уже совсем другая картина. В этом случае очевидна тенденция к понижению. И нагрузка на одного трудоспособного сейчас идеальная, наименьшая за все время после 1950 г. Самый низкий ее пик придется приблизительно на 2007 г.

Но потом — резкий взлет?

Взлет будет, но к уровню нагрузки на одного работающего, который у нас был в середине 1960-х годов, мы придем только лет через тридцать. То есть ничего экстраординарного сейчас не происходит. Правильно, старение идет, но это лишь поверхностный срез. Мы кормим всех: и детей, и стариков. Только при развитой пенсионной системе стариков кормит государство, а детей в основном семья. Поэтому увеличение доли стариков для государства,

для пенсионной системы — нагрузка, но это не демографический вопрос, а вопрос организации распределения. Люди этого не понимают. Есть какая-то, если хотите, конкуренция между детьми и стариками. Они, не сознавая того, борются за одни и те же ресурсы.

И побеждают не дети.

Тоже спорно. Семья «изготавливает» детей мало не потому, что люди эгоисты. Наоборот, они, может быть, как раз в первую очередь думают о детях. Семья выкладывается на одного ребенка, поскольку хочет иметь развитого во всех отношениях ребенка.

Снижение рождаемости будет продолжаться?

Из всех демографических процессов рождаемость — самый загадочный. Никто не предполагал, что она может опуститься до столь низкого уровня и так быстро. Мы сейчас проделываем путь, который за несколько десятилетий до нас проделали сначала Германия, потом Италия, Испания, другие страны. Еще недавно никто в Европе не думал, что рождаемость может оказаться настолько ниже уровня простого воспроизводства — это примерно 2,1—2,2 ребенка на женщину. А сейчас в мире почти нет развитых стран, где он достигал бы 2 детей. Во всех государствах Европы, кроме Албании, ниже двух. Другой вопрос, что в Англии или Франции он составляет 1,8, а в Германии или России — 1,2—1,3. Вот этого никто не ожидал. В чем дело? Все хотят верить, что, если семье давать больше денег, создать условия, скажем, жилищные, то положение выправится. Но, например, Германия — не самая бедная страна, а рождаемость там очень низкая.

А ведь в Германии была довольно серьезная программа поддержки семьи, стимулирования рождаемости, что дало эффект, правда, кратковременный.

Кратковременный эффект — это не эффект. Результат означает, что изменился лишь «календарь» рождений.

Скажем, семья собиралась родить ребенка через три года, но при появлении каких-то пособий ускорила его рождение. Это не свидетельствует о том, что семья в целом родила больше детей. В результате создается некая волна, что было и у нас в 1980-е годы. В 1990-е годы рождаемость рухнула, но мощный обвал произошел после подъема 1980-х. То есть можно сдвинуть «календарь» рождений, но такой сдвиг ничего хорошего не дает. Это только видимость исправления ситуации: в данном году родилось больше, в следующем больше, а потом, наоборот, обвал.

То есть кампании экономического стимулирования рождаемости, выходит, не только не приносят пользы, но даже вредны?

В каком-то смысле да.

А если это будет не кратковременная кампания, а мощная долгосрочная политика? Скажем, родился первый ребенок — получи тысячу долларов, второй — две тысячи, третий — квартиру бесплатную или за полцены.

Тут есть два соображения. Кажется, это так, но никем не подтверждено. Потому что если вы живете в хорошей квартире, имеете высокий материальный статус, то у вас и потребности, в том числе в отношении будущего ваших детей, увеличиваются. Если вы богатый человек, то и на ребенка своего другую ставку делаете. Вы начинаете задумываться, что лучше: одному передать свое наследство или разделить его на много частей?

Иное, еще более прозаичное соображение: где взять эти тысячи долларов? Когда человек получает деньги за работу, он что-то производит. А тут ведь не материальное производство. Иногда говорят: давайте женщине платить зарплату, а она пусть производит детей. Это, конечно, можно, но будет зарплата метафоричная, ее должен произвести кто-то другой, что нереально. В тех странах, где развиты всякие социальные пособия (например во Франции), возникают иные проблемы. Экономика становится неэффективной,

замедляется экономический рост. У системы слишком широких социальных льгот появляются противники.

Вместе с тем есть и еще одно соображение, самое существенное, хотя его часто не хотят принимать всерьез. Сейчас на Земле в целом особенно остро стоит проблема не низкой, а высокой рождаемости. Для планеты главная задача — ее сокращение. Поэтому, может быть, это снижение рождаемости в развитых странах следует рассматривать в качестве некой системной реакции всего мирового населения как единого целого. Этот довод плохо воспринимается: мол, что нам до Земли, у нас Россия, у нас свои проблемы. Парадоксально, что так рассуждают искушенные политики, а рядовая женщина какими-то своими рецепторами улавливает всю мировую ситуацию.

Откуда сейчас столь угрожающий демографический взрыв? Из-за того, что везде снизилась смертность. А рождаемость не снизилась. В развитых странах сначала снизилась смертность, а потом рождаемость. И это произошло постепенно, за счет собственных ресурсов, поэтому такого взрыва нет. Развивающиеся же страны получили в готовом виде все средства борьбы со смертностью.

Вопрос, конечно, риторический, и все же: а надо ли было помогать этим странам бороться с естественными процессами жизни и смерти?

А как иначе? Если появилось новое лекарство, оно выходит в мир. Это невозможно остановить.

Есть масса ООНовских программ помощи развивающимся странам в медико-социальном плане.

Есть. В том числе программа «Планирование семьи», которая как раз направлена на то, чтобы там сокращалась рождаемость. Это распространение наших способов регулирования рождаемости на них.

Анатолий Григорьевич, судя по результатам переписи, сегодня идут очень серьезные изменения института семьи. Каждый десятый брак не регистрируется. Растет количество внебрачных детей при общем снижении

рождаемости. Как Вы это прокомментируете и каков прогноз развития семьи?

Когда-то Лев Толстой, который по отношению к семье не был прогрессистом, написал, что семья меняется и никто не знает, что с ней станет. Он это заметил тогда, когда в России еще мало что менялось.

На самом деле, и мы не знаем, что произойдет с семьей. Может быть, будут какие-то временные браки только на время рождения ребенка — Толстой и это предполагал. Возможно, что-то еще. Мы только понимаем, что семья меняется. По разным причинам. В частности, по демографической. Нам уже не надо всю жизнь рожать, чтобы хоть кто-то из детей выжил. Уже одно это все меняет. Как только давление высокой смертности отпало, утратила смысл и необходимость много рожать. Кроме того, женщина самостоятельна, она имеет собственные источники дохода и не хочет привязывать свою жизнь к кухне. Изменился вклад семьи в воспитание и образование. То есть семья — это не что-то раз и навсегда определенное, она приспособливается к жизни.

Это мода — жить в незарегистрированном браке, которая пройдет, как всякая мода? Или это процесс, который уже не остановить?

Я не думаю, что это мода. Потому что в Европе этот процесс все время нарастает (с 1960-х годов). Дети вырастают, находят партнера, начинают вместе жить и не чувствуют побуждений зарегистрировать брак. Процесс этот возник где-то в Северной Европе, распространился повсюду и, по-видимому, пришел в Россию. В Швеции, например, 52% детей рождается вне брака. И это никого не волнует.

Такое впечатление, что людям все меньше и меньше нужна чья бы то ни было санкция, в том числе и государства, для того, чтобы жить вместе. Как в свое время отказались от церковного брака, так теперь отказываются от загса. А зачем, собственно, нужна бумажка от государства?

Вы меня спрашиваете? Ну, например, для того, чтобы

определить правовой статус ребенка. Кроме того, есть многообразные имущественные отношения между членами семьи.

А на Западе есть способы регулирования имущественных отношений и при незарегистрированных браках, т.е. эта связь каким-то образом оформлена, но она не считается браком.

Получается, государство все равно делает некую запись, ставит какой-то штамп. Так в чем разница?

Но этот штамп ни к чему не обязывает супругов, они могут в любой момент расстаться, а имущественные обязательства сохраняются. Ведь брак — это все-таки не просто имущественная сделка. Впрочем, я не берусь сказать, почему молодые люди в разных странах, в том числе и в России, все больше и больше пренебрегают регистрацией. Но это массовое явление.

Сейчас у нас из 34 миллионов пар 3 миллиона — в незарегистрированном браке.

Это по переписи. Я думаю, на самом деле больше. Мы наблюдаем падение ценности регистрируемого брака. Появляется плюрализм семейных форм. Что за этим стоит, определенно сказать трудно. Кстати, не во всех европейских странах много детей рождается вне брака. В южных странах, например в Италии, Греции, — мало. Есть какие-то особенности. И как будет идти социализация детей, рожденных в таких браках, я не стал бы предсказывать, мне самому здесь многое не ясно.

Не приведет ли такая трансформация семьи и брака к тому; что люди станут чрезвычайно легко относиться друг к другу к детям. А дети, в свою очередь, следуют опыту родителей.

Один повторяет пример родителей, другой идет от противного. Надо стараться избежать морализации по поводу фактов, которые мы наблюдаем. Выросшая требовательность говорит скорее о том, что людей не устраивает какой попало

брак. Не могу сказать, что я такой оптимист и думаю, что все меняется к лучшему. Но и не считаю, что все меняется к худшему. Есть, конечно, вопросы. Например, вопрос одиноких людей в старости.

Как государство должно на все это реагировать? Должно ли оно что-то менять в своей демографической, социальной политике, учитывая такие тенденции развития семьи?

Западные государства ищут разные способы приспособления. Там пытаются идти навстречу новым формам, например учитывать экономические интересы сторон и, возможно, ребенка, не требуя регистрации брака. А у нас никто об этом не задумывается, а зря. Государство — это не церковь, забота о добродетели не его задача. Сейчас некоторые государства идут навстречу однополым бракам. Потому что и такая форма жизни есть.

И все же, наверное, государство не может закрыть глаза на факторы, которые влияют на уровень рождаемости, особенно при такой неблагоприятной демографической ситуации, как у нас?

Вопрос в другом: а могут ли государство, общество контролировать эти вопросы? Уже лет сто — начиная с Франции — делаются попытки влиять на процесс рождаемости. Испробовано все. И нище не удалось кардинальным образом повлиять на ситуацию. Поначалу кажется, что-то получается, но ненадолго. Какую меру ни возьми, она неэффективна.

Конечно, в нынешних условиях государство должно оказывать поддержку молодым семьям и вообще семьям с детьми. Но не с целью повышения рождаемости. Это акт социальной справедливости и перераспределения богатства внутри общества в пользу слабых. Хотя не исключено, что косвенно это может повлиять и на рождаемость.

ТАБЛИЦА РАЗМНОЖЕНИЯ¹

Когда разговор заходит о демографии, в первую очередь вспоминают о прогнозах: насколько увеличится численность населения, как изменятся рождаемость, смертность. Прогнозов так много, что в конце концов в них запутываешься и перестаешь воспринимать всерьез...

На самом деле прогнозы роста числа людей на планете не так уж и различаются. Если вы посмотрите прогнозы ООН, которые выдаются каждые два года, то не найдете в них принципиальной разницы. Главное то, что во второй половине XX в. произошел демографический взрыв. Население планеты стало расти, как никогда прежде. В цифрах это выражается так: в середине XX в. на Земле жили примерно 2,5 млрд человек, сейчас — более 6 млрд, в 2050 г. будет 8—10 млрд. Но население растет все же медленнее, чем предполагали лет десять назад. Правда, в мировых масштабах это не принципиально. Считается, что к середине этого века бурное проявление демографического взрыва в основном прекратится, число землян постепенно стабилизируется, а потом, возможно, даже пойдет на убыль. Но, когда это произойдет, на планете уже будет жить вчетверо больше людей, чем после Второй мировой войны.

Скачок огромный. В чем его главная причина?

Причина-то самая благородная: снижение смертности. Растет качество жизни. Повсеместно стали применять созданные европейцами и американцами новейшие средства борьбы с болезнями. Свою роль сыграло развитие транспорта: ведь раньше целые районы в той или иной стране вымирали от голода, потому что не было возможности вовремя подвезти продовольствие. Эти и подобные им перемены привели к тому, что огромная доля родившихся, которые прежде были обречены на раннюю смерть, теперь выживают, становятся взрослыми, сами рожают детей. Отсюда и взрыв. Но вот в чем проблема. Демографическая система очень жесткая — если

снижается смертность, то должна снижаться и рождаемость, иначе неизбежны перекосы. Во всех мировых культурах были регуляторы, позволявшие подогнать рождаемость под средний уровень смертности.

Значит, прежние нормы запрещали ограничивать рождаемость, были нацелены на то, чтобы рождалось как можно больше детей...

Скорее они запрещали проявлять индивидуальную волю в деле производства потомства, пользоваться противозачаточными средствами, делать аборты. Но были и обязательные для всех ограничивающие нормы, такие, как запрет на сексуальные контакты во время постов. Если вы посмотрите статистику дореволюционной России, то увидите, что в некоторые месяцы рождаемость была намного ниже, чем в обычные периоды. У мусульман свои ограничения. В России до революции у татар дети умирали реже, чем у русских, т.к. татарские матери дольше кормили детей грудью — до двух лет. Но с другой стороны, в период кормления вероятность забеременеть понижается. Многоженство там, где оно было, тоже способствовало снижению рождаемости (в расчете на одну женщину).

Но все-таки главной заботой всех традиционных культур было не допустить снижения рождаемости. Так когда-то было и в Европе. Но поскольку смертность в Европе начала снижаться давно, европейцы успели подготовиться к новой ситуации.

Каким образом?

Нормы семейного поведения весь XIX в. пересматривались. Супруги все чаще прибегали к планированию семьи. А еще раньше появилась устойчивая тенденция поздних браков. Женщины выходили замуж после 25 лет, что значительно сокращало период, когда они могли забеременеть. Так что рождаемость снижалась примерно такими же темпами, что и смертность. В России смертность тоже снижалась, но это началось позднее, чем на Западе, поэтому и

рождаемость оставалась очень высокой — даже и в начале XX в.

Так это же хорошо! Сейчас бы нам такие показатели...

Не так уж и хорошо. В «Анне Карениной» у Толстого есть очень показательный с точки зрения демографа эпизод. Долли Облонская едет в гости к Анне Карениной. И размышляет о том, какая у нее сложная жизнь, что у нее много детей и поднять их будет трудно. При разделе наследства все останутся нищими. А у Анны, которая родила девочку, Долли спрашивает: «Ну как, еще один родится?» «У меня больше не будет детей», — отвечает Каренина. «Как же ты можешь это знать?» И Анна ей что-то шепчет на ухо. Толстой в этом месте ставит отточие, в детали не вникает. Долли, хоть и просвещенная женщина, даже не знала, что такое, выражаясь современным языком, «планирование семьи» возможно. Это противоречило культурным нормам, в которых она была воспитана.

Так что далеко не все в России были рады многодетности. А к концу 1930-х годов, после революции, массовой миграции в города и развала традиционного уклада, от высочайшей рождаемости вообще ничего не осталось.

И мы в демографическом плане встали вровень с Европой...

В отношении рождаемости — да. Это общемировая тенденция. У нас многие с этим не соглашаются. Все знают: смертность в стране превышает рождаемость, население России сокращается, это вызывает беспокойство. И часто кажется, что в том кто-то повинен: аборты, центры планирования семьи, пропаганда средств контрацепции.

На самом деле причина снижения рождаемости — не противозачаточные средства. Они только помогают бороться с абортами. Хотя пользоваться контрацептивами у нас так и не научились. Поэтому где-нибудь в Германии при том же уровне рождаемости, что и в России, абортов на порядок меньше. А у нас все та же недоговоренность, что и во времена

Долли Облонской. Все выступают против аборт, но одно дело заменять аборт эффективной контрацепцией, а другое — говорить: «Нет, вы должны рожать или жить, как святые». Но это же нереально.

Если нельзя повысить рождаемость, то, наверное, можно понизить смертность?

Я не говорю, что рождаемость вообще не может повыситься. Но маловероятно, чтобы она повысилась до необходимого уровня — для этого она должна почти удвоиться. Что же касается нашей высокой смертности, то это отдельный разговор. Смертность сократить можно, как это сделали в очень многих странах. В России же пока не получается. И умирают у нас сейчас в основном не дети, как это было когда-то, а взрослые мужчины, цвет нации. Детская смертность у нас тоже пока выше, чем в Европе или в Японии, но она все время снижается. А вот со смертностью взрослых — никаких улучшений.

Больше всего умирают от сердечно-сосудистых заболеваний, что само по себе неплохо. От чего-то же надо умирать. И лучше, чтобы смерть наступила от такой причины, которая обрывает жизнь в более позднем возрасте. Поэтому то, что большинство людей в развитых странах сейчас умирает от сердечно-сосудистых заболеваний, рака, воспаления легких (последнее касается старших возрастов), как это ни парадоксально, и привело к тому, что смертность там снизилась. Лучше умереть от инфаркта в старости, чем от туберкулеза в молодом или зрелом возрасте. Но беда в том, что у нас и от инфаркта умирают в более молодом возрасте, чем на Западе.

К этому надо добавить огромную российскую смертность от так называемых внешних причин, т.е. не от болезней, а от разного рода травм, насилия и т.п. Именно смертность молодых и здоровых людей от самоубийств, ДТП, бытовых и производственных травм, убийств, отравлений отбрасывает нас на одно из последних мест по продолжительности жизни среди развитых стран.

Что же нам делать?

Для начала хотя бы пить надо меньше. Но вообще необходимо что-то сделать, чтобы повысить ценность человеческой жизни вообще и здоровой жизни в частности.

Можно ли сказать, что российские демографические проблемы сложнее мировых?

Я бы так не сказал. Но те и другие переплетаются. Мировой демографический взрыв — это, конечно, огромная нагрузка на природу, на экономику. Тем более, что он происходит в развивающихся странах, пока очень бедных.

Существует такое понятие «золотой миллиард». Это население благополучных стран. Если к ним добавить Россию, будет примерно 1 млрд 200 млн человек, и это население практически не увеличивается. Раньше «золотой миллиард» окружало 2 млрд остальных жителей планеты. Потом их стало три, четыре, пять миллиардов... А “золотой миллиард” остается прежним. И сейчас на одного жителя развитых стран приходится пять жителей развивающихся. А если взять только молодежь до 20 лет, то уже семь на одного. Соотношение критическое.

Приток мигрантов, который сейчас беспокоит развитые страны, — ничто по сравнению с тем, каким он может стать в недалеком будущем. Пока мобильность населения развивающегося мира невелика: все-таки это в основном крестьянские страны. Но она растет, что начинает беспокоить даже такие традиционно иммигрантские страны, как США. Сейчас в год они официально принимают миллион мигрантов. Добавим еще полмиллиона неофициальных. Англосаксонская целостность американской культуры оказывается под угрозой. Латинос (выходцы из Латинской Америки) играют все большую роль в жизни страны. Мексиканцы заполняют Техас, уже появляются требования отдать этот штат обратно Мексике. Даже для позитивно относящихся к эмиграции американцев это стало проблемой.

Вместе с тем мигранты развитым странам нужны как дешевая рабочая сила. Германия поддерживает рост населения

только за счет мигрантов. И структурно они заполняют те ниши, где не хотят работать немцы. Как и москвичи не хотят работать там, где работают приезжие.

Можно сказать, что подъем исламского фундаментализма тоже обусловлен демографическими причинами?

Да, хотя дело тут не в исламе. Все общества, испытывающие демографические, а вместе с тем экономические и социальные перегрузки, чувствительны к агрессивным идеологиям, направляющим энергию толпы на вымышленного врага. Для местных элит это путь к власти, они и используют религию в своих целях. Сейчас это происходит в регионах исламской культуры, но такое бывало и в других местах. Бедное и полуграмотное население легко откликается на простые лозунги. Россия тоже через это прошла, хотя и без ислама.

Не надо думать, что в мусульманских странах все сплошь фанатики. Модернизация неизбежно происходит и там, но она тормозится ростом населения, и государственным людям приходится с этим считаться. Политика на снижение рождаемости идет в тех мусульманских странах, где сильны позиции модернистов: в Египте, Турции, сейчас даже в Иране.

В Иране? Более традиционную страну представить трудно...

То, что происходит в Иране, было неожиданностью и для меня. Но буквально месяц назад на международной конференции я слушал доклад иранских ученых. Оказывается, там уже с 1989 г. проводят активную политику, направленную на снижение рождаемости. Абортов там скорее всего нет, но средства контрацепции есть. Хомейни буквально через год после прихода к власти в специальной фетве объявил, что контрацепция не противоречит исламу. И сейчас рождаемость упала до двух детей на одну женщину с недавних пяти-шести.

Но чтобы традиционные общества эволюционировали, нужно какое-то время, а его может не хватить. Численность

социально обделенного населения нарастает с угрожающей скоростью. Повторяю, что в 2050 г. на Земле будет жить примерно 9 млрд человек, из которых 8 млрд — бедных и один — процветающий. Во что это выльется, трудно сказать. Но не думать об этом нельзя.

А что думают демографы о росте сексуальных отклонений, например гомосексуализма?

От демографии это довольно далеко, но поскольку я еще немного и социальный историк, то позволю себе высказать сомнение по поводу того, что происходит какой-то «рост» сексуальных аномалий. В этом никогда не было недостатка. Почитайте Юрия Крижанича, современника царя Алексея Михайловича. Просто гомосексуализм столетиями был осуждаем, его скрывали, поэтому мы не знаем, сколько было таких людей раньше. А сейчас все выплыло на поверхность, и кажется, что гомосексуалистов стало очень много. Но сравнивать-то особенно не с чем. Ничто не ново под луной. В моем документальном романе «Перехваченные письма» я привожу такой диалог (это аутентичный текст из архивов русской эмиграции первой волны). Разговаривают два белых офицера во время Гражданской войны. У одного из них роман с солдатом. И он говорит, что хочет с ним обвенчаться, но не знает, где найти достаточно культурного священника. Вот так. А нам кажется, что подобные идеи только сегодня появились и то лишь потому, что их принесло в Россию с загнивающего Запада.

Сейчас индивидуализируются жизненные пути человека. Кто-то всю жизнь живет с одной женой, кто-то вообще без жены, кто-то в однополлом браке... Сейчас в России почти треть детей рождается вне брака, а в Швеции уже больше половины. Конечно, это порождает массу проблем. Над ними и надо думать, а не скулить все время о том, что раньше было лучше. Ни лучше, ни хуже не было. Просто было по-другому.

СНИЖЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ — ЭТО СПОСОБ САМОСОХРАНЕНИЯ¹

Дети для семьи и государства

В представлении значительной части наших сограждан уменьшение численности населения России вызвано экономическим кризисом 1990-х годов. Действительно ли это так?

На самом деле все демографические тенденции в нашей стране стали ухудшаться с середины 1960-х годов, но об этом мало кто знал. Да, в 1992—1993 гг. смертность резко выросла. Почему? Перед началом реформ во время антиалкогольной кампании она значительно сократилась. «Сухой закон» застал население врасплох, и люди на какое-то время перестали пить. А потом приспособились, начали варить самогон, и положительный эффект сошел на нет. «Сухой закон» позволил «группе риска» продлить жизнь, когда же через несколько лет все вернулось на круги своя, она стала очень быстро вымирать. Но одновременно умирали и те, кто и должен был умереть в это время. Эти два потока слились и дали повышение смертности. Поэтому не стоит все валить на кризис 1990-х годов, у нас было тяжелое наследие.

А что было с рождаемостью?

Она в 1990-е годы действительно очень сильно упала. Но мы «упали» на тот уровень, на котором уже находились Германия, Италия, Испания и т.д. Однозначного объяснения, почему это происходит, вам никто не даст. Однако низкая рождаемость вообще характерна для современного городского населения. Если вы сравните Россию с европейской страной, например Италией, то увидите различия только в фазах

¹ Интервью журналисту Наталье Конигиной. Публикуется по тексту с сайта Известия.ру (<http://www.izvestia.ru/russia/article3092017/>). В бумажном варианте газеты (Известия, 14 апреля 2006) интервью напечатано под заголовком «Сколько людей будет жить в России через 50 лет?».

движения, но не в общей тенденции.

В Европе рождаемость везде одинаково низкая?

Есть страны, где ситуация немного лучше, например Франция. Там рождаемость тоже не бог весть какая высокая, но все-таки выше, чем в России — 1,8—1,9 ребенка на женщину, а у нас 1,3—1,35. И тут возникает новая гипотеза. Если сейчас и есть развитые страны с относительно более высокой рождаемостью, то это страны с либеральной экономической и политической традицией — Франция, Англия, Скандинавия, США. А страны, пережившие тоталитарный режим, где государство внушало, что дети нужны не семье, а стране, сейчас имеют самые низкие показатели.

Государственная няня

Есть ли примеры, когда экономическими мерами удалось существенно поднять рождаемость?

По-моему, нет. В Америке не существует государственной помощи семьям с детьми: там высокая рождаемость — около двух детей на женщину. Во Франции есть — тоже рождаемость высокая. А в Германии, хотя помощь оказывается, рожают мало — 1,3 ребенка на женщину. В СССР в 1980-е годы были введены меры поддержки семей с детьми, и многие до сих пор считают, что они дали результат. Но у демографов и здесь есть сомнения. Существует такое понятие, как «календарь рождений». Женщина может родить желанных детей позже или раньше, но итоговое их число от этого не зависит. Когда у нас в стране ввели меры социальной поддержки, многие женщины ответили на это рождением ребенка. Но на самом деле произошел просто сдвиг календаря, а прироста почти не было. Между тем все-таки нельзя сказать, что люди совершенно нечувствительны к социальной политике. Во всяком случае, нужно помогать молодым семьям воспитывать уже родившихся детей. Только здесь важно найти то, что больше

соответствует стремлениям основной массы женщин. Можно выводить женщин с рынка труда. Вместо зарплат они будут получать высокие пособия на детей. Но соответствует ли это желаниям женщины? Может быть, наоборот, нужно помогать работающей женщине? Больше строить дешевых детских садов или оплачивать няню, как это делается, например, во Франции.

Выросшая сейчас рождаемость связана с тем, что пришло многочисленное поколение конца 1980-х, или это «отложенные рождения» тех, кто не родил в 1990-е?

Верно и то, и другое. По всей видимости, у нас происходит смена возрастной модели рождаемости. В России всегда рожали очень рано, а сейчас российская модель рождаемости сближается с европейской. Женщина считает, что детей надо заводить не в 22 года, а в 26, сначала получить образование, обзавестись жильем. А это опять-таки сдвиг календаря, а не увеличение конечного числа детей.

Потребности и возможности

Некоторые демографы считают, что надо повышать «потребность в детях». Как это сделать?

Это просто игра словами. Сколько человек родил детей, такая у него и потребность. Повысить рождаемость и повысить «потребность в детях» — одно и то же. Влиять и на то, и на другое одинаково сложно. Для этого надо изменить всю систему ценностей, сделать так, чтобы дети были важнее образования, новой квартиры, поездки за границу. И чтобы для наших детей мы хотели того же — не образования и интересной работы, а многодетности. Вдобавок нужно помнить и о том, что рождаемость стала снижаться параллельно со смертностью. Раньше смертность была очень высокая, и все нормы были ориентированы на то, чтобы рожать как можно больше, — авось хоть кто-то выживет. Высокая рождаемость снова станет необходимостью только при условии, что восстановится прежняя высокая смертность.

Если каким-то чудесным образом резко повысить в России уровень жизни; рождаемость хоть как-то подрастет?

Не уверен. Потому что, повышая уровень жизни, вы как раз и расширяете конкурирующие потребности. Захочется иметь другой автомобиль, другую квартиру. Вся история роста богатства — это история снижения рождаемости.

Религиозная демография

Как влияет на рождаемость религиозность населения?

Никак.

А как же мусульмане?

А что мусульмане? Они в большинстве своем сельские жители и ведут себя соответственно, поэтому и рождаемость у них высокая. В конце концов, спад начнется и там.

Получается, снижение рождаемости нельзя остановить никакими способами?

«Сверху» — маловероятно. Какие-то меры воздействия — разумные — возможны. Но ощутимого результата это не даст. Нужно пробовать методы экономического, морального, культурного воздействия, но они не должны вступать в противоречие с основными тенденциями.

Кровь или культура?

Сколько народу будет жить в России через 50 лет? Страх того, что русские вымрут и Россию захватят мигранты, оправдан?

Давайте сначала выясним, кто такие русские, как мы будем их определять. По генотипу? Анализ крови будете делать? Или, может быть, по культуре? Но она не заложена в генах. Известно, что гены голубых глаз и светлых волос — рецессивные, они будут постепенно вытесняться. Так что в

этом смысле все предопределено. А вот европейская, христианская по своим корням, культура обладает очень большим потенциалом. Ее и надо поддерживать. Наша главная ценность — русская культура, а не цвет волос. Сейчас население России сокращается, и боюсь, что без мигрантов нам не обойтись: уменьшение числа россиян к 2050 г. примерно до 100 млн вполне реально.

Что будет дальше с Китаем, Америкой, Европой?

Китай к середине века, по-видимому, достигнет полутора миллиардов человек и на этом остановится. США, продолжающие принимать большое количество иммигрантов, как были на третьем месте после Китая и Индии, так и останутся с 400-миллионным населением. Естественная убыль появится во многих европейских странах. Преодолевать ее будут за счет миграции.

И все-таки почему инстинкт размножения не работает у человека так же безоговорочно, как инстинкт самосохранения?

Инстинкт самосохранения как раз не индивидуальный, а коллективный, он и подсказывает человечеству, что мы в опасности, но не из-за низкой, а из-за высокой рождаемости. Если говорить о Земле в целом, сейчас ее население очень быстро растет — 6,5 млрд людей — а будет еще больше — это очень много. Так что в сокращении населения в глобальных масштабах нет никакой катастрофы. Когда в природе происходит чрезмерное размножение популяции, включаются биологические механизмы, которые его тормозят, в основном через повышение смертности. Человек тем и отличается от животных, что, не дожидаясь эпидемий или катаклизмов, он начинает сокращать рождаемость.

Пока население снижается только в развитых странах. Когда эта тенденция дойдет до стран «третьего мира»?

Сейчас уже примерно половина мирового населения себя не воспроизводит, в том числе Китай, часть стран «третьего

мира». Есть разные прогнозы, но по срединному варианту считается, что примерно к 70-м годам нашего века рост прекратится везде, а после этого, возможно, начнется снижение численности населения. Если подобное произойдет, для человечества это станет благом. Может, и хотелось, чтобы Россия стала исключением, но такое невозможно. В том случае, когда в нашей стране все будет в порядке, а у соседей плохо, мы погибнем вместе с ними. Так что объективно европейские народы, включая Россию, указывают человечеству правильный путь.

ВИНОВНА ЛИ КОНТРАЦЕПЦИЯ В СНИЖЕНИИ РОЖДАЕМОСТИ?¹

Россия переживает демографический кризис. По прогнозам демографов, к 2051 г. численность населения страны может сократиться на треть — с 146 до 98 млн человек. Среди причин, влияющих на падение рождаемости, «традиционалисты» называют широкое распространение контрацепции. Наиболее радикально настроенные даже требуют ограничить доступ к контрацептивам, свернуть информационно-просветительскую деятельность в этой области. Действительно ли применение современных методов контрацепции ведет к сокращению рождаемости? Что на самом деле влияет на репродуктивное поведение россиян?

Население России не воспроизводит себя уже 40 лет

В России рождаемость начала падать еще в конце 1920-х годов и опустилась до очень низкой отметки — ниже уровня простого замещения поколений — в 1964 г., раньше, чем в большинстве развитых стран. С тех пор нетто-коэффициент воспроизводства населения остается ниже этого критического уровня, за исключением короткого периода 1986—1988 гг. Подобный уровень рождаемости делает неизбежным сокращение населения, которое и началось в России в 1992 г.

Для простого замещения поколений необходимо, чтобы на женщину приходилось примерно 2,2 рождения. У нас же этот показатель составляет 1,3. Даже если бы смертность в нашей стране была не так высока, крайне низкая рождаемость не позволяет надеяться, что убыль населения удастся в недалеком будущем остановить.

¹ Интервью журналистке Н. Маскиной (Фармацевтический вестник, 5 апреля 2005, № 12 (375)).

Модель малодетной семьи стала приоритетной

Установка на малодетную семью характерна сегодня для большинства россиян; здесь почти нет социальной или региональной дифференциации. Предприниматель, инженер, учитель, рабочий, дворник — все имеют примерно одинаковое число детей, независимо от того, живут ли они в центре или глубинке. Существенные различия наблюдаются лишь на уровне этнической дифференциации, например в республиках Северного Кавказа, где рождаемость остается традиционно высокой.

Даже улучшение экономических условий (высокая зарплата, хорошее жилье и прочее) не всегда подталкивает женщин к решению родить еще одного ребенка. Дополнительные материальные возможности людей сегодня направлены в первую очередь на повышение качества воспитания — обеспечение лучшего образования, разностроннего развития ребенка и т.д. Пособия и льготы влияют скорее на «календарь» появления детей в семье, чем на их конечное число.

Демографическая ситуация в России развивается в русле процессов, происходящих во всех развитых странах мира. Они связаны с новым типом воспроизводства населения, обусловленным изменениями в социально-экономической жизни, которые, в частности, привели к демократизации семейных отношений, эмансипации женщины, открыли больше возможностей для самореализации и удовлетворения потребностей людей.

Было бы наивным полагать, будто контрацепция сама по себе служит причиной изменений в репродуктивном поведении. Напротив, именно эти изменения породили спрос на противозачаточные средства. Их широкое распространение — лишь следствие происходящих перемен. Решение, сколько иметь детей, определяется образом жизни, ментальностью, жизненными ценностями современного человека. Модель

малодетной семьи, увы, стала приоритетной для подавляющего числа жителей развитых стран.

Ограничение доступа к современным средствам предохранения от беременности вряд ли будет стимулировать рождаемость. Если женщина НЕ ХОЧЕТ иметь детей больше, чем запланировано, она скорее пойдет на аборт, чем решится рожать.

На пороге контрацептивной революции

К сожалению, аборты пока остаются в России очень распространенным способом регулирования деторождения, хотя в последнее время число их устойчиво сокращается. Если в 1995 г. на 100 живорождений приходилось 202 аборта, то в 2002 г. — 139. Суммарный коэффициент абортов опустился с 3,4 аборта в среднем на одну женщину в 1991 г. до 1,8 в 2002 г.

Ситуация улучшается по всем возрастным группам. Число абортов на 1 тыс. женщин в возрасте 35 лет и старше в 1991 г. — 51, а в 2002 г. — 21. В самой молодой возрастной группе — от 15 до 19 лет — было 69 абортов, а стало 33.

Число абортов сокращается на фоне устойчивого роста числа женщин, пользующихся современными методами контрацепции. По данным Минздравсоцразвития России, на конец 2001 г. 15,6% всех женщин репродуктивного возраста пользовались внутриматочными спиралями и 7,8% — гормональными средствами.

Пока уровень применения современных средств контрацепции в России остается сравнительно невысоким. Контрацептивная революция, которую западные страны пережили в 1960—1970-х годах, у нас еще только начинается. Тем не менее, Россия движется от ситуации, когда основным средством регулирования рождаемости был аборт, к более широкому использованию современных методов планирования семьи. А это влечет за собой снижение материнской смертности, сокращение вторичного бесплодия, улучшение репродуктивного здоровья женщины, что в свою

очередь положительно влияет на демографическую ситуацию.

Контрацепция предотвращает аборты, а не роды

Ученые-демографы скептически относятся к заявлениям о том, что расширенный доступ к средствам контрацепции ведет к снижению рождаемости. Это весьма примитивный, поверхностный взгляд на проблему. Контрацепция предотвращает аборты, а не роды.

Есть немало развитых стран, где контрацепция распространена гораздо шире, чем в России, а рождаемость — намного выше. Например, во Франции проводится продуманная политика в области планирования семьи, за счет страховых программ оплачиваются консультационные услуги по применению средств контрацепции. Информированность населения о способах планирования семьи намного больше, чем в России, а рождаемость при этом в 1,5 раза выше. Абортов же в расчете на 100 родов — в 5 раз меньше.

Если мы хотим добиться хотя бы такого показателя рождаемости, как во Франции, — 1,9 рождений на женщину, надо не затруднять доступ к контрацепции и не требовать запрета абортов: все это создает лишь видимость борьбы за повышение рождаемости. Центр тяжести общественных усилий должен быть перенесен на создание социального климата, благоприятствующего появлению детей и их воспитанию, что и делалось во Франции на протяжении многих десятилетий. Конечно, нужны серьезные меры по поддержке материнства государством и обществом. Но осмысленная политика в области планирования семьи тоже необходима для формирования благоприятного социального климата. Если его не будет, не будет и условий, позволяющих делать цивилизованный выбор в отношении регулирования рождаемости и применять безопасные и эффективные методы контрацепции.

НАРОЖАЮТ ЛИ РОССИЯНКИ СТОЛЬКО, СКОЛЬКО НУЖНО СТРАНЕ?¹

В России серьезные проблемы с численностью населения: нас мало рождается, мы рано умираем. Государство недавно озаботилось этим, и теперь матерью в России быть выгодно. Владимир Путин в своем очередном Послании Совету Федерации обозначил первостепенную задачу: больше рожать. За это государство обещает солидное вознаграждение. Сработают ли эти меры?

На вопросы «СК» отвечает ученый-демограф Анатолий Вишневский.

Рожают, сколько хотят

Анатолий Григорьевич, можно ли как-то повлиять на уровень рождаемости?

Если повлиять на уровень рождаемости и возможно, то это совсем не просто, иначе давно уже было бы сделано во многих странах. А сейчас в Европе нет ни одной страны, в которой уровень рождаемости был бы достаточен хотя бы для простого замещения поколений. И ведь нельзя сказать, что это не беспокоит общественное мнение и правительства этих стран или что там не предпринимаются меры по изменению уровня рождаемости. Например, в Германии на семейные пособия расходуется более 3 % ВВП (у нас сейчас эта доля чуть ли не в десять раз меньше, при том что и ВВП на душу населения не сопоставим с немецким). А рождаемость все равно остается низкой, примерно такой же, как в России.

Во всех странах проводятся опросы населения, в которых пытаются выяснить причины низкой рождаемости, и везде люди отвечают, что хотели бы иметь больше детей, но им мешают стесненные жилищные условия, низкие доходы и т.п.

¹ Из интервью журналисту Ивану Власову (История с демографией // Свободный курс, 16 июня 2006 (Барнаул) / <http://www.altapress.ru/10439/>).

Конечно, ни эксперты, ни политики не могут игнорировать эти ответы, а все же исследователь-аналитик не может не понимать, что если это и правда, то не вся.

Дело в том, что, как правило, рождаемость в стране снижается не тогда, когда страна беднеет, а тогда, когда она богатеет, и в авангарде снижения рождаемости всегда идут более зажиточные слои. Россия никогда не жила особенно богато, но все же уровень жизни россиян в конце 1970-х годов не сравнишь с тем, какой был сразу после войны. И жилищные условия оставляли желать лучшего. А рождаемость в 1979 г. была примерно на 40 процентов ниже, чем в 1949.

И это не удивительно, потому что с ростом благосостояния растут и потребности людей, а что особенно важно, — потребности их детей, рост же благосостояния, как правило, не поспевает за ростом потребностей. Не случайно поэтому демографы часто говорят об обратной связи благосостояния и рождаемости. Можно, конечно, сказать: давайте обеспечим рост благосостояния, более быстрый, чем рост потребностей. Давайте, например, дадим каждой российской семье родовую усадьбу с хорошим домом и надворными постройками, с большим участком земли, тогда и рождаемость поднимется. Такие предложения есть. Но ведь мы уже хотели работать по способностям, а жить по потребностям, и почему-то из этого ничего не вышло. Зачем же в очередной раз впадать в новую маниловщину?

Что же, нет никаких механизмов воздействия на рождаемость?

Так я бы все же не сказал. Совсем устранить разрыв между возможностями и потребностями семьи с детьми едва ли возможно. Да это и не нужно. Большинство людей прекрасно понимает ценность детей и готово многим жертвовать для них: это ведь и есть родительская любовь. Но уменьшить разрыв, когда он становится непомерным, наверно, можно и нужно. Собственно, на это направлены современные системы охраны здоровья детей, дошкольного воспитания,

образования. Они у нас работают плохо, негибко, и если бы тут удалось добиться перелома, думаю, детей в стране прибавилось.

А пособия на детей будут этому способствовать?

Нужны и пособия. Это естественное проявление социальной солидарности, государство перераспределяет часть средств от тех, кто их зарабатывает, к тем, кто в данный момент по той или иной причине оказался на мели, ничего не зарабатывает или зарабатывает мало. В таком положении оказываются женщины, молодые семьи первое время после рождения ребенка — им нужно помочь. Но всех проблем пособия на детей не решают. Если у семьи были низкие доходы до рождения ребенка, то с появлением нового человека, даже и при получении пособия, они высокими не станут и полноценную зарплату пособия не заменят. А если доходы семьи были высокими, то так ли важны для нее полторы или даже три тысячи рублей в месяц?

Повторяю, пособия нужны, и нужна постоянная работа по их совершенствованию — кому, сколько, на какого по счету ребенка и т.п. Но денежные пособия и льготы — лишь часть, по-моему, не главная, всей системы государственной поддержки рождения и воспитания детей, которая, в свою очередь, должна вписываться в общую систему предпочтений общественного развития.

Женщина, родив ребенка, не должна лишаться возможности, если она этого хочет, продолжать свою профессиональную жизнь, зарабатывать, учиться, делать карьеру. Надо еще учесть, что у нас в ближайшие десятилетия будет острая нехватка рабочих рук, так что и обществу было бы невыгодно, если бы многие женщины надолго побросали работу и сосредоточились только на рождении и воспитании детей.

Конечно, не следует впадать в крайности. Ребенку необходимы материнская ласка, родительская забота, да и семье нужны дети не где-то в интернате, а дома, там, где протекает ее жизнь. Так что важно искать разумное

равновесие между образовательными учреждениями и семьей, между материнскими и отцовскими ролями людей и другими их социальными ролями, нужно обеспечить каждой семье свободу выбора — в этом, я думаю, и будет заключаться создание в стране социального климата, более благоприятного для рождаемости.

Но его нельзя создать в ударном порядке, к очередным выборам. Такой климат вызревает постепенно, полезные меры вырабатываются путем проб и ошибок, без слишком резких движений. Так события развивались, например, во Франции, которая раньше других стран столкнулась с проблемой низкой рождаемости, но никогда не пыталась решить ее одним ударом. Панацеи нет нигде, но французская семья чувствует себя комфортно не потому, что она богаче немецкой, а потому что она постепенно приспосабливалась к новым условиям, лучше сохранила свою традиционную способность к самостоянию и органичнее вписана в современный социальный контекст. А немцы, видимо, никак не могут вытравить из памяти безумные призывы рожать детей «для нации», идеологическое давление на семью и не слишком верят в ее собственные силы. Думаю, потому и рождаемость у них, также, впрочем, как в Италии, Испании и т.п., почти в полтора раза ниже, чем во Франции или Великобритании, где такого давления не было.

Собственная «гордость»

А о чем говорит опыт нашей страны в борьбе за повышение рождаемости?

Опыт был разный — от абсолютно неэффективного сталинского запрета абортос после голода начала 1930-х годов (в 1935 г., последнем перед запретом, в России рождалось 4,3 ребенка на женщину, в 1955 г., перед отменой запрета — 2,8 при высокой женской смертности от подпольных абортов) до мероприятий начала 1980-х годов, напоминающих те, которые сейчас провозглашены в послании президента. Их конечная эффективность тоже вызывает сомнения. Но все это не значит,

что надо отказываться от попыток повысить рождаемость в России. Дело это непростое, и ждать каких-то невероятных мгновенных успехов не приходится.

Какое вообще число жителей необходимо стране?

Никаких критериев на этот счет не существует. В 1900 г. население России в ее нынешних границах составляло 71 млн человек, и никто не считал, что этого мало. В 1955 г., когда Россия, наконец, восстановила довоенную численность своего населения, нас было 110 млн, и тоже никто не жаловался. На начало 2006 г. численность населения России составляла около 143 млн человек, но она сокращается, и вполне вероятно, что к середине века упадет до уровня 1950 г., что вызывает огромное беспокойство, с моей точки зрения, вполне оправданное.

В недавно вышедшей книге, подготовленной нашим центром, приведены подсчеты, которые показывают, что если бы России удалось избежать страшных демографических катастроф первой половины XX в. и если бы не возникло отставания в снижении смертности, характерное для второй половины минувшего столетия, то к 2000 г. население России могло бы быть примерно на 135—140 млн человек больше. Я думаю, что если бы в России сейчас было не 143 млн человек, а 280, то это было бы совсем неплохо.

1,3 РЕБЕНКА. ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ РОССИЯНИНА ДЕЛАТЬ ВЫБОР МЕЖДУ ДЕТЬМИ И КОМФОРТОМ¹

Демографические проблемы из сугубо научной темы превратились в предмет всеобщего интереса. При этом чем активнее идет обсуждение, тем больше возникает новых вопросов. Сколько детей прибавит России «материнский капитал»? Надо ли награждать орденами многодетных матерей? Не пора ли создавать в нашей стране министерство демографии? На эти и другие вопросы на недавнем «Деловом завтраке» в «РГ» отвечал руководитель Центра демографии и экологии человека Анатолий Вишневский.

Чей ребенок?

Анатолий Григорьевич, в одном из интервью Вы говорили, что вся история роста богатства — это история снижения рождаемости. Как в эту демографическую зависимость вписываются США, где рождаемость даже среди белого населения — одна из самых высоких среди развитых стран?

Прекрасно вписываются. Там же не рожают по шесть-восемь детей. У нас 1,3 ребенка на женщину, у них у белого населения — 1,9. Это все равно меньше, чем нужно.

Почему богатство сказывается на рождаемости отрицательно? Логичнее, если бы было наоборот.

С ростом богатства растут и потребности. Я хорошо помню послевоенное время. Тогда бедность в России была намного большей, а жилищные условия — просто катастрофическими. Тем не менее рождаемость была намного выше, чем сейчас. Когда мне пришла пора обзаводиться детьми, как раз развернулось массовое жилищное строительство. Моя первая дочь родилась, когда я въехал в двухкомнатную квартиру — это было предметом невероятной

роскоши. В таких квартирах и сейчас живет большинство населения, но теперь им этого уже мало. Кроме того, в квартиру нужна хорошая мебель, семье нужен автомобиль. Детям приходится «конкурировать» с другими потребностями.

В Чехии самая низкая рождаемость в Европе — 1.17. Как там решают эту проблему?

У нас сейчас в качестве примера успешной демографической политики как раз приводят Чехословакию социалистических времен. Но это — по незнанию. С помощью материального стимулирования там достигли такого же результата, как несколько позднее у нас: в какой-то момент рождаемость повысилась за счет того, что часть людей родила раньше, чем планировала. Это так называемый эффект сдвига «календаря рождений». Он недолговечен. В 1974 г. рождаемость в Чехии достигла пика — 2,4 рождения на женщину, а в 1983 г. была уже ниже 2-х и продолжала падать.

Если расположить все страны Европы по уровню рождаемости, то этот список явно распадется на две части. Самая низкая рождаемость окажется в тех странах, где государство в той или иной форме пыталось повлиять на поведение семьи.

Поддержкой или запретами?

И тем, и другим. Важно, какая при этом господствовала идеология. Дети для семьи или дети для государства? В Германии при Гитлере была идея, что каждая женщина должна дать государству солдата. Аборты жестоко преследовались. В Италии или Испании на семью давила католическая церковь, запрещала разводы, контрацепцию. Во всех этих странах сейчас самая низкая рождаемость. А там, где рождаемость поощряется, но преобладает идея, что люди рожают детей для себя, ситуация получше. Это Франция, Великобритания, Скандинавские страны, США.

Семья суверенная

Получается, что у нас сейчас такая же идеология: дети нужны государству, иначе мы все вымрем, Россия развалится. Может, надо сворачивать эту риторику? Подбирать другие слова?

Да, эта идеология бесперспективна.

Что бы вы предложили взамен?

Наш центр еще в конце 1980-х годов подготовил документ под названием «Семейная политика в СССР в 90-е годы», сформулировал принципы такой политики. Один из главных — принцип суверенитета семьи. Государство должно избегать любых мер с целью навязать семье какие-то решения. По сути, это принцип доверия семье. Очень важен принцип расширения свободы выбора. Хочет семья одного ребенка — хорошо. Хочет пятерых — пусть рождает пятерых. Политика должна строиться так, чтобы уважать все варианты выбора. Еще один принцип — опора на собственные силы. Семья не должна быть иждивенкой государства. Жизнь нужно устроить так, чтобы семья могла зарабатывать и не нуждаться в подачках.

Вы хотите сказать, что надо отменить все пособия, всю госпомощь, пусть родители сами барахтаются?

Отнюдь нет. Потому что следующий принцип — принцип социальной защиты семьи. Но в социальной защите нуждаются не все семьи и не на всех этапах своей жизни. Должен быть ясно определен круг семей и этапов их жизненного цикла, где нужна социальная защита. Потому что если вы начинаете «социально защищать» всех, то вообще лишаете смысла экономику.

Женщины, которых нет

Сейчас много говорят о необходимости социальной рекламы, которая бы пропагандировала многодетность. Вам

не кажется, что это тоже давление на семью? Те, у кого только один ребенок, будут чувствовать себя неполноценными членами общества.

Ну до этого пока далеко. Хороши всякие семьи. Но если говорить о рождаемости, то не многодетность определяет ее уровень. Всегда будут те, у кого пять или десять детей, но они погоды не делают. Можно восстановить ордена и медали многодетным матерям. Но это только ослабит сознание семей, что они рожают детей не для государства, а для себя — сознание подавляющего большинства семей, двух- и трехдетность которых только и может обеспечить более высокую рождаемость.

А двух-трехдетную семью надо пропагандировать или в семейном вопросе про пропаганду лучше вообще забыть?

Количественную пропаганду лучше забыть. А пропаганда ребенка, материнства, семьи с детьми, безразлично с каким количеством, нужна.

Принцип опоры семьи на собственные силы реализуется сейчас в полной мере, не так ли?

Не так, потому что у большинства наших семей нет этих сил. А смысл этого принципа в том, чтобы они были, чтобы как можно большее число семей как можно меньше нуждались в общественной благотворительности. Чтобы люди могли нормально зарабатывать, чтобы женщина с ребенком могла найти работу на неполный рабочий день или работать дома и т.п. Сейчас нормальная городская семья — это семья с двумя зарплатами. Почему она вдруг должна стать другой? На нее и должна быть ориентирована политика. А если вы соберете все, что у нас пишется про «семейное воспитание», восстановление «традиционных семейных ценностей», про необходимость дать женщинам семилетний отпуск по уходу за ребенком — было и такое предложение, — то окажется, что все это направлено на то, чтобы вывести женщину с рынка труда и превратить ее в существо, которого история никогда не знала. Неработающих женщин никогда не было много.

Крестьянская женщина не работала на заводе или в конторе, это верно, но она не разгибаясь трудилась по дому. Сейчас жизнь изменилась, и надо приспособливаться к ней, а не придумывать сказки об утраченном золотом веке.

Тридцать лет и три года

Какой эффект дадут меры поощрения рождаемости, которые начнут действовать с нового года?

Думаю, на пару лет рождаемость несколько повысится. Есть женщины, которые собирались рожать ребенка — первого ли, второго ли, — но не спешили с этим. Вводимые меры ускорят принятие решения. Но родят ли они потом еще одного ребенка? А если не родят, образуется новая демографическая «яма». Еще один момент следовало бы как-то учесть. Сейчас рождаемость везде сдвигается к старшим возрастам, женщины все чаще рожают после 30 лет. И там, где этот сдвиг произошел, в той же Франции, в Швеции, — рождаемость повыше. А у нас многие программы ориентированы на «молодую семью», где оба супруга моложе 30 лет, да и новые меры не будут способствовать откладыванию рождений. Некоторых это радует, но ведь нельзя не считаться с мировыми тенденциями, которые отражают массовый выбор сотен миллионов людей.

Наши читатели спрашивают, не пора ли создавать что-то вроде министерства демографии.

Министерства, думаю, не нужно. Но вот во Франции в 1945 г., сразу после войны де Голль сформировал высший совет по народонаселению и сам стал его председателем, чем подчеркнул значимость проблемы. Заодно он издал декрет о создании института демографических исследований. У нас до сих пор нет такого института, хотя разговоры об этом идут десятки лет. Зато министерства и чиновники размножаются всеми известными способами.

Во Франции проводится наиболее успешная из всех

развитых стран демографическая политика?

До войны во Франции была самая низкая в Европе рождаемость. Сейчас она самая высокая. Там уже 60 лет проводится демографическая политика, которая все время приспособливается, улучшается, уточняется. Она адресована работающей женщине. Все делается для того, чтобы женщина могла родить и продолжать работать. Нет никаких проблем с детскими садами. Быть воспитательницей детского сада престижно. А если не хотите отдавать малыша в детский сад, государство поможет вам оплатить няню...

Другая Земля

Как дальше будет развиваться ситуация в России?

Можно сказать, что примерно к 2050 г. нас будет 100 млн. Это мало. Единственный способ что-то исправить — это иммиграция. Мы же видим, как быстро растет Америка. Они сейчас на третьем месте после Китая и Индии. Но Америка принимает огромное количество мигрантов. А Россия — именно Россия, не весь Советский Союз — в 1950— 60-х годах была на четвертом, а в 2050 г. будет где-то на 18—20-м.

Не грозит ли Земле сюжет фильма «Дитя человеческое»? Человечество не вымрет? Ведь все демографические проблемы имеют планетарный масштаб.

Да, мы — часть глобальной системы, но она отнюдь не вымирает. Наоборот, сейчас проблема для мира в целом — быстрый рост народонаселения.

Все-таки перенаселенность страшнее?

В целом страшнее. Человечество выросло за последние сто лет вчетверо. Это огромная нагрузка на ресурсы Земли, на ее систему жизнеобеспечения. Поэтому сейчас основная задача мирового населения — замедлить свой рост. Может быть, в этом причина того, что в развитых странах не удается повысить рождаемость, — это противоречит глобальной

задаче ее снижения. И я не думаю, что можно рассматривать будущее России вне этого глобального контекста.

Когда рост рождаемости прекратится во всем мире?

Предполагают, что к середине XXI в. Когда он прекратится, на Земле будет порядка 9 млрд человек. Но это будет уже совсем другая планета. Небольшая часть будет заселена, условно говоря, белым населением. Миллиард человек, максимум полтора. Другая часть — это весь остальной мир, потому что население растет прежде всего в развивающихся странах. Перед миром неизбежно встанет, да уже встала, проблема перераспределения населения на планете.

Конфликт интересов этих частей мира неустраним?

Да. Единственное, что можно сделать, да и то без стопроцентной надежды на успех, — это выпускать пар из котла постепенно, не дожидаясь взрыва. Одним из механизмов «выпускания пара» как раз является миграция.

ЦЕНИТСЯ ЛИ У НАС ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ?

ЦЕНИТСЯ ЛИ У НАС ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ?¹

Может ли изменить демографическую ситуацию снижение смертности?

Едва ли, хотя, конечно, вторая [после низкой рождаемости] причина сокращения населения России — это именно высокая смертность. Да и вообще это, пожалуй, одна из главных наших бед.

Я хотел бы подчеркнуть несимметричность ситуации с двумя главными демографическими процессами — рождаемостью и смертностью. У нас много пишут и говорят о кризисе рождаемости, хотя, повторюсь, по уровню рождаемости мы не отличаемся принципиально от большинства западных стран и при этом, как и они, не знаем, что может изменить положение. По показателям же смертности мы очень сильно выпадаем из общего ряда, и здесь «они» — и немцы, и французы, и японцы, и многие другие — прекрасно понимают, что надо делать и делают с успехом. Мы уже некоторое десятилетие топчемся на месте, все больше отстаем, а говорят у нас об этом явно недостаточно и к тому же по большей части неверно. 1990-е годы отличаются от 1970-х или 1980-х только тем, что тогда запрещалось публиковать данные о смертности и люди жили в счастливом

¹ Из интервью журналисту Наталье Кузиной. Опубликовано под названием «Аист забыл к нам дорогу» (Трибуна, 26 ноября 1999).

неведении. Население было уверено, что у нас все в порядке. Потом эти данные открыли. Естественно, реакция оказалась панической.

Однако кривая смертности резко выросла именно за последние годы.

Да, но надо разобраться в том, что произошло. Ее резкий подъем отмечен в 1992—1994 гг., а затем она снова стала опускаться. Почему?

Смертность у нас резко снизилась с началом в 1985 г. горбачевской антиалкогольной кампании. В 1987 г. она была самой низкой за всю нашу историю — прежде всего, за счет снижения в группах риска, связанного с потреблением спиртного. В России, увы, эти группы довольно значительны. На какое-то время заметно сократилась смертность от всякого рода несчастных случаев и травм, а также от сердечно-сосудистых заболеваний, тоже чувствительных к неумеренному потреблению алкоголя.

Можно сказать, что антиалкогольная кампания в те годы спасла жизнь не одной сотне тысяч человек. Сравните: в 1984 г. в России умерло 1651 тыс. человек, а в 1986 — 1498 тыс. Только за год — на полтораста тысяч смертей меньше! Но, к сожалению, кампания оказалась недолговечной — на то она и кампания, — люди, относящиеся к группам риска не исчезли, и когда спиртное стало доступно, как прежде, может быть и еще доступнее, они вернулись к своему привычному поведению. Таким образом, в начале 1990-х годов число людей группы риска как бы удвоилось, что само по себе было способно вызвать подъем кривой, о котором Вы говорили. Но, конечно, на эти же годы пришелся и шок от экономических и социальных перемен, приспособиться к которым, особенно людям старших возрастов, было нелегко.

С 1995 г. смертность снижается и, после резкого колебания — сначала вниз, а потом вверх — входит в свою обычную колею. Но беда в том, что колея эта, наезженная еще в 1960—1970-е годы, никуда не годится. У нас сейчас средняя продолжительность жизни 61,3 года у мужчин и 72,9 года у

женщин — примерно на уровне 1979—1980 гг. Но это — допотопный уровень. Если сравнить Россию и, скажем, США, то и тогда Россия недобирала 8,5 года жизни мужчин и 4,3 года жизни женщин. Теперь же продолжительность жизни в США еще больше выросла, и разрыв достиг соответственно 11 и 6 лет.

А ведь было время, когда мы довольно быстро сокращали отставание. Но примерно с середины 1960-х годов, т.е. с конца хрущевской оттепели и начала брежневской эры, оно опять стало увеличиваться. В отличие от Запада нам не удалось перейти к новому этапу борьбы со смертью, развернуть наступление на неинфекционные болезни, ограничить смертность от несчастных случаев. Надо было больше средств вкладывать в здравоохранение, добиваться изменений в самом поведении людей, а все было недосуг. Считается, что мы заботились о безопасности страны, но при этом, если сравнивать с теми же американцами, — я уж не говорю про японцев — мы потеряли больше жизней, чем можно потерять в довольно серьезной войне. Так что безопасности особой не было.

Нет ее, увы, и сейчас, отсутствуют признаки того, что человеческая жизнь стала цениться больше, нежели 15 или 20 лет назад. События последнего времени — экономический кризис, военные действия — вообще не способствуют росту таких ценностей. Кроме того, увеличение продолжительности жизни сопровождалось на Западе огромными вложениями средств в развитие здравоохранения, у нас же их просто нет. А если и удастся немного разбогатеть, то, боюсь, останемся верны привычному «остаточному принципу», по которому на охрану здоровья идут только крохи с барского стола, кто бы за этим столом ни пировал.

Впрочем, даже если бы удалось снизить смертность, проблема отрицательного естественного прироста (число рождений меньше числа смертей) едва ли приблизилась бы к решению. Об этом также говорит опыт европейских стран с низкой рождаемостью, независимо от того, высокая у них смертность или низкая. В 1992 г., когда естественный прирост

населения в России впервые стал отрицательным, в Европе было 9 стран с таким показателем. Сейчас — около 15. Среди них Германия, Италия, Венгрия, Украина...

Вы сказали, что рождаемость в России падает давно. Тем не менее, население СССР все время росло. Если в 1950 г. оно составляло 179 млн человек, то в 1990 г. уже 288 млн.

Да, росло и население России, хотя рост был и не таким быстрым: в 1950 г. был 101 млн, а в 1990 — 148. Но он был во многом обусловлен особенностями возрастной структуры населения. Рождаемость же, хотя и была выше, чем сейчас, сама по себе такого роста уже давно не обеспечивала.

Почему, например, население росло, скажем, в 1980 г.? У нас была высокая рождаемость в конце 1950-х — начале 1960-х годов, поэтому через 20—25 лет, в 1980 г., оказалось много молодых матерей, отсюда и относительно большое число родившихся при низкой рождаемости в расчете на 1000 женщин материнских возрастов. А вот стариков, т.е. людей, родившихся примерно до 1920 г., у нас в это время было немного — ведь это по ним прошли катки отечественной истории первой половины века. Из них мало кто дожил до старости. Потому, хотя смертность в расчете на тысячу человек пожилых возрастов была высокой, общее число смертей оказалось сравнительно небольшим, меньшим, чем число рождений. Надо быть или очень невежественным, или очень циничным (а иногда оба качества соединяются в одном человеке), чтобы гордиться внешне благополучными показателями прироста населения в брежневскую эру. Они оплачены преждевременной гибелью миллионов наших сограждан.

К тому же эти показатели не могли, конечно, изменить общих крайне неблагоприятных демографических итогов российской истории XX в. В первой половине столетия Россия переживала так называемый «демографический переход» — этап демографического развития, на котором население всех стран, как правило, резко возрастает из-за того, что смертность снижается намного быстрее, чем рождаемость.

Такой шанс появляется однажды в истории, и Россия его упустила. Демографические катастрофы первой половины века, за которые никто никогда не взял на себя ответственность, лишили Россию этого шанса, если бы не они, ее сегодняшнее население могло бы быть на 100—120 млн человек больше. Наверстать упущенное уже невозможно.

НЕ КАК У ВСЕХ¹

Не так давно «Новые известия» вынесли на свою первую полосу цифру 50 млн — столько населения, по прогнозам некоторых ученых, останется к середине века в России. Как Вы, Анатолий Григорьевич, оцениваете эту цифру и сложившуюся демографическую ситуацию в целом?

Передо мной последний прогноз ООН, сделанный в 2000 г.: по «среднему» его варианту в России в 2050 г. будет 121 млн человек; в «низком» варианте», пессимистическом, называется цифра 102,5 млн, в «высоком», оптимистическом, — 152. Такая вот «вилка». Конечно, к этому прогнозу надо относиться осторожно, потому что ООН его делает по всем странам мира, а это значит, что подход несколько укрупненный, в детали не вникают, тем не менее тенденции изучают. В таком же положении, что и Россия, находятся практически все развитые страны, во всяком случае европейские. В США немного иная ситуация, но тоже не идеальная. Поскольку ООН по идеологии организация все-таки западная, то до недавнего времени положение развитых стран (в том числе и России) как бы приукрашивалось. Поэтому можно сказать, что и в приведенных прогнозах есть некоторый избыточный оптимизм. Тем не менее, это, конечно, не названные 50 млн, а во всяком случае не меньше 100.

В начале 2001 г. мы делали свой так называемый аналитический прогноз, т.е. не предсказывали численность населения, а обсуждали, какова она может быть при тех или иных сценариях развития событий. Но, подчеркну, *реалистических*. Мы не предполагали, скажем, возврата к рождению в семье десятерых детей, а исходили из того, что имеем. «Коэффициент суммарной рождаемости» (число детей на одну женщину за ее жизнь), включающий многие

¹ Из интервью журналистам газеты «Новые известия» Марине Пугачевой и Светлане Ярмолюк. Опубликовано 10 января 2002 г. под названием «У нас с рождаемостью все, как у всех».

специальные данные, сейчас у нас составляет 1,2 (для простого воспроизводства требуется больше двух). Предположить какой-то достаточно оптимистический сценарий значит предположить, что рождаемость повысится вдвое. А для этого нет никаких оснований. Предположить, что рождаемость повысится на 10—20%, можно, поскольку сейчас отмечаются некоторые колебания. Но это не решает проблему. Потому все разговоры, которые крутятся вокруг роста рождаемости как способа спасения России, абсолютно утопичные, и, как всякая утопия, они вредны, ибо отвлекают от реальности.

< ... >

Ситуация представляется безнадежной? Ведь при низкой рождаемости у нас еще и крайне высокая смертность населения.

Со смертностью дела обстоят абсолютно не так, как с рождаемостью, в том смысле, что рождаемость у нас как у всех, а смертность, наоборот, совсем не как у всех. Как ни у кого. Очень высокая смертность. Надо заметить, что и в советское время смертность мужчин в России была выше, чем в любой другой республике. Эта ситуация возникла где-то с середины 1960-х годов, сразу после ухода Хрущева. Трудно сказать, насколько она была связана с политическими переменами, но на протяжении всей брежневской эпохи здесь был самый настоящий застой и даже деградация. Основные данные не публиковались, никто этого не знал или знали мало и плохо. Сейчас цифры доступны, и видно, как ситуация ухудшалась. И объективно, и за счет сравнения, потому что в эти годы смертность быстро снижалась в других странах. Огромный рывок был сделан в Японии, Европе, США. Поэтому «ножницы», которые были всегда, резко «разошлись». Мы оказались на самых последних местах среди промышленно развитых стран, где продолжаем оставаться и сейчас.

В начале 1990-х годов было очень много демагогии в связи с ростом показателей смертности, немало политических

спекуляций. Зюганов митинговал, утверждая, что мы заплатили 6 млн жизней за так называемые реформы и прочее. Это все неверно. Дело в том, что когда в 1985-м началась антиалкогольная кампания, то смертность резко снизилась, и мы очень много выиграли в этом смысле за несколько лет (1985—1988 гг.). А потом ситуация стала быстро ухудшаться. Какая-то часть населения, благодаря антиалкогольным мерам, как бы отсрочила свою смерть. Когда все эти меры были отменены и, наоборот, рынок стал абсолютно доступен, то именно на 1992, 1993, 1994 гг. пришлось как бы двойная доля умирающих. Число людей, относящихся к группам риска, удвоилось, и потому абсолютное число смертей резко выросло. Приплюсовалось.

Значит, принимавшиеся тогда меры все же дали реальный результат?

Очень реальный. Когда вы смотрите на любой график, то видите, что это колебание в показателях смертности — главное, оно есть во всех бывших советских республиках, и не отмечается в соцстранах. Сейчас кривая смертности идет вверх, и нет никаких оснований предполагать, что тенденции будут лучше, чем в 1980 г. Ничего принципиально в этой области не изменилось.

И нет никаких резервов снижения смертности?

Ну, если смогли этого добиться американцы, французы, японцы, почему не могут русские? Вопрос в том, что само по себе ничего не делается. Там были огромные, в течение десятилетий, вложения в здоровье. Я думаю, этого нельзя исключать и у нас. Раньше были только государственные средства, между 1960 и 1990 гг. душевые расходы на здравоохранение выросли в пять раз. А где-нибудь во Франции или Японии — чуть не в сорок. Разница, конечно, существенная, эффект тоже. Наше государство скупое на вложения в здоровье, наверное, и в дальнейшем эта традиция сохранится. Но что-то сдвигается с появлением платной медицины (процесс пока мало изучен, но основываясь на

своих наблюдениях, об этом можно вести речь).

И в то же время, Анатолий Григорьевич, можно ли говорить, что у нас, как у всех, если у них там — культ здоровья, люди стараются его сохранять, продлить жизнь. У нас же, как правило, не привыкли, не умеют да и не хотят себя беречь?

Это так, ценность жизни и здоровья у нас совсем не та. Это тоже историческое и культурное приобретение. Но посмотрите, какой сейчас бум вокруг всяких лекарств, фармацевтической промышленности, аптек и т.д. Все заполнено рекламой. И ведь не случайно — делаются большие деньги, значит и потребители на это откликаются. Другой вопрос, что много шарлатанства, что покупают черт знает что. Я хочу только сказать: в руках потребителей в общем обращаются большие деньги, которые не являются деньгами государственного здравоохранения. Люди готовы вкладывать средства в свое здоровье. Очень важно реально представить, что происходит, где есть ресурсы.

Я, например, считаю, что абсолютно безответственна и стратегически не выверена в этом отношении линия Минздрава. У нас главная причина избыточной смертности не болезни; главное, из-за чего мы так отличаемся от других стран, — смертность от разных видов травматизма. Это и дорожный травматизм, и самоубийства, и убийства, и отравления (алкогольные и неалкогольные), утопления. Минздрав рассматривает себя как «министерство болезней» и считает, что оно как бы не причастно к этим «внешним» причинам. Есть, мол, МВД, ГАИ и т.п. Конечно, это комплексный вопрос, но все-таки Минздрав главный, так сказать, ответственный за здоровье и сохранение жизни населения. Так? Мы знаем, например, какую роль играло аналогичное министерство в США в борьбе с курением. И знаем, что у нас, конечно, пишут на пачках «Минздрав предупреждает», — но дальше этого дело не идет.

Я думаю, есть огромные резервы (в том числе экономические), которые не приведены или неправильно

приведены в действие, потому что многое делается (если делается) спонтанно, неорганизованно. Нет стратегической линии у государства в борьбе за здоровье, за сохранение жизни.

Существуют ресурсы, в том числе связанные с меняющимся поведением людей. У нас уже нет той ситуации, что когда ты заболел, тебе даже лучше: получил больничный, сидишь дома, зарплата идет... Болеть становится опасно, невыгодно. Не только с точки зрения самого здоровья, но и потери экономического результата, работы, карьерного роста и т.д. Не случайно люди — пусть пока те же «новые русские» — начинают заботиться о себе.

Но, конечно, общество в целом должно более четко определиться, понять, какие огромные потери несет ему тот же алкоголизм, к которому добавилась теперь и наркомания. Есть множество рисков, заново созданных. Вот это должно быть в центре или, я бы сказал, одним из центральных пунктов заботы государства. Сейчас все-таки больше думают о другом: чтобы атомные лодки были надежнее, военная мощь наращивалась и т.п. Я как-то прочитал статью, где с радостью сообщалось, что возрождается такое-то военное производство, а то ведь до чего дошли — делали стоматологические комплексы; слава Богу, это позади... Будто стоматологические комплексы нам не нужны.

Ясного осознания всей остроты проблемы здоровья нации, думаю, пока еще нет. Об этом кто-то может выкрикнуть с трибуны. Но отсутствуют должное понимание и ответственность. У нас могут очень много говорить о раке, у нас немало прекрасных научно-исследовательских институтов, хотя наша проблема — не рак: от него смертность ниже, чем в других странах, по разным причинам — отчасти и потому, что от внешних факторов умирают в более молодых возрастах, т.е. люди не доживают до своего рака.

Здесь есть действительно место для реальной политики. Один Минздрав (хотя он и главный) ее не потянет, должна быть структура более высокого уровня — комитет, комиссия, совет, который возглавил бы (символически) сам президент.

Объединить усилия всех, кто имеет отношение к данной проблеме. Мы привыкли: Россия — большая страна, народу много... Сейчас сотрудники нашего Центра пытаются оценить демографические потери России за XX в. вследствие совокупности всех причин. Расхождения в оценках есть даже между нами. Но как ни крути, получается где-то около 100 млн. То есть сейчас в стране могло быть на 100 млн человек больше. И мы их потеряли — за счет погибших, за счет неродившихся и т.д.

Мы переживали в XX в. так называемый демографический переход — определенный период, когда смертность быстро снижается, а рождаемость еще остается высокой, население растет. Через него прошли почти все страны, в том числе европейские (за исключением Франции, где все началось раньше и происходило плавно). У нас ведь даже в 1920—1930-е годы смертность действительно быстро снижалась, особенно детская; рождаемость сохранялась высокой довольно долго, еще и после войны. Но все это было «съедено» огромными потерями в периоды катастрофических подъемов смертности. Если бы не эти подъемы, Россия могла бы получить довольно приличный выигрыш в численности населения. Но уже не поправить положение. Повторить этот этап невозможно. Исторически он пережит. У нас с 1992 г. отрицательный естественный прирост, и даже если рождаемость повысится в полтора раза, даже если смертность станет снижаться, он будет оставаться отрицательным — за счет естественного прироста численность населения увеличиваться не может.

ОГЛЯДЫВАЯСЬ БЕЗ ГНЕВА¹

Общество сегодня не может не волновать демографическая ситуация в стране, что уже становится предметом в том числе и политических спекуляций. Поэтому закономерен интерес, который вызвала только что увидевшая свет в России книга известного французского демографа Алена Блюма «Родиться, жить и умереть в СССР» (М.: Новое издательство, 2005), поскольку истоки настоящего — в прошлом. Автор книги дает анализ динамики демографических показателей российской истории XX в. Известно, что Ален Блум начал работу над книгой 20 лет назад, в 1994 г. впервые опубликовал ее во Франции, и вот только сегодня с книгой могут познакомиться наши читатели. Можно усмотреть здесь скрытый упрек за молчание демографам отечественным, но взгляд «извне», видимо, всегда полезен в поиске ответов на вопросы внутренние?

Двадцать лет назад, займись мы, отечественные демографы, подобным анализом, мало что вышло бы. Попытки, правда, предпринимались, но чаще всего речь шла лишь о догадках. Публиковать, а тем более обсуждать, таковые в открытой печати было немислимо. Однако исследователи работали, и всего лишь несколько лет напряженных трудов с приходом гласности дали возможность воссоздать картину реальную. Картину страшного демографического разорения, которому подверглась Россия в 20 столетии. Есть расчеты: если бы не прямые и косвенные человеческие потери в годы революций, войн, голода, массовых репрессий, население России сегодня могло бы составлять не 146 млн, а на 100—120 млн больше.

Что касается книги Алена Блюма, то ее основные, парадигмальные позиции нам близки. Автор представляет Национальный институт демографических исследований Франции, с которым мы давно работаем в тесном научном контакте.

Ален Блум называет демографическую историю СССР историей катастроф и смертей.

С этим трудно поспорить. Новое тысячелетие Россия встретила с тяжелым демографическим наследием, следы прошлой эпохи тянутся за нами. Эпохи, которая во всех своих проявлениях демонстрировала пренебрежение ценностью человеческой жизни.

Пока эта ценность останется низкой, любая борьба за здоровье или сохранение жизни будет обречена на неуспех. Здесь многое зависит от мотивации и государства, и общества в целом, и отдельных людей. Важно отношение каждого человека к здоровью собственному и своих детей, важно отношение каждого врача к здоровью пациентов и т.д.

Не хотел бы создавать впечатление, что некогда, в России досоветской, все обстояло нормально в плане понимания ценности человеческой жизни. Возможно, в дореволюционном традиционном крестьянском обществе ситуация складывалась еще хуже. Но за последующие десятилетия, почти век, ее необходимо было изменить, хотя бы в результате перемен экономических, роста уровня образования, создания системы здравоохранения. Однако события политические не позволили сделать в этой сфере прорыва. Как и прочие формы модернизации страны, модернизация демографическая оказалась полной противоречий и осталась незавершенной.

Давайте поговорим подробнее о демографической модернизации. Как научный термин это по определению подразумевает процесс позитивный, но он в нашей стране привел к весьма негативным последствиям. Правомочно ли говорить вообще в данном случае о «модернизации»?

Демографическая модернизация как таковая — процесс мировой, цивилизационный, охвативший все страны, включая Россию. Это было ответом на общий мировой кризис традиционных демографических и семейных отношений конца XIX — начала XX в.

Без сомнения, для России это тоже был век

демографической модернизации, утвердившей тип воспроизводства населения, характерный для промышленно развитых стран. К середине 1960-х годов смертность, например, по сравнению с началом столетия резко снизилась, а ожидаемая продолжительность жизни как у мужчин, так и у женщин, выросла более чем в два раза. Это было результатом первого этапа так называемого эпидемиологического перехода, когда успехи — результат определенной стратегии борьбы за здоровье и жизнь человека, основанной на массовых профилактических мероприятиях. Это модель, патерналистская по сути, не требующая активности со стороны самого населения. Что происходит? Болезни острые, имевшие экзогенную природу и поражавшие людей всех возрастов, особенно детей, уступают место патологии хронической, нередко природы эндогенной, или заболеваниям онкологическим. Таковые начинают занимать в структуре причин смерти ведущие места. Наступившая эра антибиотиков позволила победить многие инфекции, включая туберкулез. Все это обеспечило СССР к началу 1960-х годов место в числе трех десятков государств с наиболее низкой смертностью. Отставание от западных стран по продолжительности жизни было минимальным.

Немногим менее полувека спустя мы имеем дело с «долговременным кризисом смертности» (термин из Вашей, Анатолий Григорьевич, с соавтором работы 1997 г.), своеобразной ее структурой по причинам и возрасту; пугающим явлением «сверхсмертности» мужчин и сокращением продолжительности жизни как у мужчин, так и у женщин. Как дошли мы до жизни такой?

Тенденция берет начало с середины 1960-х годов и не меняет своего негативного вектора. В специальной литературе говорить об этом было тогда нельзя, а без выявления и анализа причин ситуации изменить ее невозможно. Второй этап «эпидемиологического перехода» требовал новой стратегии действий, иного типа профилактики, предполагавшего и более активное, сознательное отношение к

своему здоровью со стороны каждого человека. Но ответа на новые требования времени в СССР не было найдено. Экономические и политические реалии в стране не способствовали росту ценности жизни. Общество постоянно находилось в напряжении, мобилизационной готовности. Низкая цена жизни влияла на всю систему общественных приоритетов, где охрана здоровья и жизни занимала далеко не первые места. Оттого при распределении ресурсов здравоохранению доставалось немного, то, что оставалось от милитаризованных отраслей. К концу 1980-х годов стало ясно: это не случайность и не временные эпизоды упадка, а проявления глубокого кризиса системы с ее отсталыми принципами социального взаимодействия. Принципы эти действуют до сих пор.

Приостановка снижения смертности означала для России примерно 14 млн преждевременных смертей за 1966—2000 г. Из них более 5 млн — преждевременные смерти людей до 65 лет, в основном мужчин. Не всякая война может нанести подобный ущерб.

Неблагополучие со смертностью сегодня осознано обществом. Понятно, что поиск причин подобных провалов требует объяснений системных, глубокого критического анализа целей и приоритетов общества и их пересмотра. Акции одноразового порядка (вроде имевшей когда-то место кампании борьбы с пьянством) ничего не дадут, нужна ценностная переориентация всего государственного организма. Куда тратить деньги: на ракеты или здоровье людей? Просто жить человеку становится с каждым годом все опаснее. А наличие ракет и ядерных арсеналов не помогло и государству: оно легко распалось. Возрастает и роль фактора, связанного с социальным поведением по отношению к здоровью.

А что, на Ваги взгляд, требует изменений в управлении здравоохранением? Много говорится (не без оснований, разумеется) о его бедности, недостаточной технической оснащенности и т.п. Но, судя по всему, здесь тоже требуется переориентация как и государственному

организму в целом, о чем шла речь выше?

Кажется, некоторых проблем в руководстве здравоохранением не видят в упор. Когда мы говорим о сверхсмертности или преждевременных смертях молодых мужчин, речь идет и о потере людей здоровых практически. Минздрав же традиционно позиционирует себя как «министерство болезней». Хорошо, что есть несколько современных онкологических центров, идут исследования в области других патологий, но феномен смертности здоровых остается вне зоны внимания. Не видел ни одного исследования на эту тему в медицинской периодике, не слышал ни одного выступления авторитетного ученого-медика с анализом ситуации.

Возможно, стоит подумать о подлинном возрождении направления социальной гигиены, замененного в свое время на организацию здравоохранения. Разумеется, на другом, современном витке спирали. Очевидно, что в нынешнем виде службы охраны здоровья ответить на все современные вызовы не способны. Для этого тоже требуется смена приоритетов и выработка новой стратегической линии, современных мировоззренческих подходов. И проповедники таких подходов тоже нужны.

Другим демографическим вызовом, стоящим перед страной, является низкая рождаемость. Можно ли считать это специфически российским кризисом?

Рождаемость в России падала с конца 1920-х годов и опустилась до низкого уровня (ниже уровня простого замещения поколений) еще в 1964 г. В этом смысле СССР обогнал большинство развитых стран, но они быстро «подтянулись». Сейчас высокая рождаемость наблюдается в ряде развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки, но тенденция ее снижения и там налицо. Так что нет оснований говорить о специфически российском кризисе. Скорее, можно было бы говорить об общем кризисе для всей современной системы постиндустриальной цивилизации. Только кризис ли это? Не правильнее ли называть его пере-

стройкой всего «общественного тела» с переносом акцента с количественных на качественные характеристики социальной жизни? Низкая рождаемость привлекательна для большинства населения и становится все более укорененной в образе жизни и системе ценностей. Можно сказать, что это этап социальной эволюции, который, разумеется, может иметь национальные особенности в разных странах и этносах.

Таким образом, мы видим всемирную тенденцию, которую возможно рассматривать как реакцию на демографический взрыв и связанный с ним рост нагрузки на ресурсы планеты. В этом смысле снижение рождаемости в глобальных масштабах — благо, способное привести к постепенному, без катастроф сокращению мирового населения до размеров, более соответствующих возможностям жизнеобеспечения, которыми располагает планета.

Рождаемость в отличие от смертности — проблема не медицинская, хотя опыт нашего общения с представителями медицины говорит, что они часто выражают тревогу по поводу низкой рождаемости.

Низкая рождаемость при высокой смертности дает тот самый пресловутый демографический крест, о котором много шумели в свое время, особенно в пору шоковой терапии.

Такой крест возникает везде, где рождаемость опускается ниже уровня простого воспроизводства населения. Такова ситуация во всех европейских странах. Не думаю, что снижение рождаемости связано с понижением ценности самого деторождения. Наоборот, ценность эта возрастает, поскольку семья имеет возможность вложить много больше в воспитание одного-двух детей, сохранение их здоровья. В этой ситуации важны предродовая профилактика, грамотное медицинское ведение новорожденных, квалифицированная профессиональная помощь семье. Сейчас нередко слышишь о том, что много патологических беременностей и родов, что дети рождаются уже отягощенными той или иной патологией. Так ли это на самом деле? Настораживает постоянное увеличение статистики всяческих неблагополучий в ро-

довспоможении. Это, кстати, противоречит факту снижения детской смертности.

Перефразируя Алена Блюма, мы поговорили на тему «родиться, жить и умереть», но уже в постсоветской России, насколько позволили скромные рамки газетного интервью. А как живет в этой России наука демографии? Востребовано ли то, чем занимается возглавляемый Вами Центр? Публикации его сотрудников весьма интересны, но, как правило, оказались возможны благодаря международному спонсорству.

Можно говорить о некотором демографическом оживлении, но полного возрождения демографии пока не произошло. Хорошо, что мы получили возможность работать с достоверной информацией. Но есть один парадокс: принимавшему за чистую монету далекие от реального положения дел данные народу было хорошо. Или так ему казалось. Тогда страдали демографы. Теперь демографам лучше, но вот народ под грузом негативной информации приуныл. Многие знания — многие печали. Тем не менее, демографические знания необходимы людям, необходимы они и медикам. Востребованность? Власти, как и раньше, не нужны «опасные» диагнозы. Хотя нельзя сказать, что интереса к нашему предмету нет: случается, приглашают демографов и к президенту страны или в Белый дом. Но что из того следует, — вопрос. И спонсоров отечественных тоже пока не находится.

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДОЗА¹

Демографический кризис, который переживает современная Россия, — продолжение долгосрочного спада, наметившегося еще в советские времена — в середине 1960-х годов. И наиболее очевидное его проявление — рост смертности.

Сейчас возрастная кривая смертности в России совершенно чудовищная. У нас часто повторяют, как попугаи: смертность в России такая, как в Африке. Это, конечно, не так. По детской смертности и Африке, и Азии до нас далеко, ситуация с младенческой смертностью у нас более или менее благополучная, а главное — она все время улучшается. А вот смертность взрослого населения, особенно мужского, в России катастрофическая. Слово катастрофа здесь даже мягкое, потому что вымирает цвет нации. Такой смертности мужчин, как в России, нет ни в какой Африке. Его нет и в постсоветских странах, например на Украине или в Белоруссии, хотя они тоже испытывают серьезный демографический спад, да и экономических и социальных проблем у них не меньше, чем в России.

Причин высокой российской смертности много, но из всех я прежде всего выделил бы пьянство. Это подтвердила, между прочим, перестроечная антиалкогольная кампания. При всей ее непродуманности, она привела к улучшению показателей смертности и, кстати сказать, рождаемости, хоть и ненадолго. На какое-то время алкоголь стал менее доступен, и, прежде чем население сумело адаптироваться к новым условиям — перешло к самогону, суррогатам, — прошло время. И на это время смертность снизилась. Потом водка снова стала доступной, дешевой, и все вернулось на круги своя.

Смерти, как бы отложенные в период снижения смертности во второй половине 1980-х годов, реализовались

¹ Из выступления на «круглом столе» журнала «Большой бизнес» (Большой бизнес, июль/август 2006 г. № 7 (33). С. 44—45).

позднее, в начале 1990-х. Это обусловило резкий всплеск смертности, о котором много тогда говорили, особенно оппозиционные политики. Но эксперты всегда призывали не акцентировать на нем внимание, поскольку гораздо опаснее этого кратковременного всплеска была долговременная негативная тенденция смертности, унаследованная от советского периода. Когда всплеск смертности окончился, она снова вышла на поверхность и сохраняется до сих пор.

Я убежден, что эта беда во многом связана с алкоголем. У нас это иногда оспаривается, говорят, что потребление алкоголя в России не больше, чем в других странах. Если даже это и так, и с точки зрения количества потребляемого алкоголя на душу населения Россия радикально не выбивается из общей картины (впрочем, это еще надо доказать, статистика потребления алкоголя у нас далеко не безупречная), то по структуре потребления ситуация у нас чудовищная.

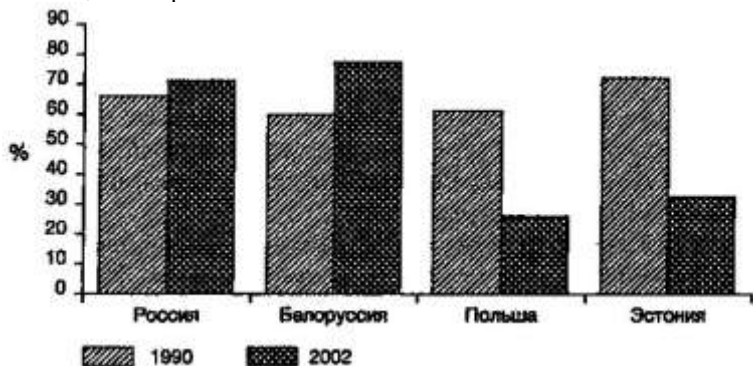
Если взглянуть на такие близкие нам страны, как Польша или Эстония, то мы увидим, что они прямо на наших глазах за последние десять лет кардинально изменили структуру потребления алкоголя, снизив долю крепких напитков. Их вытеснили вино и пиво (рис. 1). Соответственно и изменения продолжительности жизни в них были совсем не такими, как в России или Белоруссии (рис. 2), где крепкие напитки уверенно удерживают первенство в структуре потребления.

Почему это происходит? Я не знаю. Конечно, было бы хорошо, если бы россияне пили поменьше, а то и совсем завязали с этим делом. Но нельзя ставить неразрешимых задач и в одночасье сделать народ непьющим. Горбачев и Лигачев пытались, но ничего из этого не вышло. Значит надо сделать то, что делают все, — сменить структуру алкогольного потребления. И вроде бы все это признают.

Не так давно в России прошла антипивная кампания. Все кричали о вреде этого напитка, а громче всех — главный санитарный врач России. Потом началась антивинная кампания: оказывается, угрозу здоровью россиян несли молдавские и грузинские вина. Это нам снова разъяснил

главный санитарный врач, и ему поверили. Ведь у нас широко известно, как много людей умирает в России от «случайных отравлений алкоголем». И многие думают, что все дело в

Рис. 1. Доля крепких спиртных напитков в потреблении алкоголя, % общего потребления чистого алкоголя.

Источник: WHO European health for all database (HFA-DB) // <http://www.euro.who.int/hfadb>.

Рис. 2. Увеличение (сокращение) ожидаемой продолжительности жизни за 1990—2003 гг., лет

Источник: Recent demographic developments in Europe 2005 / Council of Europe, Strasbourg, 2006. P. 107—108.

некачественном алкоголе, а теперь стало ясно кто его нам подсовывает. Между тем, главная причина отравлений — не низкое качество потребляемых напитков, а передозировка, от которой не спасает и самое высокое качество выпитого. Чтобы достичь смертельно опасной дозы при потреблении вина, надо выпить несколько литров. Водка, даже самая качественная, сильно упрощает дело.

Давно и хорошо известно, что смертность в странах с пивной или винно-пивной культурой потребления значительно ниже. Это не значит, что винное или пивное пьянство не создает своих проблем. Но если пока вырастить полностью непьющие поколения у нас не получается, то из двух зол надо выбирать меньшее. А как это можно сделать, если пиво и вино поставлены в проигрышную позицию? Изъяв из продажи молдавские и грузинские вина, народ снова подтолкнули к дешевой водке, о вреде которой главный санитарный врач пока не распространяется.

Но дело, конечно, не в одном человеке, а в общем отсутствии алкогольной, точнее, антиалкогольной политики. А это, в свою очередь, служит лишь иллюстрацией отсутствия ясных концептуальных представлений о том, как вывести Россию из той многолетней беды, название которой — сверхвысокая смертность.

МИРОВАЯ ДЕРЕВНЯ ЕДЕТ В МИРОВОЙ ГОРОД

«ТИТАНИК» ПОКА ЕЩЕ ПЛЫВЕТ¹

В конце августа в Сальвадоре (Бразилия) прошел Всемирный конгресс по народонаселению. Этот престижный международный форум каждые четыре года анализирует демографические проблемы человечества, пытается прогнозировать их развитие. В последние годы прогнозы неутешительны. О демографической ситуации в России и о том, как она связана с мировыми процессами, с обозревателем «Известий» беседует Анатолий Вишневский. На конгрессе он руководил работой сессии по демографии Центральной и Восточной Европы.

Демографические проблемы в последнее время по-особому волнуют наших политиков и лидеров. Это волнение — в русле общемирового беспокойства или, как многое в нашей жизни, имеет особый характер?

Многие аспекты проблемы, которая вызывает политическое оживление, у нас видятся фрагментарно: что попало на глаза — о том и говорим. А надо бы видеть всю картину в целом. Наши демографические проблемы — частные следствия глобального процесса, так называемого демографического перехода.

В чем его суть?

¹ Интервью обозревателю «Известий» Татьяне Батеневой (Известия, 14 сентября 2001)

В том, что на протяжении XX в. все страны, одна за другой, переходили от прежнего равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости. В странах европейской культуры этот переход шел медленно, и к середине XX в. в них установился баланс. В развивающихся же странах смертность снизилась только во второй половине XX в., внезапно и по причинам внешним для них — благодаря «западным» достижениям медицины и гигиены. К столь же быстрому снижению рождаемости они оказались не готовы. В результате за XX в. население планеты учетверилось и продолжает расти. А это грозит катастрофой всей земной цивилизации.

Катастрофическую точку зрения все же разделяют далеко не все демографы...

В советское время это считалось «мальтузианством», утверждалось, что ресурсы Земли неисчерпаемы. Конечно, если просто помножить посевные площади на урожайность, достигнутую в богатых странах, и поделить на число земель, то, возможно, цифры покажутся достаточными. Но чтобы возделывать эту землю, нужны знания, капиталы, индустрия, вода — и немедленно. Возможен ли рост производства с такой скоростью? И можно ли не видеть, что рост производства сам наталкивается на естественные пределы, ставит под угрозу климатическое равновесие планеты и т.д.?

И сколько же нас, по мнению ученых, может «вынести» Земля?

Сейчас относительно хорошо живет тот самый «золотой миллиард» или полтора — в начале прошлого века таким и было ее население.

Ученые только констатируют перенаселение или знают выход?

Выход из кризиса один: сокращение мирового населения. И дело здесь не в чьих-то мнениях, а в понимании механизмов поведения сложных систем вообще. Представьте, что некое

тело движется в сторону пропасти, отделенной лишь тонким стеклом. Камень пробьет стекло и упадет в пропасть, муха ударится и будет о стекло долго биться... Но человек способен к упреждению событий, его естественной реакцией будет не просто остановиться, но отойти подальше от края. Так ведут себя все сложные системы, в том числе и человечество в целом. Оно, как и отдельный человек, наделено свойством самоорганизации, приспособления поведения к требованиям внешней среды.

И как человечество реагирует на собственный рост?

Есть два способа, которыми система может отреагировать на перенаселение. Первый — рост смертности. И мы это видим: появляются новые, прежде неизвестные болезни (СПИД, коровье бешенство), старые болезни приобретают новые свойства (лекарственно устойчивый туберкулез). Возникают техногенные катастрофы, локальные, а порой и мировые военные угрозы. Но это путь камня, летящего в пропасть. Нормальный путь — отойти от края, т.е. снизить рождаемость, постепенно сокращать население мира. Его сегодня можно представить, как огромную движущуюся колонну людей. Голова колонны подошла к краю пропасти, завернула и уже идет в обратную сторону. А хвост еще продолжает двигаться вперед.

Но внутренний процесс тоже идет: рождаемость сама падает, растет число бездетных и бесплодных?

Демографы чаще всего ищут различные факторы этого снижения: у «них» — потому что безработица, у нас — потому что женщины много работают, в Китае — потому что ее искусственно регулирует правительство и т.д. Но механизмы могут быть разные, а системное требование одно, только оно не осознается. Меня всегда изумляло, почему многие политики, да и демографы тоже, считают, что они знают, сколько нам нужно иметь детей, лучше, чем миллионы женщин, миллионы семей, в которых почему-то рождается только один или двое. В этом часто видят признаки

катастрофы. Но ведь если бы этого не было, то нельзя и рассчитывать на удаление от пропасти.

Значит, повысить рождаемость нереально, повышать смертность — антигуманно, а третьего нам не дано?

Демографы развитых стран — и об этом шла речь на конгрессе — долгие годы надеялись, что рождаемость в них удастся повысить. Нет, она все время снижается. Меняется европейская семья: все больше нерегистрируемых браков, родившихся вне брака детей и т.п. В этом видны черты каких-то очень глубоких перемен. Считать их кризисом европейской цивилизации? Или это ее высокая адаптивность к новым условиям? У меня нет однозначного ответа. Но уйти от катастрофизма, который звучит в речах идеологов и политиков, когда речь заходит о ситуации в России, — точно необходимо.

И все же в России эти процессы происходили несколько иначе, чем в развитых странах: были периоды, когда рождаемость росла.

Периоды подъема рождаемости были и в Европе, но они оказались непродолжительными. В 1980-е годы рождаемость росла и у нас, но демографам было ясно, что подъем временный. На деле оказалось даже хуже: это был искусственный рост, который предвещал обвал.

В результате население развитых стран сокращается...

Население США, Европы, включая Россию, Японии — одним словом, «Севера» — остается в меньшинстве. Возникают новые полюса: мир благополучный, богатый, но с медленно растущим или сокращающимся населением и развивающийся мир, в три-четыре раза превосходящий первый по числу людей. Ему не хватает ничего, в том числе территорий, природных ресурсов и т.д. Это создает почти фатальную необходимость территориального перераспределения. Нарастающая, как снежный ком, проблема миграции — отражение первых признаков

демографического давления «Юга» на «Север». Думаю, что и военные конфликты на их рубежах из того же ряда. Дальновидная политика требует серьезно задуматься над ситуацией.

Существует ли в мире опыт успешного решения этих проблем?

Европейские страны уже приняли довольно много мигрантов. США — вообще страна иммигрантов. Это дело трудное во всех отношениях, но, увы, его нельзя избежать. Консервативная волна, поднимающаяся против притока мигрантов, видит только эти трудности. Но ведь просто вернуться назад уже невозможно. Нельзя восстановить величие той России, в которой в начале века жило 8% мирового населения. Что должны защищать россияне в этом новом мире? Свой фенотип или свою культуру? Во Франции, похоже, нашли компромисс: африканец или араб, родившийся здесь и воспитанный во французской культуре, говорящий по-французски, становится французом. Так это или не так, но это некая данность, принятая обществом.

У нас к миграции отношение гораздо более жесткое.

У нас даже по отношению к русским или русскоговорящим из ближнего зарубежья и то нет особого гостеприимства. Говорят: на их адаптацию и расселение нет средств. Но это говорят те же люди, которые требуют повышения рождаемости. Так ребенка нужно не только родить, но и вырастить, выучить — а тут взрослые люди, готовые работники, потенциальные родители. Это область спекуляций: говорят, что нам надо выправлять демографическую ситуацию, но не хотят принять даже этнически близких мигрантов.

Вам не кажется, что на демографическое будущее и России, и мира слишком пессимистичен?

Скорее реалистичен. Можно, конечно, продолжать думать, что Россия — особенная страна, и у нас все будет

хорошо. Но можно ли быть счастливым в отдельно взятой каюте на корабле, который тонет?

Почему же — некоторое время можно, если не знать, что «Титаник» уже получил пробоину

Один раз мы уже были «счастливы». Но это время прошло. Сегодня альтернативы нет — человечеству придется сокращаться и мигрировать, а нам участвовать и в том, и в другом. Тогда лет через сто-двести все, может быть, и образуется.

«Жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется...»

Так «ни мне, ни тебе» — не главное. Но ведь может статься — вообще никому. Снижение населения отдельно для России плохо, для Испании — плохо, для Германии — плохо. Но для мира в целом хорошо. Нельзя свои эгоистические чувства ставить выше интересов жизни на Земле.

Полагаете, общество в состоянии принять эти противоречивые истины?

Это непросто, но надо попытаться хотя бы начать думать над ними.

КАКОГО ЦВЕТА БУДЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО К КОНЦУ ВЕКА?¹

Позволю себе задать вопрос, который можно считать не вполне политкорректным: какого цвета будет человечество к концу XXI в.? Или, скажем аккуратнее, какой цвет будет в нем преобладать — белый, желтый, черный?

Не белый — это точно. Скорее желто-черный. Сейчас самая большая по населению страна — Китай (1,3 млрд человек, пятая часть населения Земли), через некоторое время ее догонит и обгонит Индия (более 1 млрд), следующий в очереди — целый континент — Африка. Белое же население почти не будет расти, скорее оно начнет сокращаться, его доля в мире уменьшится процентов до десяти.

Я заговорила о цвете, потому что это зримый, наглядный пример. Но раса, конечно же, не главное. Есть опасение, что соответственно изменится и качество жизни. Большинство Ваших коллег не сомневается, что существенно более быстрыми темпами будет расти население в южном полушарии. А это — зона нищеты, низкого образовательного уровня, нестабильности. Не растворится ли в этой массе так называемый «золотой миллиард», определяющий сегодня уровень социального и научно-технического прогресса?

Главная опасность не в том, что изменится цвет, а в том, что могут оказаться подавленными те культурные ценности, которые были выработаны в процессе истории населением европейского происхождения. Говоря о будущем, надо думать не о цвете кожи, а о судьбе культуры, которая представляет собой величайшее достижение истории. Я не хочу сказать, что в этой системе ценностей все идеально: идеала нет нигде. Но современная европейская цивилизация дала миру очень много, и если она уступит, будет оттеснена, то человечество окажется

¹ Интервью корреспонденту журнала «Эхо планеты» Анне Пясецкой (Эхо планеты, 22—28 февраля 2002).

отброшенным назад. Не о сохранении цвета нужно думать, а о сохранении культурных, цивилизационных ценностей.

Удерживать непроницаемую стену между «Севером» и «Югом» невозможно. Но когда эта стена преодолевается мигрантами с юга на север, то надо заботиться о том, чтобы как можно большее их число адаптировалось к культуре тех стран, в которые они приходят. Тем самым будет умножаться число носителей этой культуры, независимо от цвета кожи.

А могут ли выходцы с юга усвоить, скажем так, северную культуру?

Разумеется, да. Но не сразу. И здесь есть проблема количественного соотношения учителей и учеников. В глобальных масштабах баланс на сегодняшний день невыгодный. Тех, кто может передавать эту культуру, мало, а тех, кому ее надо передавать, много. В конкретных европейских странах, принимающих иммигрантов, соотношение, конечно, получше, но слишком сильный напор иммигрантов может привести к тому, что оно станет ухудшаться и там.

Выходец из Афганистана или африканец, приехавший в Европу, может довольно быстро адаптироваться к новой культуре, если он живет в окружении местного населения. А уж его дети, закончившие немецкую или французскую школу, впишутся в европейскую жизнь без больших проблем. Но если прибывающих в страну слишком много и они живут замкнутыми анклавами, мало общаясь с местным населением, интеграция в принимающее их общество замедляется, возникают разного рода напряжения и т.д.

Среди черного населения США много выдающихся людей — писателей, музыкантов, актеров, которые вносят достойный вклад в смешанную культуру. Нужно стремиться к тому, чтобы превратить разнообразие культур не в проблему, а в новое богатство. Но при этом, повторяю, нельзя поступаться фундаментальными ценностями гуманистической европейской культуры нового времени. Французы правы, когда не хотят видеть в стенах государственных школ девочек в парандже.

Как Вы считаете, позволяют ли современные демографические тенденции смотреть в будущее с оптимизмом? Ведь нас ждет мир, который сильно постареет, будет в целом иметь более низкий образовательный и социальный уровень.

Мир в целом постареет не скоро, потому что как раз население развивающихся стран очень молодо. А образовательный уровень в среднем, конечно, на какое-то время понизится — из-за быстрого роста доли менее образованного населения этих стран, и лишь постепенно уровень образования будет повышаться и у них. Но, конечно, самая сложная проблема — это повышение социального статуса большинства населения бедных крестьянских стран. На этом пути очень много препятствий. Молодые поколения в этих странах чувствуют себя обездоленными, они ищут врага, и у них появляется оружие, которое может быть использовано. На этом пытаются и будут пытаться играть циничные люди, рвущиеся к власти, сами, кстати сказать, далеко не бедные и вполне образованные. Вспомните организаторов терактов в США.

Может быть, я драматизирую, заостряю проблему, но не вступаем ли мы в эпоху, когда демографический фактор станет оказывать решающее влияние на процессы, протекающие в мире, в том числе геополитические? Вот пример. Израиль находится на Ближнем Востоке, мягко говоря, не в самом дружественном окружении. Однако он отстоял свое право на существование благодаря внушительному перевесу в военной и научно-технической сфере. Но евреи при существенно более высоком уровне рождаемости арабов имеют все шансы стать меньшинством даже в израильском обществе. Не говоря уж о том, что их в перспективе может просто раздавить окружающий, во многих случаях враждебный, исламский мир.

Это проблема не только евреев. Это проблема всего «Севера», имеющего низкую рождаемость, и его отношений с перенаселенным «Югом». В этом как раз и сказывается роль

демографического фактора. Вследствие демографического взрыва в развивающихся странах изменилось количественное соотношение не только между белыми и небелыми, но и между богатыми и бедными. Растет население бедных стран, затрудняя для них решение массы насущных проблем. Это касается и повышения благосостояния, и уровня образования, и многого другого. Рост населения съедает все ресурсы. Отсюда — насущная необходимость в прекращении этого роста, к чему постепенно и движутся все страны «Юга». В самых разных странах, таких, например, как Китай или Иран, снижается рождаемость. Но на «Юге» в целом это происходит медленно.

В США благодаря огромному притоку иммигрантов представители англоязычной культуры уже через полвека могут стать меньшинством. То есть Америка станет совершенно другой, не такой, какой она виделась отцам-основателям. То же самое может произойти во Франции, многих других западных странах. Насколько реально такое развитие событий?

Вполне реально. США принимают более 800 тыс. человек в год, и там уже сейчас возникает вопрос о том, что носители испаноязычной культуры, начинают теснить англоязычную. Но остановить приток мигрантов, скажем, из Мексики едва ли возможно. Ведь люди, заинтересованные в этой миграции, есть по обе стороны американо-мексиканской границы. Бедные мексиканцы по понятным причинам стремятся в богатую Америку, а богатые американцы получают возможность эксплуатировать на все готовых иммигрантов, использовать их на невыгодных и непрестижных работах и т.д.

Вся эта ситуация несколько напоминает отношения, сложившиеся в советские времена между москвичами и лимитчиками. Что скрывать, столичные жители косовато поглядывали на последних, но не могли без них обойтись. Почти все водители московских автобусов были лимитчиками, москвичи же находили себе работу повыгоднее или

попрестижнее. Такие же механизмы действовали и в Европе. В свое время в период экономического роста там возникла потребность в дешевой малоквалифицированной рабочей силе. И она была покрыта за счет арабов, африканцев, турок. Сейчас французы или немцы ограничивают въезд в страну мигрантов, но поток все равно не уменьшается. Ведь среди тех же африканцев и арабов — масса нелегалов, для которых жизнь в Европе — рай по сравнению с теми местами, откуда они приехали.

Способно ли человечество к саморегуляции? Многие западные эксперты считают, что своего численного пика мировое народонаселение достигнет к 2070 г. — 9 млрд человек. А затем оно сократится до 8,4 млрд. Может, и другие демографические проблемы сами собой рассосутся?

Есть разные цифры: кто-то говорит о 9 млрд, кто-то — об 11 или 12. Это не принципиально, потому что и девять — очень много. Даже то, что есть сейчас — больше 6 млрд на планете, на которой всего сто лет назад жили немногим более 1,5 млрд, — порождает множество проблем. Возможности планеты, ее ресурсы ограничены, и дисбаланс между этими возможностями и ростом населения уже дает о себе знать, как бы подсказывая: рост надо остановить. Но ничто не рассосется самой собой. Есть только два пути, ведущие к прекращению этого процесса. Первый — огромный подъем смертности. И мы видим все новые и новые угрозы, которые могут породить такой подъем. Один СПИД чего стоит! Подсчитано, что он может очень сильно повлиять на рост населения Африки. А есть еще угрозы войн с применением оружия массового уничтожения, искусственно вызванных эпидемий, экологических катастроф и т.д.

Альтернативный путь — снижение рождаемости, о котором я уже говорил. Это тоже способ саморегуляции, но намного более гуманный. Однако и у него есть противники, причем весьма влиятельные, например Ватикан. Рождаемость в мире снижается медленнее, чем хотелось бы.

Поговорим о российских проблемах. Население страны

уменьшается за год в среднем на 700 тыс. человек. Наверное, это демографический рекорд, только с отрицательным знаком. Если не увеличится резко приток иммигрантов, население страны к 2050 г. может сократиться до 85 млн (против нынешних 145). Это будет уже другая страна, в том числе и по национальному составу. Что касается иммигрантов, то средств для их приема у государства, как говорят, нет. Да и общественное мнение настроено по отношению к ним в целом отрицательно. Где выход?

Если не будет притока иммигрантов, то ничего особенного не случится и с национальным составом. Но не думаю, что такого притока удастся избежать. Пойдем ли мы это вовремя или будем до последнего держать границу, как говорили в советские времена, «на замке», пока однажды она внезапно не прорвется? Не нужно думать, что мы самые сильные. Рядом находится густонаселенный Китай, а у нас былинные просторы Сибири практически не заселены. Кто знает, а может быть, когда-нибудь китайцам захочется на нашу территорию?

Россия обладает огромным пространством, поэтому наше весьма немалое население (в Европе оно все еще самое большое) просто растворяется в нем, не насыщая. Отдает ли себе в этом отчет наше общественное мнение? Наша политическая элита? Какой должна быть наша миграционная стратегия, миграционная политика России?

У нас и в самом деле часто говорят, что в стране нет средств на прием мигрантов. Как это понимать? Что значит, нет средств на людей в стране, которая нуждается в людях? Это просто абсурд. Между прочим, нередко те же самые люди, которые возражают против иммиграции, настаивают на необходимости повышать рождаемость. Мне кажется, что ее значительное повышение сейчас мало реально. Но предположим, что я ошибаюсь, а сторонники роста рождаемости правы. Я был бы этому только рад. Однако разве решение демографических проблем России за счет повышения рождаемости не требует средств — и очень больших? Заметьте, это много дороже, чем путь иммиграции, когда в

страну приезжают уже готовые работники и сразу включаются в трудовую деятельность. Их не надо вынашивать, выкармливать, учить. Они куда менее прихотливы, чем мы и наши дети.

Разумеется, приток иммигрантов порождает свои проблемы. Но, может быть, над этими проблемами и надо сейчас подумать? Сколько мигрантов может принять Россия сегодня и сколько завтра? Нужна ли система квот и каких именно — по странам, по возрасту, по профессиям, еще по каким-то признакам? Как ускорить интеграцию вновь прибывающих в российское общество, как избежать межкультурных напряжений? И как, наконец, воспитать самих себя, чтобы мы смотрели в первую очередь не на цвет кожи и разрез глаз, а на какие-то более важные для социальной жизни человеческие качества? Вопросов много, и пора бы над ними задуматься — завтра может быть поздно.

ПРИШЕСТВИЕ ХИДЖАБА В ЕВРОПУ¹

Непредсказуемые угрозы демографического взрыва

Анатолий Григорьевич, демографический взрыв называют величайшим парадоксом новейшей истории. Наиболее опасный вызов, с которым сталкивалось человечество, породил... небывалые успехи медицины XIX—XX вв., казавшиеся беспорнейшим доказательством человеческого прогресса!

Это действительно так. XX в. ознаменовался стремительным снижением смертности и увеличением продолжительности жизни во всем мире. Это и привело к беспрецедентному росту населения планеты.

Демографический рост начался еще в XIX в., сначала только в Европе. Но серьезных нарушений это не вызвало, поскольку был клапан, ослаблявший нарастающее демографическое давление — эмиграция за океан.

Росло население не только Европы, но и основных стран европейской эмиграции в Северной Америке и Океании.

В XX в. демографическое наводнение вышло за пределы Европы и распространилось на весь мир. Постепенно страны неевропейской культуры обогнали по приросту населения старушку Европу. За весь XIX в. число людей на земле увеличилось почти на 70%, тогда как только за первую половину XX в., несмотря на две кровопролитные мировые войны, оно почти удвоилось.

Но подлинно опасный, лавинообразный характер рост населения приобрел лишь со второй половины XX в. Человечеству понадобился 121 год, чтобы вырасти с 1 до 2 млрд. Этот рубеж был достигнут в 1926 г. На «третий миллиард» ушло 34 года — столько людей жило на Земле в 1960-м. Планки 4, 5 и 6-го миллиардов были достигнуты соответственно за 14, 13 и 12 лет. В 1999 г. на Земле жило 6 млрд, а в этом году — 6,5!

Но при этом надо подчеркнуть, что темпы роста мирового населения достигли максимума в 1950—1960-е годы, а за три последние десятилетия XX в. они начали постепенно снижаться, хотя все еще остаются довольно высокими.

Почему пик демографического взрыва пришелся именно на два послевоенных десятилетия?

Здесь и проявилась «вина медицины». Ее успехи уже в XIX в. стали главной причиной роста населения. Но сначала они были доступны в основном европейцам. Вместе с повышением уровня благосостояния, достижения медицины привели к тому, что в Европе одновременно стала снижаться детская смертность и увеличиваться продолжительность жизни.

Во время мировых войн был сделан ряд выдающихся медицинских открытий. Появились антибиотики. Изобрели новые методы прививок и вакцинаций. Вместе с движениями армий антигитлеровской коалиции достижения медицины распространились во многие страны мира.

В результате низкая смертность начала глобализоваться. Итоги ее снижения разительны.

В чем главные опасности демографического взрыва?

Первая, экологическая, связана с усилением антропогенного давления на окружающую среду. Поскольку население мира растет взрывными темпами, рост мирового производства также должен быть взрывоподобным. А эта задача не может быть решена на базе традиционных низкоэффективных методов хозяйствования. Чтобы только прокормить новые миллиарды людей в развивающихся странах, необходим невиданный рост производства продуктов питания. Это требует внедрения сельскохозяйственных технологий, основанных на широком применении машин, удобрений, ирригации. Бурная урбанизация, рождение множества новых городов повышают требования к элементарному качеству жилищ, минимальному уровню бытового и санитарного комфорта, транспортного обслуживания. Везде

становится необходимым крупномасштабное строительство, сооружение дорогостоящих инженерных сетей, создание надежных источников водоснабжения, привлечение новых энергоресурсов. Вся система жизнеобеспечения становится другой.

Развитые страны научились бороться с опасными экологическими последствиями производства и переходят на безвредные технологии. Но их стоимость не по карману странам-беднякам, где сегодня наблюдается самый бурный прирост населения и одновременно производства. В результате идет хищническая вырубка лесов на дрова, из-за чего за последние 40 лет их площадь на душу населения упала на 50%; безудержное расходование, а порой и растраниживание пресной воды для орошения; неслыханное загрязнение атмосферы. И таких опасных примеров десятки!

Я далек от мысли обвинять в покушении на экологию только развивающиеся страны, охваченные демографическим взрывом, но они, безусловно, вносят весомую добавку к тому разорению природных ресурсов планеты, в котором повинны индустриальные экономики. Из-за того, что все новые миллиарды рождающихся землян хотят обеспечить хотя бы для своих детей и внуков ту же «сладкую жизнь», которую имеют развитые страны, и готовы ради этого участвовать в производственном буме, забыв о том, что экологические ресурсы нашей планеты не безграничны, общее будущее человечества становится непредсказуемым.

Не меньшую опасность представляет и напор народов «Юга» на страны «золотого миллиарда», где рождаемость падает, навевая печальные размышления об уходе в небытие старых народов Европы.

Народы мира расселены по планете так, что есть «Север», где живет «золотой миллиард», и «Юг», где людей в 5 раз больше. Бесконечно так продолжаться не может. Человечество многократно перемещалось, густо перемешиваясь, и миграция всегда составляла важнейшую часть истории. Сегодня нам, обитателям «Севера», еще кажется, что мы можем выбирать.

Но уже видно, что волны миграции захлестывают. Арабы наседают на Францию, турки — на Германию, латиноамериканцы — на США.

Кажется, в развитых странах ситуация под контролем. Аборигены стареют за счет все новых успехов медицины и роста благосостояния, и одновременно сокращается их численность, поскольку среднее число рождений на одну женщину в западном мире сегодня составляет в среднем 1,6, т.е. каждая пара супругов, пройдя жизненный путь, оставляет лишь «полтора ребенка».

В целом население стран «золотого миллиарда» медленно, но все же увеличивается за счет притока иммигрантов. Нравится или не нравится это европейцам — уже неважно. Другого выхода просто нет. Если не принимать новоселов с «Юга», население Европы будет быстро сокращаться.

В развитых странах отлично понимают, насколько серьезными проблемами они грузятся, впуская к себе новых иммигрантов, это заставляет предусмотрительных европейцев вкладывать огромные средства и направлять мощнейшие интеллектуальные силы на то, чтобы интегрировать в свой социум пришельцев из бедных стран. Например, в Париже действует Институт арабского мира, мощное культурное и научное учреждение, где собраны интеллектуалы со всего мира, к голосам которых прислушиваются те, кто управляет иммиграционной политикой и Франции, и всего Евросоюза. И сколько бы ни тревожились на Западе по поводу разных конфликтов в отношениях с новыми сожителями, до недавнего времени можно было ждать, что постепенно переселение народов не просто вошло бы в мирное русло, но и принесло бы огромную пользу стареющим народам Европы.

Сбережение генофонда европейцев, за что ратуют тамошние и отечественные националисты, не так важно на фоне задачи сохранения европейской культуры. Араб, воспитанный на французской культуре, впитавший ее и строящий на ее основах все свое поведение, становится таким же гражданином Франции, как ее коренные жители, у

которых, кстати, в результате перемешивания крови средиземноморских народов, едва ли осталось так много галльской крови, как они сами убеждены.

Но грянуло 11 сентября. И самая мудрая фраза по поводу этого события звучит так: «После этого мир стал иным!» Если до теракта в Нью-Йорке предположение, что противоречия между «золотым миллиардом» и остальным человечеством выльются в кровавое противостояние, напоминало скорее журналистскую страшилку, то после 11 сентября оно стало реальной угрозой. У международного терроризма много корней, в том числе и европейских, и русских, и советских. Тем не менее, демографический взрыв сегодня играет роль важнейшего, если не решающего, фактора того, что пожар терроризма охватывает нашу планету. Его пламя — это отражение общемировой ситуации, когда миллиарды людей ощущают себя обездоленными, но уже не слабыми. И атакующие западный мир террористы чувствуют за своей спиной усиливающуюся поддержку великого множества голодных и обездоленных. Короче — напор с Юга.

Есть сходство в ситуациях с социальными противоречиями между богатыми и бедными странами и упомянутыми ранее экологическими проблемами, обусловленными непосильными антропогенными нагрузками, вызванными демографическим взрывом. В обоих случаях по его вине развитие событий стало непредсказуемым.

Хотя западный мир уже в общих чертах научился строить производственную деятельность, сохраняя окружающую среду, существуют миллиарды людей, которым сегодня необходимо, по крайней мере, не умереть с голоду, и экологические последствия их труда им глубоко безразличны.

Хотя между развитыми и развивающимися странами уже начали создаваться мосты взаимодействия и взаимопонимания, о которых еще полвека назад нельзя было и мечтать, но международный терроризм, подогреваемый нищетой и обездоленностью все увеличивающегося человечества, сегодня готов их взорвать.

Значит, апокалиптического сценария не избежать?

Я так не думаю. Уже приносят свои плоды усилия мирового сообщества, к сожалению, пока не единомышленные, нацеленные непосредственно на первоисточник катастрофы, т.е. имеющие целью прекращение самого демографического взрыва за счет снижения рождаемости ниже уровня простого воспроизводства населения.

Главный способ борьбы с демографическим взрывом — подчеркну, что он социальный, а не технологический (появление современной контрацепции было лишь ответом на социальный запрос) — придумали европейцы — энтузиасты общественного движения, которые называли себя неомальтузианцами.

Этот способ — регулирование рождаемости в браке — внедрялся в западном обществе почти весь XIX и начало XX в. Это происходило так долго и трудно, потому что и задача была архисложная. Нужно было изменить складывающиеся тысячелетиями и абсолютно правильные с точки зрения существовавшей испокон веков высокой смертности моральные, религиозные, культурные установки, ориентирующие семью на высокую рождаемость.

Когда в Европе, наконец, удалось опровергнуть в массовом сознании подобные установки, это стало важнейшей социальной новацией последних веков. Лозунг «Рожайте как можно больше, а дальше — это уже дело не ваше, а Господа!» был заменен на другой: «Рожайте столько детей, скольким вы и общество, к которому вы принадлежите, сможете обеспечить достойную жизнь!»

Медленно, с трудом, но уже безостановочно этот лозунг проникает в сознание и распространяется по планете. Проложив некогда путь к низкой смертности, западные страны сегодня указывают и путь к низкой рождаемости.

Пока население Земли продолжает расти. И, в частности, из-за тех непредсказуемых угроз демографического взрыва, о которых я рассказывал, никто не может предсказать, чем он закончится и сократится ли когда-нибудь число людей, скажем, до той численности, которая была перед началом демографического взрыва — для этого на довольно долгое

время рождаемость во всех странах должна опуститься ниже уровня простого замещения поколений.

Если бы это действительно случилось, не сопровождаясь крупными войнами и социальными конфликтами, и при этом наука и производство сохранили нынешние высочайшие темпы развития, то XXI в. мог бы стать воистину золотым для человечества.

А вдруг это сбудется?

Мне что-то не верится, что до золотого века человечества рукой подать. Будет долгое и трудное залечивание последствий великого демографического взрыва, а дальше... в жизни человечества возникнут новые, невообразимые сегодняшнему поколению проблемы, и придется заниматься ими.

С РАСКОСЫМИ ГЛАЗАМИ¹

Среди множества проблем с которыми Россия сталкивается в XXI в., есть одна, для решения которой времени почти не осталось. Анатолий Вишневский в этом убежден. Логика его рассуждений такова: экономика — дело наживное, удвоим мы ВВП за десять лет или за пятнадцать — не так важно. Но, по прогнозам, к 2050 г. население России сократится на треть. Для страны, имеющей самую большую в мире территорию, да еще при нынешней демографической ситуации в мире, это более чем серьезно.

Согласно расхожему мнению, до вымирания нашу страну довели реформаторы первой волны во главе с Борисом Ельциным.

Сокращение численности населения действительно началось в 1992 г., но тенденция сложилась еще в середине шестидесятых. Да и до той поры ситуация была не блестящая: десять послевоенных лет ушло на восстановление довоенной численности. Потом прирост был еще приличный, но уже не тот, что прежде. Реально же рождаемость рухнула еще в 1930-годы, но, поскольку некогда в России она была очень высокой, до середины 1960-х годов она оставалась выше, чем на Западе, где процесс начался намного раньше.

Главный фактор сокращения рождаемости, конечно, — урбанизация. У нас приток в города начался позже, но шел форсированно: за короткий срок переселились десятки миллионов людей. Жили в бараках, в переполненных коммуналках, все было не только быстрее, но и грубее, чем на Западе. Добавьте сюда репрессии, раскулачивание, голод, войну — все это как утюгом прошло по европейской части страны. Традиционная крестьянская жизнь была разрушена быстро. При этом в СССР складывался принципиально тот же тип жизни, что и в Европе: образование — всеобщее, в том

¹ Интервью обозревателю журнала «Эксперт» Наталье Архангельской (Эксперт, 14–20 марта 2005. №10)

числе и женское, участие женщин в производстве даже более активное, чем на Западе. В результате уже в середине 1960-х годов рождаемость опустилась ниже уровня простого воспроизводства — 2,2 ребенка на одну женщину. Согласно итогам переписи 1959 г. (первой после войны), еще оставался контингент женщин, занятых только домашним хозяйством и детьми, но дальше он практически сошел на нет. При этом надо учесть, что горожанин в первом поколении сохраняет крестьянский менталитет, который частично уходит во втором, но главным образом в третьем поколении.

Сегодня у нас на селе рождаемость по-прежнему выше, чем в городе?

Не намного. Села часто находятся в зоне влияния больших городов. Сознание крестьян тоже отчасти урбанизировано. И все это общемировые закономерности. А если говорить о национальных особенностях, то с середины 1960-х годов не только рождаемость подошла к критическому порогу, но и, в отличие от Запада, перестала снижаться смертность. Борьба с ней везде ведется в два этапа. На первом — патерналистском — искореняются болезни, которые можно одолеть прививками. Массовая вакцинация не требует от людей активности, надо лишь, чтобы они ей не противились. И этот этап Россия преодолела. Но на втором вперед выходят факторы, зависящие от нашего индивидуального поведения. И тут мы споткнулись. Против пьянства, лихачества за рулем, неправильного питания прививки бессильны. Добавьте сюда нищее здравоохранение и традиционно невысокую ценность человеческой жизни в России. Да и по количеству самоубийств мы тоже в числе лидеров.

В России это четвертая по значимости причина смертности. Но абсолютное первенство здесь держит, вроде бы, Венгрия.

Венгрия, Финляндия, Литва, наша Удмуртия. В основном это народы финно-угорской языковой группы — к слову сказать, любопытный феномен, который трудно объяснить.

Далее: от инфарктов у нас умирают более молодыми, чем на Западе. И наше пьянство тоже не случайность. Это реакция в том числе и на незавершенную урбанизацию. Московская интеллигенция меньше пьет и меньше умирает, но чем дальше от центра, тем отчетливее проявляется социальная полунеприиспособленность — уже не крестьяне, но еще и не горожане. Городские окраины, пригороды, да и многие областные центры — это все не вполне города. И в смысле инфраструктуры, и в смысле культурной жизни. Их население и становится жертвой ранней смертности.

А может, все дело в уровне жизни?

Лишь отчасти. Ведь если люди маргинальной культуры становятся богатыми, они отнюдь не начинают заботиться о здоровье, а напротив, начинают неумеренно есть, пить и предаваться прочим злоупотреблениям. Хотя, конечно, низкий достаток усугубляет социальную неприиспособленность. Но в принципе из-за быстрой урбанизации новоиспеченные горожане не успели стать средним классом, который на Западе формировался под влиянием многовекового участия в экономическом процессе — со своими деньгами и собственностью.

Мы фактически перепрыгнули стадию капитализма...

Такие прыжки удаются лишь впервые, а потом десятилетия уходят на ликвидацию оставшихся заусенцев и шрамов. Жестокость социальных катаклизмов XX в. в России сильно повлияла на экзистенциальные ценности, от которых зависит демографическое поведение людей, — жизнь, смерть, любовь, брак. Отсюда и наши показатели смертности, по которым мы сильно опережаем Запад.

Но если падает рождаемость, а смертность отодвигается на более поздний возраст, то нагрузка пенсионеров на активное население увеличивается?

Ее в значительной степени компенсирует сокращение рождаемости. Ведь активное население содержит не только

пенсионеров, но и детей, и неизвестно, какой пресс тяжелее. Пожалуй, второй, потому что у детей больше запросы. Так что низкая рождаемость тоже имеет свои хорошие стороны: с экономической точки зрения у нас сегодня ситуация очень выгодная — меньше семисот иждивенцев на тысячу работающих. Это лучшая пропорция за последние пятьдесят лет. Для сравнения: есть страны, где она составляет тысячу пятьсот на тысячу. Но через два года эту фору мы начнем терять, и надо как-то перераспределять совокупные доходы, которые тратятся на детей и стариков, — в пользу последних. Как это сделать, никто не знает, потому что пенсию платит государство, а детей в основном содержат родители.

В одной из Ваших работ я прочитала, что идеология и политэкономия старения населения не выработаны нигде. И там же было сказано, что этот процесс несет целый букет специфических проблем.

Речь идет об ослаблении притока молодежи и естественного напора поколений, о замедлении обновления знаний и идей, опасности геронтократии. Есть страны, где довольно жесткий возрастной лимит, скажем, на работу в структурах госвласти. Мы же, наоборот, говорим о повышении пенсионного возраста. Но много ли выиграет экономика, если в составе трудовых ресурсов резко вырастет доля носителей позавчерашних знаний и представлений?

В любом случае проблему депопуляции ростом продолжительности жизни не решишь. Есть ли вообще способы ее остановить?

На нашем сайте мы установили постоянный счетчик, который указывает: сегодня количество россиян уменьшилось на столько-то. В борьбе с депопуляцией теоретически есть два пути — повышение рождаемости и снижение смертности. Первый путь кажется предпочтительным, но он, увы, тупиковый. Немного ее поднять можно, но до нужного уровня — вряд ли, о чем свидетельствует мировой опыт. Это удел всех стран с высоким образовательным уровнем. В Европе

рождаемость повсеместно ниже уровня простого воспроизводства. Конечно, нужно использовать все возможности, но даже если мы повысим рождаемость до лучшего европейского уровня (1,8—1,9 рождения на одну женщину), то все равно этого мало для стабилизации численности населения России. Не говоря уж о росте.

То есть выхода нет?

Остается только приток населения извне. И здесь важно понять мировые тенденции. Есть теряющий население «Север» и есть уже перенаселенный «Юг», где количество жителей продолжает интенсивно расти. Если сравнить поколения до двадцати лет, то на одного, условно говоря, «северянина» придется семь «южан». А мировую систему можно сравнить с системой сообщающихся сосудов: и если здесь вакуум, который втягивает, а оттуда мощный напор, то население будет перетекать сюда. Это новая ситуация: демографический взрыв в развивающихся странах — итог последних пятидесяти лет.

Запад его и спровоцировал — из гуманных побуждений.

Дело не в гуманизме, а в эффекте глобализации. Под влиянием Запада успешно прошел первый — эпидемиологический — этап борьбы со смертностью, особенно детской. В Африке, может быть, в меньшей степени, а в Азии и Латинской Америке — вполне. Это ведь несложно: родовспоможение плюс прививки — и шансы выжить у ребенка резко повышаются. А у каждой женщины — пять-шесть детей. Когда процесс только начинался, демографы размышляли, к чему это может привести, поскольку впервые в человеческой истории ситуация выходит из-под контроля: рост населения почти в четыре раза за сто лет! Серьезность положения политики пока не осознали.

А откуда же тогда легенда о СПИДе, вирус которого якобы был выращен в западных лабораториях специально для того, чтобы проредить население «третьего мира»?

Это легенда. Я бы здесь говорил о другом — о системной реакции всего мирового организма. В популяциях животных бывает, что, если чрезмерно возрастает их численность, природа сама регулирует ситуацию: начинаются эпизоотии, дельфины выбрасываются на берег и т.д. Я не исключаю, что нечто подобное может произойти и с человеческой популяцией. Специалисты обсуждали разные варианты, включая и ядерную войну, которая может быть вызвана агрессивностью бедной массы, не умеющей пользоваться оружием. Цивилизованное снижение рождаемости — это гуманная альтернатива возможным неконтролируемым процессам. Кстати, в СССР этот вывод всегда порицался как мальтузианский. И теперь мы получили перенаселенный Китай под боком.

В Китае рождаемость все же падает.

В принципе она падает в мировом масштабе, и, по прогнозам, лет через пятьдесят демографический взрыв закончится. Однако эти годы надо еще прожить, не говоря уж о том, что за это время население Земли прирастет еще на 2—3 млрд минимум. Я не исключаю, что существует некая связь между низкой рождаемостью в развитых странах и глобальной проблемой ее снижения. Перед человечеством в целом задача стоит именно так, и похоже, что система саморегулируется, хотя и не там, где нам казалось бы правильным. Развитые страны научились снижать у себя смертность, и теперь они же отработывают на себе алгоритм снижения рождаемости.

То есть человеческая цивилизация в целом демонстрирует способности к выживанию?

Да, и здесь, возможно, кроется объяснение того, что стимулировать рождаемость пока никому не удалось: это противоречило бы интересам системы в целом. С точки зрения этих интересов, вполне логичным кажется и перераспределение ресурсов. Мы ведь всегда призывали богатые страны делиться с бедными капиталом. Но сегодня мы в каком-то смысле богаче всех — территорией,

ископаемыми, пресной водой, и кому-то может прийти в голову предложить нам поделиться.

Этот тезис мало кому понравится в России.

Надо смотреть на вещи трезво. Нынешние границы, мировой порядок, международное право — все это приспособлено к другой ситуации, которой больше нет. И рассчитывать на незыблемость привычных основ наивно. Гитлер вел войну под лозунгом расширения жизненного пространства для германской нации. Сейчас территориальные претензии — пока сдержанно — предъявляют нам китайцы. А многие территории наши освоены довольно слабо, и население сокращается. Миграция — это цивилизованный способ перераспределения богатства, притом взаимовыгодный. В каком-то смысле это своего рода неокOLONиализм: вы эксплуатируете жителей колоний на своей территории, как ни цинично это звучит. Иммигрантов ведь используют на самых дешевых и непрестижных работах, предприниматели наживаются, но богатеет и страна. А со временем иммигранты могут стать полноправными россиянами.

Но их количество, постоянно возрастая, способно изменить облик страны-реципиента. В США к 2050 г. большинство населения будут составлять выходцы из Латинской Америки. Американцев эта перспектива беспокоит: ей посвящена последняя книга Хантингтона. Нас ждет то же самое.

Согласен. Но в США только за прошлый год население выросло на 3 млн человек. А количество россиян каждый год сокращается чуть не на миллион. Что лучше? Да, Россия будет другой, а что, сегодня она та же, что и в 1900 г.? А разве екатерининская Россия была похожа на петровскую, а тем более на допетровскую?

Все-таки этнический состав так не менялся.

Менялся по мере того, как присоединялись новые

территории. В СССР накануне распада русские составляли только половину населения страны, и это никого не волновало. Россия — часть мира, а его этнический состав сейчас стремительно меняется. Китайцев всегда было много, но могли ли мы думать, что по численности населения нас вскоре обгонят африканские страны?

Согласно недавнему соцопросу, лозунг «Россия — для русских» поддерживает более половины населения.

Я далек от того, чтобы оспаривать опасности, которые сопряжены с массовой иммиграцией, но любая оборона должна быть глубоко эшелонированной. Надо не просто впустить мигранта, чтобы он, немного поработав у нас, уехал с мыслью, что в следующий раз лучше поехать в Португалию. Нужно открыть перед ним перспективы вживания в российскую среду вплоть до получения гражданства. Я хорошо знаю Францию, вижу, как там на глазах растет количество иммигрантов, и меня это не радует. Но принять это как данность необходимо хотя бы для того, чтобы избежать ошибок, допущенных Западом, где иммигранты, по существу, оттеснены в своеобразные гетто на окраинах городов и варятся там в собственном соку. России нужны не чайнатауны или африканские деревни, а настоящая машина по адаптации мигрантов.

Есть какие-то методики?

Когда в СССР происходила массовая миграция крестьян в города, это, по сути, были те же африканцы. Да, язык был один, народ был один, но сталкивались очень разные культуры. Существовала система «переваривания»: ликбезы, рабфаки, культивирование тяги к образованию. Оно не всегда было хорошим, но оно было массовым и худо-бедно работало, позволив многим выходцам из деревни овладеть городской культурой. Власти осознавали необходимость такой работы и выделяли средства. Учителя были энтузиастами, ощущали себя миссионерами, несущими культуру в массы, их труд не был рутинным. Если бы нам удалось вновь создать нечто

подобное по отношению к мигрантам, результат был бы. Но спроса на него нет. А между тем промедление смерти подобно: чем больше население страны, тем больше мигрантов оно может переварить. Сейчас у нас 143 млн населения, а когда мы, наконец, поймем, что нужно делать, его может оказаться всего 100 млн. Кроме того, приток мигрантов — это омоложение населения. Едут люди в активном возрасте — их не надо растить, лечить и учить. Да, мигрант хуже образован и обременен грузом чужой культуры. Надо думать и все считать. Может, для каких-то стран следует закрыть двери, а для других — наоборот. Никто не пускает к себе всех подряд, но выбирать приходится из того, что есть. Сегодня политика привлечения мигрантов не может быть популярной, нужна политическая воля. Однако пора понять, что это — меньшее из зол, альтернативой которому является угасание страны.

ПАШУЩИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ¹

Современный город не может существовать без притока людей из деревень, сел и аулов

Публицисты гневаются: с начала девяностых, когда пришли к власти демократы, население России начало уменьшаться. Типа, довели страну сплошной несправедливостью, разворовали — вот народ от огорчения и стал вымирать... Врут?

Говорят неправду. Россия действительно теряет около миллиона человек в год. Но эта тенденция возникла в стране задолго до перестройки и никакого отношения к демократии и Ельцину не имеет...

Падение рождаемости в России началось еще в XIX в. и сильно ускорило с конца 1920-х годов XX в., когда началась форсированная индустриализация и урбанизация. Рождаемость просто рухнула — и это всемирная и неизбежная тенденция, проистекающая из урбанизации.

Крупные европейские города давно себя не воспроизводят — Париж, Лондон, Вена уже пару-тройку сотен лет растут только за счет притока населения. Раньше — за счет крестьян, теперь — за счет иммигрантов. Потому что горожанин — это качественно иное состояние, нежели крестьянин. Другие образ жизни, культура, образование, ментальность. Другая планета!

Я слышал версию, что горожане перестали размножаться, когда начали платить пенсию: отпала нужда в многочисленных кормильцах на старости лет.

Нет, пенсию начали позже платить, где-то с Бисмарка, а рождаемость стала сокращаться раньше. Снижению

¹ Из интервью журналисту Александру Никонову (новая газета, 23 января 2006).

рождаемости весьма способствовали успехи медицины и гигиены: снизилась смертность, не нужно стало столько детей — раньше-то их с запасом рожали, зная, что половина все равно умрет. Но человеческая психология всегда меняется медленнее технологий. Из-за этого и случился тот самый знаменитый демографический взрыв в развивающихся странах. Смертность в них быстро снизилась, а рождаемость еще какое-то время оставалась высокой. В итоге с начала XX в. население мира увеличилось в четыре раза.

В наши дни низкая смертность распространяется по земному шару быстрее, чем идет процесс урбанизации, ведь легче переносить лекарства или навыки элементарной гигиены, чем заводы и города. В результате возникли перенаселенные страны типа Китая, Индии, государств Латинской Америки. То есть мир оказался расколот на две половинки: развитые индустриальные страны с недостатком населения и слабо развитые крестьянские страны — с его избытком... Впрочем, и в перенаселенных странах уже снижается рождаемость, сейчас в мире перейден важный рубеж — больше половины населения планеты уже не воспроизводит себя. Китай дотянет свое население до 1,5 млрд примерно к 2035 г. и на этом остановится. Индия обгонит Китай по населению и лет 10—15 спустя тоже стабилизируется. Затем стабилизируется весь мир. После чего население на планете начнет сокращаться и, может быть, когда-нибудь достигнет 2—2,5 млрд человек.

Но это — дело будущего, а пока для мира проблема состоит все-таки не в низкой, а в высокой рождаемости. В «третьем мире» стало так много народу, что они уже не могут, даже если бы и хотели, жить традиционным образом — пасти коз, пахать землю. Так можно было жить только тогда, когда соотношение людей и экосистем было постоянным — при старых методах агрикультуры урожая хватало всем. А нынешнюю ораву старыми технологиями не прокормить: для этого нужны трактора и химические удобрения, а это значит — нефтяная промышленность, химическая промышленность, металлургия, грузовики и дороги, развитая система

образования для подготовки специалистов, наука. В общем, нужна цивилизация! Нужна индустриализация, которая предполагает урбанизацию и соответственно появление другого типа человека — горожанина...

Вот и получается, что необходимо развитие «третьего мира» по западному образцу. И не потому, что западная цивилизация себя всем агрессивно навязывает, а просто потому, что это единственно возможный способ выжить.

Кристаллизация нового урбанизированного образа жизни захватывает всю планету; и это объективный процесс...

...не зависящий ни от чьей воли! Сейчас, по сути, весь «Север» планеты уже превратился в один большой город. А город функционирует следующим образом: качественное население для интеллектуальной работы он воспроизводит сам, а для черного и промышленного труда набирает людей со стороны: сначала вбирая свою собственную деревню, потом деревню «третьего мира» — гастарбайтеров. А те, в свою очередь, становясь горожанами, свысока посматривают на оставшуюся деревню.

То есть городские ценности — образование, карьера, чистая работа. А на заводах пусть вкалывают деревня, лимита, вьетнамцы, турки... Получается, что город не может существовать без людей со стороны?

Конечно. Поэтому те, кто требует выместить «иногородцев» из города, просто идиоты, которые не понимают, как работает современная социальная система. При этом нужно отдавать себе отчет в том, что процесс перетока мигрантов из слаборазвитых стран в цивилизованные не так уж и безопасен. Как не был безопасным приток в города своих собственных крестьян. И особенно он был небезопасным в России, потому что происходил фантастически быстро: за два-три десятилетия десятки миллионов людей перекочевали из села в город, что создало страшную пороховую бочку «недоадаптации»!

У нас как-то не принято придавать значение тому огромному внутрикультурному конфликту, который создал в

стране гигантские слои маргиналов. Полстраны, по сути, было маргинализировано! Ведь нужно было переварить, «переработать» крестьянскую массу, хлынувшую в города, а «пропускная способность» тогдашних российских городов была невелика. Доля городского населения в России до революции составляла всего 15%. А вокруг — океан деревни. В XX в. в России и без того слабая городская культура оказалась размыта сильным напором культуры традиционной, сельской. Возможно, поэтому модернизация в России, хотя и шла интенсивно, но осталась до сих пор незавершенной. Мы только в конце 1960-х годов перешли знаменательный рубеж — больше половины людей стали рождаться в городах. Большинство горожан тогда были уроженцами деревни. В моем детстве в детском саду практически у каждого ребенка была бабушка в деревне. Деревенская по духу страна!

До сих пор даже в Москве еще многие сидят у подъезда и шелуху от семечек плюют, как на завалинке.

Это лишь одно из внешних проявлений негородского поведения. В деревне, где кругом земля, можно плевать семечки — лишнее удобрение не помешает. И мусора в траве никто не заметит. А в городе эта шелуха — лишние муниципальные расходы на уборку. Да и заметно очень.

Ну хорошо. А что будет, когда население земного шара наконец стабилизируется, все превратятся в цивилизованных горожан, и городу-молоху некого станет «пожирать», чтобы обеспечить чернорабочими свое функционирование? И когда, кстати, это произойдет?

Прикинем. «Элементарная единица изменчивости» в процессе урбанизации — это поколение. Приехавший из деревни в город человек так и останется по ментальности, по духу деревенским. Частично он эту деревенщину передаст детям. Настоящими горожанами люди становятся в третьем-четвертом поколениях. Несколько поколений на это потребуется. Ну а несколько поколений в мировых масштабах, чтобы и Африка в это втянулась, — это лет 200—300. Вот

столько и уйдет на окончательное завершение процесса глобальной урбанизации.

Ну а дальше-то что будет, когда закончится человеческий ресурс?

Вы правильно сказали — ресурс. Главный ресурс этого и будущего веков — не нефть и даже не вода, о дефицитности которой столько говорят, главный ресурс — люди. Где-то они еще в избытке, а где-то их уже не хватает. За них и нужно бороться. Московский князь Иван Калита прославился тем, что собирал земли, а сегодняшним Калитой будет тот правитель, который станет собирать людей. И надо спешить, пока другие не забрали. У России сегодня уникальная возможность — мы окружены людским ресурсом, который еще говорит по-русски и имеет неплохой уровень образования и нашу ментальность. Нам легче встраивать их в свою жизнь, чем немцам турков или французам арабов. Пока эти люди еще есть. И нужно торопиться забирать их себе, поскольку их дети уже не будут говорить по-русски.

Вы так и не ответили, как будут жить города, когда крестьянский ресурс «третьего мира» будет выбран.

Отвечаю... Зачем думать о том, что произойдет через 300 лет? Какой в этом смысл? Тогда будут совсем другая цивилизация, совсем другие люди, другие технологии. В частности, технологии генной инженерии или робототехники, которые, вполне возможно, смогут дать ответ. Когда люди пробуют решать проблемы за потомков, они попадают в смешное положение. Например, в XIX в. всерьез ломали голову, как же города будущего станут бороться с конским навозом — классический пример линейной экстраполяции, не учитывающий новых технологий.

Хорошо, вернемся в день сегодняшний, а о будущем пусть позаботятся потомки... Нам, как я понимаю, нужно благополучно проскочить опасный период в 200 лет. Не затопит ли нашу цивилизацию океан варварства из «третьего мира»? Не наступят ли новые Средние века?

Могут и наступить. С точки зрения демографа, международный терроризм, например, вполне ожидаемое событие. Это прямое следствие того урбанизационного насоса, который закачивает «варварское», деревенское население в незнакомый город, меняет и корежит его мировоззрение, традиционную мораль, вызывает отторжение, неприятие незнакомого уклада жизни, кажущегося человеку с сельской ментальностью «аморальным». Таджики, приезжающие в Москву, или арабы, приезжающие в Париж, — это выходцы из бедных крестьянских обществ, уровень их образования невысок, городскую культуру они не знают и не понимают. Это чревато многими недоразумениями и конфликтами — понятными, предсказуемыми и поддающимися профилактике. Гораздо менее понятна реакция принимающих обществ. И даже не на уровне бритоголовых, а на уровне недалеко ушедших от них спесивых интеллектуалов, рассуждающих о «конflikте цивилизаций». Это не цивилизационный конфликт! Это конфликт Глобального Города и Глобальной Деревни, сегодняшнего и вчерашнего дня.

Знаете, я тоже всегда считал эти теории о конфликте цивилизаций надуманными рассказами. Дело ведь не в том, что у приезжих иная вера. А в том, что они мочатся в подъездах, жгут костры на лестничных клетках, как марокканцы в Париже.

В любом случае задача современного города заключается в том, чтобы переработать, цивилизовать эти не привыкшие к городским подъездам массы. И тогда будет совершенно не важно, какому Богу они станут поклоняться в третьем-четвертом поколении.

А как повысить пропускную способность цивилизационного котла, чтобы не захлебнуться?

Когда шла урбанизация в СССР, предусматривались разные меры — начиная от примитивных ликбезов, пропаганды элементарных культурных образцов...

«Мойте руки перед едой»?

И это тоже. Лет двадцать назад в Хиве, например, я еще видел такие плакаты — значит, были актуальны. Конечно, все это стоит денег, но придется потратиться. Иначе все действительно может закончиться новым Средневековьем.

Значит, с Китаем нужно торговать, потому что у них есть самый дефицитный ресурс XXI в. — люди. Мы будем импортировать из Китая «заготовки» — слегка огорожаненных людей, в обмен поставляя нефть и воду, которых у нас полно.

С Китаем нужно дружить. Но мы с Китаем уже дружили, а потом поссорились, потом опять подружились, и что будет завтра — никто не знает. А если там произойдут какие-то события, возникнет хаос, кому-то понадобится небольшая победоносная война? Оттяпать небольшой кусок от России — милое дело.

Да, есть мысль запускать китайцев на Дальний Восток. Но русские оттуда уже сейчас едут в европейскую часть России. Кто же там будет, по вашей схеме, «доцивилизовывать» китайцев? Это возможно только в Европе, где есть для этого «перерабатывающие мощности» — города и люди. А в Сибири, на Дальнем Востоке этого делать просто некому — там китайцы так и останутся китайцами. И значит, Сибирь и Дальний Восток станут китайскими!.. А сибиряков важно всеми силами удержать на месте. Удержим их — удержим Сибирь и Дальний Восток.

Опасность миграционной волны состоит в том, что при определенных условиях мигранты коагулируют в национальные гетто, в которых ищут взаимной поддержки. Например, на основе этнической или религиозной солидарности. Но эти условия создают сами принимающие общества, если они не готовы рассматривать вновь прибывших как своих, как равных себе. Ощущая себя людьми второго сорта, иммигранты неизбежно сплачиваются на какой-то основе, которая позволяет им противостоять негостеприимному большинству. Отсюда уже недалеко и до

серьезных конфликтов. Значит, нужно исключить саму потребность в таком сплочении, а это забота в первую очередь принимающих обществ.

Кому-то эта идея может не понравиться: почему это «мы» должны приспосабливаться к «ним»? Я бы не хотел морализировать по этому поводу, вспоминать о бывшей «дружбе народов» и т.п. Скажу жестче: ситуация в мире за последние полвека слишком сильно изменилась — так, как было, уже не будет. Придется приспосабливаться.

Но как?

Ассимилировать. Может быть, первому поколению иммигрантов будет сложновато полностью интегрироваться в российский социум, как сложно бывает стать полноценными горожанами вчерашним сельским жителям. Но второе поколение уже не знает этих проблем. Дети иммигрантов идут в обычные русские школы, где изучают русский язык, русскую культуру, российскую историю, сидят за одной партой с нашими детьми и выходят оттуда неотличимыми от них российскими гражданами. В общих интересах нельзя допускать никаких проявлений национальной или религиозной спеси, подчеркивания своей особенности — культуры или религии. В городе ты прежде всего — гражданин, человек, а уж во вторую очередь русский, татарин, мусульманин, христианин...

Посмотрите, коренные москвичи — татары, кавказцы, азиаты, русские — ничем не отличаются друг от друга. Они все как один утром ходят на работу в офис, ездят на купленных в кредит автомобилях и здороваются по утрам с соседом на лестничной клетке. Более того, как демограф, изучающий такие вещи, как брак, семья, рождаемость, я могу утверждать, что средний москвич — русского ли, кавказского ли происхождения — мало отличается от среднего жителя Парижа, Нью-Йорка или Токио. Пока такого человека не спросишь о вере, не узнаешь, мусульманин ли он, христианин или атеист. Вера в современном европейском городе — дело сугубо личное... Современное общество принципиально

светское, и иным городское общество быть не может. Религиозной может быть только деревня.

Когда начинается подчеркивание национальных или конфессиональных различий — ищи политику. Не спору, такая политика может принести скорые электоральные дивиденды и прочие вполне земные выгоды. Но в долговременном плане она разрушительна. Заигрывать с этническим или религиозным сознанием, пытаться строить на религиозных верованиях национальную идеологию, как это порой пытаются делать и у нас, значит вести страну к распаду.

Об этом должны думать, мне кажется, не только светские политики, но и религиозные деятели. Церкви тоже непросто вписаться в совершенно новую для нас всех ситуацию, принять необратимые изменения. Сейчас путь у нас только один — подчеркнутая секуляризация.

Я всегда говорил: у России только два пути — либо она будет православной, глубоко верующей страной, либо она будет богатой страной.

В терминологии нашего разговора — либо сельской, либо городской? Вы знаете, у нас немало искателей третьего пути. Но третий путь — это миф. Причем миф опасный...

У ИММИГРАЦИИ СВОИ КОЗЫРИ¹

Нужна ли России иностранная рабочая сила?

России грозит дефицит рабочей силы. А мигрантов у нас превратили в пугало. И между тем одним из эффективных способов решения острых вопросов демографии, экономики и социальной политики остается как раз иммиграция, уверен руководитель Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН Анатолий ВИШНЕВСКИЙ

Анатолий Григорьевич, демографы утверждают, что через несколько лет рабочая сила и в России, и во всей Европе станет острой дефицитом и страны буквально начнут переманивать ее другу друга. Каковы, по-вашему, социальные и экономические козыри иммиграции?

Я бы начал не с рабочей силы, а с демографии. Население России уже больше 10 лет сокращается. А в США, например, количество жителей только за прошлый год увеличилось на 3 млн человек — в значительной степени благодаря как раз иммиграции. У России слишком большая территория, чтобы она могла смириться с быстрым сокращением населения. Поэтому главный козырь иммиграции — демографический. И есть причина подумать о ней как о реальном ресурсе пополнения демографического потенциала России даже независимо от ситуации на рынке труда.

Но, разумеется, основной двигатель миграции — экономический. Люди едут туда, где лучше работа и заработок. И прием они встречают лучший там, где они больше нужны как рабочая сила.

А нам эти люди нужны?

¹ Интервью журналисту Иоланте Качаевой (Труд, 4 февраля 2005).

Да, особенно если смотреть в будущее. Согласно прогнозам, уже с 2006—2007 годов начнется весьма быстрое сокращение абсолютного числа россиян в трудоспособном возрасте. К 2050 г. их может оказаться на 45% меньше, чем было в 2000 г., а к 2100 г. останется лишь 35% от исходного числа в начале этого века.

Сходная ситуация складывается и в других развитых странах. Но если говорить обо всем мире, то большая его часть перенаселена, многие государства переживают демографический взрыв и ощущают явный избыток рабочей силы. В этом смысле количественные ресурсы трудовой иммиграции не ограничены. И какой-то переток рабочей силы из развивающихся стран в развитые неизбежен.

Когда говорят о «переманивании» рабочей силы разными странами, то речь идет о квалифицированных рабочих, профессионалах, а также о людях, более близких в культурном отношении. Для России лучше, если бы к нам приезжали жители стран СНГ. Но их миграционный потенциал не так уж велик, к тому же сейчас даже в бывших советских республиках идет переориентация на западный рынок рабочей силы, т.к. Россия не проявляет большой заинтересованности. А зря, как видится.

Вряд ли России требуются только «профи», а не простые рабочие...

Конечно. Но для того чтобы в стране могли эффективно использоваться квалифицированные кадры, зачастую не хватает «просто» рабочих. Например, инженеров достаточно, а, условно говоря, людей с лопатами не найти: мало кого из россиян прельщает низкооплачиваемая работа. Вот и надо привлекать иммигрантов.

Хотя это непростой вопрос. Иностранцы рабочие приезжают к нам из более бедных стран и соглашаются на непрестижную работу и маленькие зарплаты. С точки зрения отечественных работодателей, такая рабочая сила весьма привлекательна. А для работников-россиян та же ситуация выглядит по-иному. Приток дешевой рабочей силы извне

оказывает давление на рынок труда, ставя «своих» в невыгодное положение и порождая обоснованное недовольство. С этим недовольством тоже нельзя не считаться...

Можно громко предлагать простые решения типа ограничения притока иммигрантов, усложнения их легализации в стране... Но на деле результат может быть прямо противоположным тому, что планируется. Ужесточение политики по отношению к иммигрантам, которое выталкивает все большее их число «в тень», становится замаскированным инструментом усиленной эксплуатации иностранной рабочей силы. Нередко люди, приехавшие на заработки, оказываются вынужденными продавать свою рабочую силу по демпинговым ценам. Политика маргинализации мигрантов, формально направленная на защиту национального рынка труда, по сути усиливает позиции капитала. И еще больше затрудняет конкуренцию на рынке труда для работников-россиян. Лишний раз подтверждается давно известная истина, что чрезмерное административное вмешательство в экономические процессы контрпродуктивно.

Я уж не говорю о том, что в унижительном положении пребывают и миллионы наших бывших соотечественников из стран СНГ, годами добиваясь получения гражданства в стране, которая больше всего как раз и нуждается в новых гражданах...

А видите ли вы отрицательные стороны иммиграции?

Еще бы! Их очень много, особенно если процесс протекает стихийно и в условиях той неопределенности миграционной стратегии, что у нас сейчас как раз и наблюдается. Ведь при массовой иммиграции неизбежен приток людей другой культуры, с другим менталитетом. Их интеграция в российский социум требует специальных усилий. Мигрируют обычно активные, энергичные люди. Если их удастся интегрировать в принимающее общество, они становятся его ценным ресурсом. А если нет, они могут превратиться в источник дестабилизации, даже в «пятую колонну».

Поэтому главное тут — именно проблема интеграции вновь прибывающих. Я убежден, что Россия могла бы принимать людей и сделать это своей сильной стороной. Но необходимо найти материальные и интеллектуальные ресурсы, чтобы общество оказалось способно «переварить» определенное количество мигрантов. И это нельзя откладывать, потому что при дальнейшем сокращении численности населения Россия сможет «переваривать», соответственно, намного меньше мигрантов.

Как же осуществлять эту интеграцию?

Если процесс пустить на самотек, то никакой нормальной интеграции не получится. Не следовало бы повторять ошибки европейских стран, которые, принимая большое количество выходцев из азиатских или африканских стран, не имеют четкой стратегии их первоначального «сопровождения», их социализации. Эти люди начинают жить своими анклавами в бедных пригородах, не интегрируются, а воспроизводят социальные и культурные образцы той страны, из которой приехали. В том числе и определенную агрессивность по отношению к европейской культуре — в такой форме выражается их социальная неудовлетворенность, ведь они относятся к наименее благополучным в экономическом и социальном смысле слоям.

Но есть и положительные примеры. Значительная часть иммигрантов нормально интегрируется. Отличаясь цветом кожи или разрезом таз, они становятся людьми французской или немецкой культуры, полноправными гражданами принимающих стран, служат в армии, работают в правоохранительных органах, и это не вызывает никаких проблем.

Что конкретно следует, на Ваш взгляд, предпринять сейчас в России?

Надо определиться в принципе, а потом испробовать различные подходы к приему и интеграции мигрантов, не стремясь слишком зарегулировать эти процессы «железными»

правилами. Не хочет какой-нибудь губернатор активно привлекать иммигрантов — пусть и не привлекает (лишь бы не дискриминировал их вопреки российским законам). А другой захочет — его право. Посмотрим, кто окажется в выигрыше. Нельзя все решать в кабинетах, надо накопить какой-то опыт и постепенно отобрать лучшее, отсеяв худшее. Сейчас у нас практика скорее негативная, т.к. все направлено против миграции. Ее, образно говоря, гонят в дверь, а она — в окно. Как же ее не назвать незаконной? Но во всех ли особенностях ситуации мы уже как следует разобрались?

ЕСЛИ НЕ СДЕЛАТЬ АФРИКАНЦЕВ ФРАНЦУЗАМИ, ФРАНЦИЯ СТАНЕТ АФРИКОЙ¹

Сейчас Россия не готова принять миграционный поток, но интеграция людей другой культуры в наше общество должна стать отдельной задачей государства.

Анатолий Григорьевич, какова социальная природа беспорядков во Франции?

Ничего неожиданного в этих событиях нет. Это в основе своей естественное следствие глобальных демографических перемен, которые привели к тому, что возникло соседство и тесное взаимодействие не просто богатого и бедного — это было и раньше, — а недонаселенного (и богатого) и перенаселенного (и бедного) миров. Естественен поэтому и переток населения из одного мира в другой. Поскольку непритязательные поначалу мигранты из бедной части мира нужны и выгодны более богатым странам, то их давно там используют, но особенно не заботятся об их интеграции, о включении на равных в принимающий социум. Когда вы видите в парижском метро, как вечером люди, работающие в городе, разъезжаются в пригороды, и среди них почти нет французов, то понимаете, что какое-то равновесие нарушено. По сути, произошла территориальная сегрегация, которая всегда опасна.

Конечно, общая логика происходящего не нова: когда мигранты приезжают, то совершенно естественно оказываются в нижнем слое социальной пирамиды. В той же ситуации находились и люди, приехавшие в советское время из деревни в город. Они недолюбливали «городских» в очках и шляпе, и это тоже имело — а может, и сейчас имеет — не самые лучшие последствия.

Когда мигранты из Африки приезжают в Европу, то соглашаются на тяжелые по европейским меркам условия

¹ Интервью журналисту Евгению Натарову (Газета.ру, 9 ноября 2005).

жизни, поскольку они все же лучше, чем у них на родине. Но уже во втором поколении эта непритязательность исчезает, и если отсутствует ощущение восхождения по социальной лестнице, начинает нарастать недовольство.

То, что было достижением для родителей, для детей становится отправной точкой, просто условиями, в которых они родились, а никакого продвижения вверх нет, и никто об этом не заботится. Но каждое поколение нуждается в своем восхождении. В результате в среде эмигрантов накапливается недовольство, неудовлетворенность своим социальным положением. Накапливается ощущение собственной маргинальности. Они уже не арабы и африканцы, в буквальном смысле слова не сельские жители Алжира или черной Африки, но они еще не стали полноценными французами, полноценными европейцами: в культурном отношении они образуют промежуточный, маргинальный слой, без устойчивых взглядов и нравственных критериев.

Поэтому они становятся очень удобным объектом политического или криминального манипулирования. Схематично цепочка факторов, которые привели к беспорядкам, выглядит так. На первом месте всеобщее недовольство, которое, кстати, не обязательно связано только с безработицей или бедностью. Оно также вызвано болезненным разложением изначальной культурной идентичности. Представления о жизни, с которыми приезжают мигранты, плохо сочетаются с действительностью в Европе. Их традиционные культурные устои подтачиваются, в их среде начинается брожение, и как реакция на него появляются фундаменталистские попытки восстановить то, что уже не восстановимо. К этому надо добавить общемировой фон. В каком-то смысле во всем развивающемся мире происходит то же самое: развитие разрушает традиционную культурную идентичность. Нарастает внутреннее напряжение, а вместе с тем и неясное недовольство, которое ищет выхода. Начинается поиск врагов: «империалисты», «глобалисты», «Америка», «белые» — все идет в ход. Эти настроения очень распространены в мире,

взбунтовавшиеся подростки в парижских предместьях также чувствуют себя на волне этих настроений. Они как бы ощущают поддержку за спиной, понимают, что их много, миллиарды, и у них схожие интересы. Такую неустойчивую, не имеющую опорных точек, массу легко привести в движение.

В принципе проблемы интеграции в европейском обществе осознаются, программам интеграции уделяется много внимания. Почему они не работают?

Пока внимания больше на словах или, во всяком случае, его недостаточно. Что-то делается для того, чтобы оградить себя, а не для того, чтобы сломать стену между «собой» и «ими». Сейчас помощь мигрантам воспринимается как нечто похожее на благотворительность. А нужно, чтобы интеграция мигрантов была понята принимающими обществами как своя проблема. Может быть, это не очень удачная аналогия, но мы же воспитываем своих детей не просто для того, чтобы они нас не трогали, когда вырастут. Безработным мигрантам или их детям дают пособия, поскольку нельзя позволить, чтобы они умирали с голоду. Но в обществе нет самостоятельной задачи интегрировать мигрантов независимо ни от чего.

Возможно, нужны специальные учебные заведения, программы вертикальной возгонки, доведения мигрантов до вузов и т.п. Когда в советские годы перековывали на рабфаках крестьянскую молодежь, задача была точно такой же. Тогда это воспринималась как самостоятельная цель: мы строим новое общество, создаем нового человека и для этого мы работаем. Сейчас же взгляд обывателя и общества на мигрантов иной: они — другие и навсегда должны оставаться такими. Проблема воспринимается неадекватно. Политики спорят, нужны мигранты Франции или России или не нужны. Но ведь существует еще вопрос: нужны ли Франция или Россия мигрантам? Они хотят сюда прийти, а почему им не хотеть? Это другая сторона той же самой проблемы. Она существует независимо от нашего желания, в силу сложившегося глобального демографического и экономического

неравновесия. В мире происходят тектонические подвижки, в движении человеческих масс отражаются мощные объективные процессы, которые сродни природным. Нельзя думать, что их можно регулировать просто по желанию. Мне кажется, что это не было понято во Франции и пока не понято у нас.

В иммигрантской среде накопилось много сухого пороха, и никто не делал достаточных усилий, чтобы относиться к этим людям как к части французского общества, которую нужно приблизить к среднему французскому уровню.

Эти выступления могут просто «выдохнуться» или это показатель некоторого качественного изменения в эмигрантской среде?

Французы привыкли за свою историю к подобным событиям и относятся к ним более терпимо, чем мы. Может быть, они надеются, что выступления выдохнутся. Но даже если это конкретное выступление закончится ничем, проблема сама по себе не решится. Эта проблема ощущается даже в Париже, когда кое-где, выйдя из метро, можно оказаться почти в Африке. Там и толпа выглядит совсем не так, как французская, люди не очень хорошо владеют французским языком. У них не такое жилье, не такие магазины. Как решить эту проблему, никто не знает.

Существует спорный вопрос, следует ли стремиться к мультикультурализму, т.е. признавать параллельное существование всех культур, обычаев и религий, или к американскому «плавильному котлу». Сейчас, скорее, в моде идея мультикультурализма, но как такая модель может долго функционировать, неясно. Уже американцы обеспокоены, что англоязычие у них перестает быть всеобщим. А как жить в стране без единого языка? Без единой системы культурных кодов? Если бы, например, все иммигранты в Париже хорошо владели французским и чувствовали себя уверенно в быту, то и другие проблемы решались бы проще. Когда же эти люди изолированы, то им ничего не остается, как объединяться на основе религиозной или этнической солидарности и

укрепляться в религиозном или этническом противостоянии. Накапливается критическая масса неудовлетворенности, враждебности. И в этом есть большая опасность.

Как и Франция, Россия не может обойтись без миграции, но сейчас мы не можем позволить себе принимать много мигрантов, потому что к этому не готовы, и это очень опасно. Ответом на эту опасность могут быть только специальные усилия по интеграции, хотя, мне кажется, что сейчас мы гораздо меньше, чем Франция, способны к тому, чтобы интегрировать иноязычных, инокультурных мигрантов. Нельзя пускать в страну миллионы людей, не умея этого делать. Но это снижает конкурентоспособность России. Поэтому нужно расширять миграционную емкость страны, т.е. ее способность «переваривать» пришлое население. Правда, если сегодня вы кому-нибудь в России скажете, что нужно выделять деньги на обучение приехавших из Африки, а тем более давать им жилье, то на вас посмотрят как на сумасшедшего. Однако если мы не извлечем уроки из последних французских событий, то столкнемся с теми же проблемами, с которыми сейчас столкнулась Европа.

ЛЮДЬМИ, ОКАЗАВШИМИСЯ НА КУЛЬТУРНОМ ПЕРЕПУТЬЕ, ЛЕГКО МАНИПУЛИРОВАТЬ¹

Анатолий Григорьевич, во Франции скопилось большое число иммигрантов, находящихся в социально неблагоприятной ситуации. Уже одно это служило источником недовольства, которое постепенно накапливалось. Но дело, конечно, не только в экономическом положении иммигрантов...

Конечно. Не меньшее, а может быть, и большее значение имеет культурная маргинальность иммигрантов и даже их детей. Речь идет о людях, приехавших из другого культурного мира, выходцах из крестьянских обществ, живущих совсем по иным правилам, нежели принимающие их современные европейские городские общества. История не раз показывала как то, что вчерашние крестьяне или их дети со временем становятся успешными горожанами, так и то, насколько болезненным может быть это превращение. Такими людьми, оказавшимися на культурном перепутье и к тому же недовольными — не без основания — своим экономическим и социальным положением, очень легко манипулировать. Они легковерно попадают под влияние любых лозунгов, и едва ли стоит удивляться, что наиболее понятными им часто оказываются призывы к объединению на основе этнорелигиозной солидарности.

К тому же не следует забывать, что основная часть людей, участвовавших во французских погромах, были подростки, особенно чувствительные к подобным призывам. Группы молодежи, предоставленные сами себе или умело направляемые, вообще легко объединяются под сомнительными лозунгами. Главное, что необходимо для

¹ Интервью журналисту Сергею Авакяну-Ржевскому (БОСС, 28 декабря 2005).

таких объединений, — это ощущение их участниками коллективного морального права заявить о себе.

Я не думаю, что это был самый ужасный социальный взрыв, пока участие в нем принимала только незрелая, неорганизованная молодежь. Но эта молодежь повзрослеет, и если у нее останется это недовольство, то оно может породить более серьезные контркультурные и антигосударственные тенденции, что будет гораздо опаснее: может перекинуться на другие страны Европы и т.п.

Недавно появилась информация, что Европейский Союз планирует выделить 1 млрд евро на улучшение ситуации с мигрантами. Я не знаю, достаточно ли этой суммы, но цифра все-таки немалая. Только как правильно потратить эти деньги? Нельзя остановиться на первой эмоциональной реакции на происходящее, которая, кстати, была характерна для многих в России: просто взять и выгнать всех приезжих — вот и весь разговор. Никто не собирается оправдывать этих подростков, тем не менее надо понимать, что если мы хотим избежать повторения ситуации, в том числе и в России, то вопрос должен быть осмыслен более серьезно.

Как во Франции относятся к этим восстаниям?

Во Франции их воспринимали спокойнее, чем в России. Там вообще более спокойно относятся к социальным конфликтам, понимая их неизбежность. Кроме того, во Франции есть немало людей, которые считают, что восставшие правильно сделали, напомнив о себе и своем положении. Ведь верно, что многое не было своевременно предпринято государством для снятия напряжения в обществе. Нельзя сказать, что не делалось ничего, но я думаю, что французы все же не были готовы к стопроцентной интеграции пришлого населения, к рассмотрению его как равного себе. И ведь нельзя сказать, что Франция — ксенофобская страна. Она достаточно терпимая, там не слишком сильны расовые и прочие предрассудки, но, по-видимому, сказалось социальное высокомерие.

Какие уроки может извлечь из этого для себя Россия?

В России пока нет такого количества иммигрантов, иммигрантских анклавов, которые во Франции стали уже целыми государствами в государстве. И нам важно не допустить ошибок Франции. Если мы хотим принимать мигрантов — а нам это придется делать, — то мы заведомо должны понимать, что это требует значительных усилий со стороны общества, значительных финансовых вложений для того, чтобы этих людей интегрировать в общество. Для этого нужна четкая миграционная стратегия, которой у нас пока нет.

У Вас есть предложения по недопущению подобной ситуации в России?

Мне кажется, что, поскольку население России убывает, а огромная территория остается пустой, нужно стремиться, подобно американцам, к наращиванию числа российских граждан за счет миграции и вести в этом случае опять же американскую стратегию. Они принимают порядка 1 млн человек в год, но квотируют этот процесс, следят за количеством приезжих из разных стран. Наша беда сейчас в том, что нет стратегии в данном вопросе и никто не знает, как нужно действовать.

Иммиграция — это такой процесс, в отношении которого государство должно добиваться общественного консенсуса. Пока нет ни консенсуса, ни четкой программы, вокруг которой он мог бы формироваться. А без этого невозможны и серьезные действия, требующие значительных ресурсов и не только денежных, но и культурных, интеллектуальных, образовательных. Например, у нас сейчас высвобождаются мощности системы образования, потому что по демографическим причинам сокращаются контингенты учащихся. Можно было бы частично использовать эти мощности для пополнения населения за счет молодых иностранных специалистов, которые выучились здесь, хорошо себя зарекомендовали, начали активную трудовую жизнь. Но общество должно одобрить такой вариант развития событий, а не встретить его в штыки.

Какой Вы можете дать прогноз дальнейшего развития

миграционной ситуации в мире?

Понятно, что многие будут стремиться из бедных стран в более благополучную и богатую Европу. Здесь начнут складываться диаспоры приезжающих народов, которые потом станут способствовать переселению сюда своих земляков. Однако «диаспоризация» не способствует интеграции приезжих в общество. Классические диаспоры — еврейская, армянская — могли не растворяться в обществах, в которых они жили, на протяжении сотен лет. Но сейчас другие времена, другие масштабы миграции, меняется, думаю, и роль диаспор. Они должны помогать человеку поскорее интегрироваться в общество, а не отгораживаться от него. А государство должно работать с диаспорами, уважая культурную или религиозную самобытность приезжающих, но проводя неукоснительно линию на выработку их общегражданской идентичности.

Есть у многонациональной России риск проведения неправильной миграционной политики?

Риски всегда есть, и для России они могут быть серьезнее, чем для Франции и других стран, потому что Франция переварила не одно поколение мигрантов: польских, русских и т.д. Конечно, с арабскими иммигрантами сейчас труднее, но, тем не менее, во Франции есть и терпимость, и какое-то частичное понимание проблемы. У России же нет такого опыта. Поэтому если она не предпримет специальных усилий, чтобы усвоить данный опыт с опережением, а допустит стихийное развитие событий, это может иметь непредсказуемые результаты — от локальных конфликтных ситуаций, которые у нас сегодня уже происходят (пример: турки-месхетинцы, выдавливаемые из страны), до потери части территории. Так, если не контролировать стихийную китайскую миграцию, то очень скоро Дальний Восток может стать китайским. Риски очень большие. Лучше сейчас потратиться, во всех смыслах, чем потом платить за свои ошибки много дороже.

Можно сказать, что речь идет о проблеме номер один?

Во всяком случае, это будет одна из главных проблем внутренней политики России на протяжении всего XXI в. Прогнозы показывают, что если бы реализовался тот приток мигрантов, который необходим для предотвращения убыли населения страны, то уже к середине века иммигранты и их потомки достигли бы примерно трети населения России, а потом их число перевалило бы за половину. Тогда приезжих и их потомков станет большинство — это будет совершенно другая страна. Но одно дело, если это будут россияне, скажем, азербайджанского, китайского или таджикского происхождения, как, например, в Америке есть афроамериканцы, американцы немецкого или японского происхождения и т.д. А другое дело, если это будут азербайджанцы, китайцы или таджики, «проживающие на территории России». В таком случае Россия скоро станет «бывшей Россией».

СЕМЬЯ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Из газет советского времени

СКОЛЬКО ИМЕТЬ ДЕТЕЙ?¹

Контроль над рождаемостью со стороны семьи не тождествен контролю со стороны общества. Не исключено, что при определенных условиях интересы отдельной семьи и интересы общества могут не совпадать. Что тогда делать?

У каждого, кто поставил бы себе задачу регулирования рождаемости в интересах общества, будь то законодатель или ученый-демограф, есть только два пути.

Первый — это путь, так сказать, административный. Единственное оружие сторонников этого пути — запрет; религиозные или нравственные табу, законы, запрещающие продажу контрацептивов или прерывание беременности, — вот их небогатый арсенал. Но подобно тому, как сухой закон не является эффективным в борьбе с алкоголизмом, так и эти меры вряд ли станут действенным средством стимулирования рождаемости.

Есть, однако, второй путь. Это путь воздействия не на сами решения и поступки супругов, а на их мотивы. Речь идет о приведении интересов каждой семьи в соответствие с

¹ Литературная газета, 26 марта 1969.

интересами всего общества.

Экономические интересы общества отнюдь не являются его единственными интересами, и автор статьи «Сколько иметь детей?»¹ вовсе не утверждает, что это единственный аспект или даже главный. «Отнюдь не самый маловажный», — справедливо замечает он. Иногда полагают, например, что снижение рождаемости связано прежде всего со всесторонней эмансипацией (почти забытое слово наших бабушек!) женщин. Это уже социальный аспект проблемы. Высказываются даже предположения, что на падение рождаемости влияют и напряженность международной обстановки, и воспоминания о двух великих войнах, пережитых человечеством в XX в. Это уже социально-психологический аспект. Чтобы добиться повышения рождаемости, надо учитывать, конечно, все аспекты и действовать либо сразу на всех направлениях, либо на наиболее важных, решающих. Но необходимо сначала убедиться, что такие направления существуют. В противном случае можно прийти совсем не к тем результатам, на которые рассчитываешь.

И еще одно. Установить наличие бесспорной аномалии можно только в том случае, если известно, что такое норма. Что же является демографической нормой? Этого, к сожалению, никто не знает. Конечно, определенные интуитивные представления на этот счет существуют. Мы говорим, что в Индии рождаемость очень высокая, а в Швеции — очень низкая. Одновременно на одном краю Евразии предпринимают энергичные усилия, чтобы повысить рождаемость, а на другом — чтобы ее понизить. И в результате рождаемость во Франции с 1940 по 1960 г. поднимается с 13,8 до 17,9 человека на тысячу, а в Японии за тот же период снижается с 29,4 до 17,2. Может быть, это и есть норма? Тогда, может быть, нам нечего беспокоиться, ведь у нас в 1967 г. на тысячу жителей приходилось 17,4 новорожденных.

¹ Речь идет о статье В.И. Переведенцева, опубликованной в одном из предыдущих номеров «Литературной газеты».

Но в том-то и дело, что демографы, экономисты, социологи во всем мире пытаются преодолеть магию цифр и понять действительные последствия, которые сопряжены с той или иной динамикой показателей рождаемости. Однако явления общественной жизни сложны и противоречивы, и ответ найти не просто.

Можно лишь с большими или меньшими основаниями предполагать, что на том уровне экономического развития, на котором находится наша страна, продолжающееся снижение рождаемости чревато целым рядом неблагоприятных экономических и социальных последствий.

Но когда В. Переведенцев пишет о восстановлении **нормального** уровня рождаемости, то хочется тут же спросить: **а что это такое?**

Предположим, что уровень рождаемости у нас действительно ниже нормального. Можно ли достичь нормы, пользуясь рекомендациями автора статьи «Сколько иметь детей?»? Обратимся к исходным пунктам его аргументации.

Пункт первый: раньше дети с раннего возраста были ценными помощниками в хозяйстве, а впоследствии кормильцами престарелых родителей. Теперь этого нет. Следовательно, прежний экономический мотив высокой рождаемости отпал, надо создать новый — им, дескать, и будет плата за труд по воспитанию детей. Этому рассуждению нельзя, конечно, отказать в логике, но все-таки остается не ясным: а) был ли экономический фактор рождаемости в прошлом решающим или второстепенным, обязательно ли именно его заменять чем-то; б) можно ли вообще найти ему замену; в) если возможно, то должен ли заменитель иметь столь же ярко выраженную экономическую природу. Но В. Переведенцев не задерживается на выяснении этих вопросов, а вводит еще один аргумент — затраты родителей на воспитание детей существенно возросли, надо повысить и их доходы. Источником этих более высоких доходов и будет «зарплата за детей».

Да, верно, расходы родителей возросли. Но сама по себе эта констатация абсолютно ничего не дает для понимания

проблемы. Нужно еще знать, как одновременно изменились доходы, а также расходы, не связанные с воспитанием детей. Ведь если рост расходов на детей сопровождается соответствующим ростом доходов, а все остальные условия остаются неизменными, то это не может привести к снижению рождаемости. Вот если и остальные условия меняются, если одновременно растут расходы на все прочие нужды, а еще лучше сказать, если растут **потребности** семьи, то у детей — в меньшей степени у первых, в большей степени у вторых и последующих — появляются серьезные «конкуренты».

Потому что, как ни прозаически это звучит, потребность семьи в детях — одна из многих ее потребностей. Здесь не место обсуждать, хорошо это или плохо, просто таковы факты. Каждой семье постоянно приходится делать выбор: какие потребности удовлетворить сегодня, какие завтра или послезавтра? Как бы высоки ни были доходы семьи, их не может хватить на удовлетворение **всех** потребностей. И тут верная экономическая интуиция не изменяет В. Переведенцеву: **целевое назначение** — вот в чем смысл того, что он называет зарплатой за воспитание детей. Если ваш доход растет в связи с ростом зарплаты, снижением цен и т.п., то вы вольны использовать средства на что угодно. Но если вам платят именно за ребенка, то извольте его родить и вырастить. Зато вы можете не ходить на работу.

Как же откликнутся на это женщины? Какой из этих двух групп потребностей отдадут они предпочтение, если им будет предложен выбор?

В. Переведенцев, видимо, полагает, что предпочтение будет, как правило, отдано «домашнему» варианту. Ему представляется, что женщины, по тем или иным причинам не желающие рожать много детей, на «льготных условиях» согласятся это делать.

У многих социологов, к сожалению, нет такой уверенности. Выбор женщины зависит от тысячи причин — от того, насколько развиты ее потребности, насколько удовлетворяет ее работа, зарплата, от размера льгот, которые она будет иметь, уйдя с работы, и т.п. Но как зависят, вот что

важно знать. Различные группы женщин будут, конечно, вести себя по-разному, но какие это группы, каков удельный вес каждой из них? Осведомленность демографов в этих и подобных им вопросах весьма невелика.

Как ни сложны очерченные выше проблемы, они, вероятно, могут быть разрешены. И, конечно, не одним ударом, не на «ура», но и не по наитию. Предстоит длительная, напряженная, трудная работа, от результатов которой будет зависеть правильность принятого решения.

ДЕТИ В СЕМЬЕ: БРЕМЯ ИЛИ БЛАГО?¹

В последнее время мы много говорим, пишем и думаем о снижении рождаемости. Это и понятно. Наши бабушки давали жизнь 5—6 детям. Но женщины, родившиеся уже в начале нынешнего века (до Первой мировой войны), имели лишь 3—4 детей, следующее поколение (1915—1924 годов рождения) — меньше 3-х. Когда несколько лет назад в семьях рабочих и служащих спросили женщин, родившихся в 1929 г. и позже, о том, сколько детей в семье они хотят иметь, больше половины опрошенных ответили, что двоих.

Что же происходит с семьей? Какое место в ней занимают дети, будет ли их число уменьшаться и дальше, и если да, то почему? Есть разные ответы на эти вопросы, разные объяснения и разные взгляды на будущее семьи. Я приведу две, во многом противоположные, точки зрения. Читателям «Комсомольской правды», как мне кажется, будет небезынтересно сопоставить их, размышляя в то же время и о своих личных проблемах, о будущем собственной семьи, да и о некоторых более общих вопросах жизни человека в XX в.

Согласно одной из этих точек зрения, потребность семьи в детях необратимо уменьшается, вытесняется другими, более важными для современного человека интересами. Дети в семье становятся даже помехой.

Не спешите удивляться. Мир, в котором мы живем, утверждают сторонники этой точки зрения, стремительно изменяется. Мы сами преобразуем его своей деятельностью. Одновременно меняется и внутренний мир человека — его сознание, его психология, его потребности. Постоянный рост деловой квалификации, расширение общего кругозора, общественная активность, тяга к интересному отдыху, нежелание отдавать свое время «быту» (всем этим покупкам, уборкам, стиркам) — характерные черты жизни современных

¹ Комсомольская правда, 8 августа 1973.

и мужчин, и женщин. Традиционная сцена из семейного быта: мужчина, читающий газету, и женщина, занятая на кухне или в детской,— воспринимается нами сегодня, по крайней мере, отрицательно. Сфера производственных и культурных интересов и мужчин, и женщин, необыкновенно расширяясь, оттесняет потребность в детях на второй план. Образование — нужно. Интересная работа — кто же к этому не стремится? А книги и кино? А спорт и туризм? Нет, современному человеку не до горшков и пеленок, не до детских больниц и родительских собраний, ему не до детей.

Но не грозит ли снижение рождаемости общественным интересам, даже если не брать теоретически крайний случай, что в конце концов нарушится непрерывность человеческого рода?

Итак, взгляды семьи и общества по вопросу о количестве детей могут до известной степени расходиться. Общество заинтересовано, чтобы в каждой семье рождалось в среднем, скажем, три ребенка, а у семьи такой заинтересованности нет. Конечно, современный человек достаточно сознателен и понимает, что общество накладывает на него определенные обязательства, в том числе и те, которые связаны с продолжением рода. Но ребенок семье не радость, а бремя.

У нас есть система учреждений, облегчающих воспитание детей, — детские ясли и сады, школы, медицинские учреждения. Их, однако, недостаточно, они не всегда хорошо работают и, главное, они лишь помогают семье заботиться о подрастающем поколении, но не снимают с нее этой заботы полностью. Идеал же, к которому следует стремиться, продолжают сторонники означенной точки зрения, — это такое развитие системы коллективного воспитания детей, которое позволило бы полностью передать содержание, воспитание и обучение детей обществу. И тогда заботы о детях перейдут к государству, семья освободится от бремени воспитания детей, ее «высшие» потребности, связанные с развитием личности супругов, смогут удовлетворяться гораздо более полно, и женщина сможет во всех отношениях сравняться с мужчиной. Это дело не сегодняшнего и не

завтрашнего дня, но двигаться надо именно в этом направлении.

Такова в сжатом пересказе одна точка зрения. Она достаточно логична и последовательна. И все же кажется мне глубоко неверной.

Неверно, по-моему, что потребность семьи в детях должна уступить место другим интересам. Спору нет, потребности людей развиваются. Но почему надо представлять себе это развитие как одностороннее? Почему современного, а тем более будущего, человека мы должны уподоблять «богатому нищему» из известного стихотворения Леонида Мартынова. «На нем бостон, перчатки кожаные и замшевые сапоги», но в этом все его богатство, к нему нечего добавить. Нетрудно понять: богатство «богатого нищего» в том, что ему мало нужно. В действительности же, как писал Маркс, «богатый человек — это в то же время человек, нуждающийся во всей полноте человеческих проявлений жизни».

Думается, в процессе развития общества и человека потребность его в детях не снижается, а растет. Конечно, едва ли надо понимать увеличение этой потребности в том смысле, что ему нужно все больше и больше детей. Но сегодняшний человек ищет и находит в детях больше, чем вчерашний, и именно потому, что его культура выше, кругозор шире: он лучше осознает неразрывную связь времен.

Да, мы — мужчины и женщины — много времени проводим вне дома, мы много учимся, много работаем, стремимся побольше узнать и побольше увидеть. Казалось бы, нам и вправду не до пеленок. Но ведь мы трудимся ради наших детей? Каждое поколение выковывает ключи к завтрашнему дню, и эта работа имеет смысл только в том случае, если есть кому передать эти ключи. И вовсе не все равно, видим ли мы мысленным взором некое абстрактное «следующее поколение» или вручаем плоды наших трудов конкретным, живым и любимым нами детям. Небезразлично для нас и то, что оставим мы следующему поколению: поля и машины, дома и каналы или — сверх того, а может быть, и в

первую очередь — часть самих себя, накопленный с годами опыт, свой взгляд на жизнь. Мы продолжаемся в наших детях. Воспитание детей, постоянное общение с ними неизмеримо повышает ценность жизни. Чем более развит человек, тем лучше он это осознает.

В современной семье отходят на второй план экономические, материальные связи между ее членами — это ясно. Зато на первое место выступают духовные интересы, духовное общение, само воспитание детей превращается в область духовного творчества. Жизнь семьи без детей оказывается непоправимо обедненной, круг ее интересов сужается, прочность связующих семью нитей ослабевает. Ведь не только родители воспитывают детей — и дети воспитывают родителей. Самим фактом своего существования, потребностью в родительской заботе они воспитывают в своих матерях и отцах альтруизм, способность к самопожертвованию, чувство ответственности, внутрисемейную солидарность — черты, без которых немислима прочная семья и без которых трудно себе представить всесторонне развитую личность. Нет, дети — не обязанность семьи перед обществом, а ее насущная потребность, то, без чего невозможна «полнота человеческих проявлений жизни», гармоничное развитие семьи и расцвет личности супругов.

Но если это так, то надо стремиться не к тому, чтобы как можно скорее и как можно «капитальнее» забрать ребенка из семьи, а, наоборот, к тому, чтобы он как можно больше был в семье, чтобы общение родителей и детей было как можно более постоянным и содержательным. Как совместить это стремление с участием родителей, в том числе и матери, в общественном производстве? Как преодолеть трудности быта, с которыми сталкиваются все родители, а тем более многодетные?

Ответить на этот вопрос непросто. Я отдаю себе отчет в том, что не могу предложить такой же ясной, простой и прямолинейной программы действий, как сторонники первой точки зрения. В моем представлении все выглядит гораздо сложнее.

По-моему, стремиться следует к созданию условий, наиболее благоприятных для того, чтобы семья могла иметь столько детей, сколько она пожелает. Необходимо всемерно развивать и совершенствовать систему коллективного воспитания детей как систему действенной помощи семейному воспитанию. Необходимо гораздо лучше, чем сейчас, осознать семейные потребности и семейные интересы, идет ли речь об организации труда, быта или отдыха, нужно способствовать одновременно и их развитию, и их все более полному удовлетворению.

Многое должно еще измениться — и в условиях труда, и в материальном положении семьи, и в организации сферы обслуживания, в других областях нашей жизни, чтобы эту задачу можно было считать решенной. Но, по правде говоря, я думаю, что в выигрыше будут все: и наши дети, и родители, и общество в целом.

С ПОМОЩЬЮ ИЛИ НА ПОМОЧАХ¹

Может ли забота принести кому-нибудь вред? К сожалению, может. Кто не встречал заботливых родителей, которые стремятся оградить своих детей от всех трудностей жизни, избавить от любых усилий, готовых чуть ли не до старости вести их на помочах. Иногда это им удается — и тогда вырастает человек, мало приспособленный к жизни, бесхарактерный, безответственный, эгоистичный. Такому человеку плохо жить на свете: он боится столкновений с малейшими трудностями, избегает их, страдает сам и заставляет страдать других.

А вот другой ребенок — не менее любимый и окруженный не меньшей заботой. Только эта забота направлена не на то, чтобы оградить его от сложностей жизни, а на то, чтобы научить преодолевать их, закалить характер, воспитать тягу к знанию и труду. Если такая забота дает результаты, общество получает людей, которыми оно держится. Им тоже бывает нелегко, потому что они первыми подставляют плечо под общий груз. Но тяжелая ноша наполняет их жизнь смыслом, которого безуспешно ищут те, кто топает рядом с легкой поклажей, а то и совсем без оной.

Так что забота заботе рознь.

Мы говорили о детях, но это — лишь иллюстрация более общей мысли. Она нужна нам, чтобы лучше понять, что такое забота о семье. Какой ей быть?

Забота нашего государства о семье велика, формы ее разнообразны и в последнее время быстро развиваются и совершенствуются. Но именно поэтому важно разобраться, какие из возможных средств помощи семье особенно полезны, какие менее, а какие, может быть, и совсем не полезны. Конечно, легко повторить за откликнувшейся на мою статью

¹ Известия, 10 июня 1984.

«Кто созидает семью?» (Известия, 1983 № 232/233) читательницей из Минска: кашу маслом не испортишь. Но, во-первых, можно и испортить. А во-вторых, живем пока не на небе, где поле не меряно и овцы не считаны, а на земле, где приходится очень хорошо мерить и считать. И уж если выделяются силы и средства в помощь семье, то использовать их надо наилучшим образом.

Сегодня многие считают, что чем больше государство будет брать на себя выполнение тех функций, которые прежде выполняли сами члены семьи, тем лучше будет для последней. Но всегда ли это так?

Сейчас мы создаем свою семью сами, но придуман уже проект организации «Отдела создания семьи». Проект опубликован в одной книге, из которой я и заимствую формулировки задач нового отдела. Вот они. «Содействие в образовании семьи, оказание помощи лицам, стремящимся вступить в брак, расширение возможностей, увеличивающих вероятность выбора оптимального партнера, включая практическую помощь в поиске спутника жизни, знакомстве и выборе; ...организация анонимной переписки; предварительный отбор брачных претендентов (бюро заочного знакомства с картотекой); организация очного знакомства и личного представления претендентов (сектор организации целенаправленных мероприятий)».

Авторы этого проекта, вероятно, убеждены, что они вносят вклад в разработку демографической политики, направленной на упрочение семьи. Я же думаю, что если бы и вправду создание семьи из нашей личной заботы превратилось в задачу некоего «отдела», то семья стала бы только слабее.

Спору нет, всегда существуют люди, у которых по разным причинам ограничены возможности поиска спутника жизни, например те, кому «за тридцать», или, скажем, работники слишком однородных мужских или женских коллективов. Было бы хорошо расширить круги общения таких людей — для этого создаются, в частности, разного рода клубы, свою роль могли бы сыграть и отделы, вроде описанного выше. Если они окажутся полезными хотя бы каждому десятому из

тех, кто в них нуждается, игра стоит свеч. Не надо только переоценивать этого не очень широкого пути. Если он и может привести к успеху, то лишь немногих и только при условии, что не выпячивает своей искусственности. Чем ближе условия знакомств по объявлению к условиям обычных, случайных встреч, чем легче люди, знакомящиеся через посредников (например через газету), чувствуют себя «как все», тем больше у них шансов на благоприятный результат. Удачи им!

Ну, а эти «все» — как они пока обходятся без электронных и прочих помощников? Сейчас вы встречаете мужчину или женщину, которые, может быть, станут, а может, и не станут вашими мужем или женой, и для вас это — не «брачный претендент», а человек во всех его измерениях, в его отношениях к работе, досугу, политике, друзьям, деньгам — ко всему на свете. И «оптимальными партнерами» делают — или не делают — вас не столько ваши качества к моменту первой встречи, сколько реальное партнерство до и, особенно, после заключения брака. Надо ли говорить, что чаще всего не первый встречный становится вашим спутником жизни. Вы движетесь «к венцу» через трудности взаимопонимания, через разделенную и безответную любовь, через радость общения и тоску одиночества, через муки ревности и жажду материнства, внимая голосу страстей и трезвого расчета, терпя поражения, совершая ошибки.

В чем же вам могут помочь? Избавить от ошибок и поражений? Так ведь им цены нет, это — наша школа, она учит беречь достигнутое, дорожить им. Ребенка ведут на помочах, а взрослый человек идет сам. Нужны ли нам вечные дети, которые даже мужа или жену не могут себе выбрать без «практической помощи» какого-то учреждения? И можно ли надеяться, что они-то как раз и создадут прочную семью? Я, во всяком случае, в этом сомневаюсь.

Не всякая помощь семье — во благо, писал я в предыдущей статье. Не всякая, а только та, что помогает наращивать «мускулы» семьи.

В основе семьи лежат любовь и общее — для данной

семьи — дело. Любовь без общего дела увядает, дело без любви сушит душу. Когда же есть и то, и другое, они помогают друг другу, и семья оказывается не просто группой людей, рассыпающейся при малейшем дуновении ветра, а сплоченным коллективом, членов которого тесно связывают узы взаимной любви и ответственности. Чем больше таких внутренних связей, тем нужнее друг другу члены семьи и тем такая семья прочнее и счастливее.

Одна из главных внутренних связей — дети. Дети всегда были, а сейчас стали, пожалуй, даже больше, чем прежде, тем «делом», которое на многие годы объединяет родителей, наполняет смыслом их труд, всю их общую жизнь. Разумеется, дети не единственная, а лишь одна из важнейших связей, на которых держится семья. Очень важны любовь, общность жизненных позиций, родство душ.

Дети самим своим существованием умножают силы, скрепляющие семью. И умножают тем заметнее, чем больше «труда любви» тратят родители на их воспитание, чем больше осознают они свою ответственность перед детьми. Забота о детях нужна самим родителям как одно из главных дел их жизни.

С этим, впрочем, согласятся не все, некоторым подобные рассуждения кажутся безнадежно устаревшими. «Откуда эта тоска по прошлому?» — спрашивает читатель из Орловской области. По его мнению, воспитание детей родителями — пережиток, с которым приходится мириться лишь потому, что соответствующие учреждения пока не справляются со своими задачами. Вот родители, как он пишет, и «проявляют самостоятельность» — сами воспитывают своих детей. «Но ведь на это нужно время, нужны силы. И эти силы отрываются от себя, от любимого дела, от основной производственной деятельности». Читатель считает, что «в творческом труде, а не в семье формируется неповторимая индивидуальность каждого из нас» и что поэтому надо «освободить творцов от обязанности содержать и воспитывать своих детей».

Таких писем в почте — меньшинство. Гораздо типичнее письмо свердловчанина С. Быкова, отца семерых детей.

«Многим хорошим и ценным,—утверждает он,— я обязан своей семье. Как личность я рос вместе с ней». В письме говорится и о том, насколько важна семья для детей: «Самые идеальные в мире ясли, сад не заменят родную маму, братишек, сестричек, папу... В родном доме может быть меньше игрушек, телевизор не цветной, и в сердцах мама или братишка и поругают... Но дома есть Любовь и родная кровь!»

Две позиции — а ведь за ними стоят и два разных взгляда на семью, на ее настоящее и будущее, а потому и на формы помощи семье.

Мне ближе позиция С. Быкова, думаю, впрочем, что не мне одному. Наша Конституция исходит из того, что семья имеет первостепенное значение для человека и общества. А ведь это и значит признание суверенитета семьи, ее САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ в самом глубоком и точном смысле этого слова. Всякому ясно: семейные функции изменились, перегруппировались. Но и ныне человеку необходимы дом, дети, он живет и работает для них. Забота друг о друге, рождение детей, обеспечение их благосостояния своим трудом, воспитание детей, а потом и внуков относятся к чему-то самому важному в нашей жизни, и мало кто из нас добровольно отказывается от этого. Мы делим свои функции с государственными учреждениями, без этого нельзя. Теорему Пифагора наши дети узнают в школе, и мы благодарны общественному питанию за полуфабрикаты, облегчающие наш бытовой труд. Но все-таки совсем отказываться от домашней кухни мы не хотим, так же, как не имеем права и не желаем полностью передавать школе заботу о воспитании наших детей.

Слов нет, многодетным семьям или тем, где матери почему-либо одной приходится воспитывать ребятишек, может понадобиться и большая помощь государства. Но в основном наши семьи — это родители с одним, двумя или тремя детьми. Смысл заботы о них, по-моему, не в том, чтобы избавить их от важнейших функций, а в том, чтобы содействовать более успешному их выполнению. Было время, архитекторы, забываясь, как они полагали, о женщине и о

семье, проектировали квартиры без кухонь — дескать, нечего семье будущего заниматься такой ерундой, как приготовление пищи. Но такая ли это ерунда и столь ли она вредна семье? Машины борщи запоминаются почему-то на всю жизнь, а столовские в лучшем случае до следующего обеда. Не к тому надо стремиться, чтобы вместо полуфабриката дать семье готовую зажаренную котлету, а к тому, чтобы было этих полуфабрикатов побольше да качество их получше. Разумеется, сварить борщ — это тоже труд. Но не есть ли он частица того труда любви, без которого человеку не жить и не быть и который никак у него отбирать нельзя?

Отбирать нельзя, а облегчать нужно. И не в упрек тем давним архитекторам, хотевшим только хорошего, будет сказано: сейчас мы строим квартиры с кухнями, и промышленность неустанно работает над тем, чтобы насытить их электроплитами, холодильниками и всякой другой бытовой техникой.

Ибо подлинная забота о семье — это и забота о ее суверенитете, о том, чтобы она могла без помех выполнять свое назначение и чтобы при этом полнее раскрывались ее силы.

«РЕБЯТИШКИ — ДЕЛО НЕПОКУПНОЕ»¹

Мне кажется, говоря о семейных ценностях в нашей жизни, мы не всегда правильно расставляем акценты. Часто слышишь: давая жизнь детям, воспитывая их, женщина приносит себя в жертву. Но так ли это мнение бесспорно? Ведь ценности — это для нас что-то очень нужное, незаменимое. Счастливый брак, супружеская любовь, взаимопонимание с детьми и, конечно же, сами дети — вот примеры таких ценностей, важнейших для каждого человека. Вместе с другими ценностями нашей жизни они служат ориентирами поступков каждого, указывают, чего стоит добиваться в жизни, во имя чего приносить жертвы.

Или вот говорят: надо сделать так, чтобы с рождением детей уровень жизни семьи не снижался. В подобных словах я вижу очень большое уважение к ценности жизненного уровня и гораздо, к сожалению, меньшее уважение к самооценности детей. Будущее рождаемости, по-моему, внушало бы меньше беспокойства, если бы родители были готовы пожертвовать (пусть и до известного предела) уровнем жизни во имя рождения еще одного ребенка.

«Ребятишки — дело непокупное, и для сердца они больны, как смерть», — эти слова принадлежат одному из персонажей рассказа А. Платонова. Мне кажется, они хорошо передают глубинное народное отношение к детям как одной из важнейших ценностей нашей жизни. Что, скажем, хорошо при выборе работы — пойду туда, где больше платят (да и то не всегда хорошо!), — не годится в семейной жизни, где многое для сердца «больно, как смерть». Больно и тем дороже.

Слышу возражение: «Зачем противопоставлять одно другому? А если бы так: чтобы и дети были, и уровень жизни при этом не падал, и от родителей не требовались бы слишком большие жертвы?» Конечно, теоретически это прекрасно, да и

¹ Неделя, 1982. №3

в жизни, наверное, так бывает. И будем к этому стремиться. Но пока такого стопроцентного благополучия, как правило, еще нет. Потому семья и стоит порой перед выбором: еще один ребенок или более высокий уровень жизни? Мне кажется, уровень жизни имеет большое значение, но дети важнее.

Не хочу сказать, что молодая семья должна начинать жизнь «в шалаше», обзаводиться детьми, не задумываясь о своем будущем. Достигнутый уровень благосостояния — это черта нашего образа жизни; мы не можем отказаться от него, как и от других «несемейных» ценностей — образования, служебной карьеры, производственной и общественной деятельности женщины. Речь о другом — о неизбежном соперничестве ценностей «семейных» и «несемейных» (разделение, конечно, очень условно). Ведь рост уровня жизни не имеет предела. Напомню, кстати, что снижение рождаемости происходило одновременно с повышением благосостояния, и в первую очередь как раз у населения, где уровень его наиболее высок.

Подумайте: далеко не бедствующие люди нередко экономят на детях! Не любят, что ли, детей? Да нет, пожалуй, любят. Только не готовы, видимо, они к тем «вложениям» — не столько денежным, сколько душевным. Мне кажется, что материнская и отцовская любовь к детям (отцовская — в особенности) могла бы стать более активной, требующей от каждого из нас большей ответственности, самоотдачи, того, что и составляет суть человеческой жизни. Тогда бы и ценность детей была большей.

Вернусь к тому, с чего начал. Общество у нас помогает семье, но всегда ли и всякая ли помощь идет ей на пользу? Одно дело, когда она направлена на достижение важнейших целей — социального равенства, одинаковых условий «старта» для всех детей, независимо от их количества в семье, статуса или имущественного положения родителей. Здесь у меня нет сомнений: такая помощь неотделима от сути социализма как общества социальной справедливости.

Но ведь иной раз эту помощь понимают и по-другому —

как постепенное освобождение семьи от всяких забот о детях. Предположим, что можно, поднатужившись, обеспечить почти непрерывное пребывание всех детей в детских яслях, садах, группах продленного дня, школах-интернатах и прочее, и прочее. Но, скажите, на чем же тогда будет основываться активность родительской любви, заинтересованность родителей в детях? На чем будет основываться их стремление вообще иметь детей?

БРАК И ЭРОС¹

А. Вишнеvский. Мы говорим, что современный брак — это брак по любви, и подчеркиваем при этом важность духовной близости супругов. Но ведь любовь немыслима и без другого — без чувственного влечения, без страсти...

С. Голод. Конечно. Одних общих интересов — материальных ли, духовных ли — для любви недостаточно. Нужна общность более интимных стремлений, нужно страстное чувство.

А.В. В былые времена эта сторона отношений мало принималась в расчет.

С.Г. Что было, то быльем поросло. Еще в двадцатые годы журнал «Молодая гвардия» опубликовал статью видной деятельницы Коммунистической партии А.М. Коллонтай, которая называлась «Дорогу крылатому Эросу! (Письмо к трудящейся молодежи)». Коллонтай осуждала как безнравственное брачное общение лиц, не испытывающих чувственного влечения друг к другу, основанное на посторонних расчетах, и подчеркивала, что новая мораль требовательна «к содержанию любви; к оттенкам чувства и переживаний, связывающих оба пола».

А.В. Можно ли сказать, что сегодня отношения мужчины и женщины всегда отвечают этим высоким требованиям?

С.Г. Не всегда, но гораздо чаще, чем прежде. Сейчас идет нарастание духовного компонента в отношениях мужчины и женщины, и это огромный шаг по сравнению с тем, когда физическая близость сплошь и рядом сочеталась с полной отчужденностью супругов во всем, что можно назвать их

¹ Беседа с ленинградским социологом Сергеем Голодом (Комсомольская правда, 14 апреля 1976). Этот диалог, опубликованный в «Комсомольской правде» под названием «Любовь? Да, любовь!», стал последним материалом рубрики «Семейный разговор», которую я вел в газете. В редакцию поступило письмо «старых большевиков», возмущенных пропагандой «разврата» в молодежной газете, и рубрику закрыли. — *Примеч. авт.*

межличностными отношениями. Это, безусловно, положительный результат всего развития нашего общества, но, думаю, не окончательный. Мне кажется, что его надо рассматривать как исторически неизбежный и весьма важный шаг на пути к более высокой форме отношений между мужчиной и женщиной, к отношениям, которые невозможны без страстного, эмоционально насыщенного чувства.

А.В. Значит, более глубокие, эмоционально яркие, истинно любовные отношения — это дело будущего?

С.Г. Они не так уж редки и сейчас, но преобладающими станут лишь в будущем. Не надо только упрощать и схематизировать этот прогноз. Возникновение любовного чувства — это тайна. Одно искусство, быть может, способно приподнять завесу над этой тайной, да и то лишь лучшие его образцы. Было бы наивно думать, что начиная с какого-то года повсюду воцарится всеобщая гармония идеальной любви. Проблемы неразделенного чувства, ревности, взаимного супружеского долга вечны.

А.В. Но в то же время есть, вероятно, и такие проблемы, которые не относятся к категории вечных и которые можно пытаться устранить уже и сейчас?

С.Г. Еще бы! Есть масса трудностей, которые порождены просто неумением супругов осознать и устранить причины дисгармонии в их интимных отношениях. Сейчас каждый более или менее хорошо знает, что надо стремиться к общности интересов, но очень многие не придают значения психофизиологической и эмоциональной специфике друг друга и не стремятся к гармонизации своих отношений в этом плане. Все это не дает возможности пережить полноту чувств, обедняет личность. Яркое эмоциональное переживание оставляет глубокий след в отношениях любящих. Сама страсть, как правило, через некоторое время угасает, но к тому времени складывается прочная привязанность, устойчивая интимность отношений, сцементированных этим общим переживанием. Если же супругам не удалось подняться выше примитивного физического влечения, то прочные связи едва ли могут возникнуть. Отсюда, в частности, неустойчивость

многих браков. А в основе нередко (хотя, конечно, не всегда) — просто эмоциональная неподготовленность людей.

А.В. Как же преодолеть эту неподготовленность? В последнее время много говорят о половом просвещении, видя в нем средство устранения дисгармонии в интимной жизни людей. Но дело, видимо, не столько в этом, сколько в воспитании культуры чувств, в изживании недооценки чувственной стороны отношений мужчины и женщины. Ориентация только на духовные ценности в этих отношениях создает искусственную пропасть между чувственностью и чувством. Человек, который в своей половой жизни видит только дань физиологии и хочет, уплатив эту дань, освободиться от власти чувственного, едва ли будет счастлив.

С.Г. Надо прямо сказать: нельзя познать любовь в самом высоком смысле этого слова, если считать чувственное влечение, половую жизнь чем-то второстепенным в отношениях любящих людей, чем-то низменным, даже греховным. Так смотрели на вещи в прошлом, того требовала, например, христианская мораль. Но мы живем в другое время. Так же, как человек прошлого, достигнув определенного возраста, мы слышим «голос плоти», но теперь должны по-новому осознать его в контексте новых жизненных отношений.

А.В. Стало быть, дело в развитии общей культуры каждого, в воспитании душевной тонкости, эмоциональной восприимчивости. Но нельзя решение всех этих задач связывать только с половым просвещением, его цели гораздо более узкие, оно — лишь один из предметов в школе жизни.

С.Г. Один, но важный. Вы, конечно, правы в том смысле, что книги, которые человек читает, фильмы, которые он смотрит, и, самое главное, отношения между людьми, которые окружают его с детства, нередко больше воспитывают, чем школьные уроки. Но из этого ведь не следует, что школа не нужна. Половое просвещение — неотъемлемая часть воспитания культуры чувств, о котором вы говорите. Половая жизнь современного человека связана с широким спектром эмоциональных переживаний, и именно поэтому достаточно

сложна. Люди редко приходят к началу супружества в полном неведении относительно ожидающих их интимных отношений. Но источники, из которых они черпают свои сведения, порой сомнительны, а сами сведения не очень достоверны. Если мы не хотим, чтобы люди учились только на собственных ошибках — а я думаю, что мы этого не хотим, — нужно им помочь не делать этих ошибок.

А.В. Еще один вопрос, который мне хотелось бы затронуть в нашей беседе. Нет сомнения, что более высокое место, которое занимают в жизни нашего современника ценности, связанные с его интимными чувствованиями, способствуют обогащению личности. Однако, так сказать, в развитие этого верного тезиса, иногда полагают, что полная свобода индивидуума невозможна без полной свободы в области половых отношений — это якобы естественно для человека. Не возникает ли при таком подходе опасности абсолютизации половой свободы, создания культа полового наслаждения? А ведь такой культ привел бы к одностороннему развитию человека, не к обогащению, а к обеднению его личности, да и антисоциальный смысл его очевиден.

С.Г. Половая любовь, половое наслаждение играют в жизни современного человека гораздо большую роль, чем в прошлой жизни, но это не значит, что мы стали одностороннее. Наоборот, дело как раз в том, что внутренний мир человека вообще стал намного шире, чем прежде, все другие его интересы также стали намного глубже и многообразнее. Человек сейчас меньше, чем когда-либо прежде, может быть поглощен только любовными переживаниями. Это яркие, сильные переживания, но кроме них существуют и радости труда, творчества, познания, интеллектуального созерцания, радости материнства и отцовства. Конечно, можно искусственно раздуть все, что связано с эротическим влечением. Спекулируя на исторически обусловленном стремлении современного человека сделать свою жизнь эмоционально наполненной, можно превратить секс и все, что с ним связано, в предмет купли-продажи, в источник наживы.

Именно это происходит или уже произошло во многих странах Запада. Однако было бы ошибочно думать, что такое развитие соответствует исторической тенденции. Наоборот, «сексуальная свобода», как она часто понимается на Западе, отбрасывает человека к отчужденности и бездуховности половой жизни прошлого, а не ведет его к одухотворенной и эмоционально насыщенной любви будущего.

А.В. А если говорить о половой свободе без кавычек? Ведь мы действительно смотрим на многие вещи свободнее, чем прежде — значит ли это, что мы движемся ко вседозволенности?

С.Г. По-моему, нет. Мы стали намного свободнее в своем поведении, когда речь идет о нашей интимной жизни, мы можем не оглядываться ни на кого, кроме самих себя. Но то, что социологи называют социальным контролем над индивидуальным поведением, не исчезает, а лишь меняет форму. Увеличение индивидуальной половой свободы означает не переход ко вседозволенности, а переход к контролю, опирающемуся на внутреннюю убежденность, на совесть и достоинство человека, на уже не раз упомянутую культуру чувств.

А.В. Значит, воспитание чувств сегодня — это двуединая задача. С одной стороны, мы идем к более свободному, более естественному взгляду на вопросы пола, к признанию важности и высокой ценности полового наслаждения, права человека на такое наслаждение...

С.Г. А с другой, мы все лучше понимаем ничтожную ценность примитивного, бездуховного эротизма, оголенного физического влечения, не окрыленного глубоким и ярким чувством. Ибо, как писал еще Платон, «не всякий Эрот прекрасен и достоин похвал, а лишь тот, который побуждает прекрасно любить».

О БЕДЕ РАЗВОДА И СЕМЕЙНОМ СЧАСТЬЕ¹

В XX в. разводом никого не удивишь. Ежегодно в стране создается более 2700 тыс. семей. Почти 5,5 млн человек, исполненных самых радужных надежд, открывают первую страницу книги своей семейной жизни. В то же время почти 2 млн человек ежегодно захлопывают ее, не дочитав, перечеркивая супружеский союз чертой развода.

Еще 20 лет назад в стране расторгалось менее 300 тыс. браков. В 1966 г. число разводов перевалило за 600 тыс. — видимо, сказалось существенное упрощение процедуры расторжения брака; увеличилось число не столько фактических, сколько зарегистрированных разводов. Ну, а дальше? В 1974 г. распалось более 700 тыс. семей... В последние годы положение как будто стабилизировалось, но все же едва не миллион разводов ежегодно — это, согласитесь, много! По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., почти каждая десятая женщина в возрасте 30—60 лет разведена.

Чем плох развод? Тем же, чем плохо любое крушение. Было что-то живое, целое, что-то создавалось, росло, объединяло, звало в завтрашний день. Вдруг — шторм, ураган, и вот уже колышутся на волнах обломки того, что еще вчера заполняло жизнь, а сегодня утрачено. Утрачено навсегда. Навсегда расстанутся мужья и жены, отцы разлучены с детьми, бабушки — с внуками. Разделены квартиры, мебель, книги, нередко и общие друзья... Обломки не соединить, волны разносят их все дальше и дальше...

Развод имеет множество печальных последствий. Алименты, как известно, — не зарплата; даже в чисто денежном отношении разведенной матери с ребенком, а тем более с двумя-тремя детьми, приходится порой туго. Но уход за детьми, их воспитание — это ведь еще и нелегкий труд,

¹ Неделя, 17–23 сентября 1984. №38.

физический и моральный, труд, который женщине теперь не с кем разделить. И ничья помощь не заменит помощи отца — равноправного и равнообязанного участника воспитания детей. Давно ли выросли поколения ребяташек, которых война оставила без отцов, — и вот новая безотцовщина...

Конечно, кому-то из разведенных удастся вступить в новый брак. Но далеко не сразу и не всем. Вступление в повторный брак растягивается обычно на 15—20 лет, но даже к концу этого периода вновь выходит замуж только половина разведенных или овдовевших женщин. Так что для многих развод оборачивается в дальнейшем одиночеством. Что скрывать — и новый супружеский союз, если он возникает, не всегда решает вопросы, порожденные разводом. Скажем, ребенок от первого брака во второй семье — проблема сложная.

Развод — всегда поражение. Ведь никто не создает семью с намерением через какое-то время расстаться. Вы женитесь или выходите замуж, искренне веря, что закладываете фундамент собственного будущего. А вот возвести на этом фундаменте что-то путное удастся не всем.

Отчего брак дал трещину? Вы пытаетесь припомнить разные конфликты, возникавшие в вашей семье, и приходите к выводу, что развелись, скажем, из-за пьянства мужа или легкомыслия жены, или неумеренного вмешательства в вашу жизнь тещи... И все это, наверное, будет правда. Только правда. Но не вся правда.

Вдумайтесь: какая семья не знает конфликтов? Но все понимают: если то, что соединяет супругов, сильнее того, что их разъединяет, конфликты возникают сравнительно редко, гасятся легче. Даже серьезные разногласия, сильно лихорадящие семью, не обязательно ведут к гибели брака. Многие замужние женщины и женатые мужчины придерживаются компромиссной тактики, мирясь даже с хронической напряженностью обстановки в их семьях. Слово «тактика» здесь вполне уместно. Да, лишь очень импульсивные натуры идут, чаще по молодости, на расторжение брака без крайней нужды; но их, к счастью,

немного.

Все, однако, складывается иначе, если силы, скрепляющие брак, оказываются слабее тех, что его разрушают, а общая неудовлетворенность супружеским союзом достигает критического уровня. Вот эта неудовлетворенность и лежит в основе преобладающей части семейных конфликтов, образуя их первопричину: любая ерунда превращается в источник конфликта, а любой конфликт ставит под угрозу само существование семьи.

Но если степень неудовлетворенности браком может быть меньшей или большей, то она может оказаться и настолько большой, что число конфликтов и их сила становятся для семьи просто губительными. Совместная жизнь супругов делается нестерпимой, бессмысленной, часто ведет к утрате человеческого достоинства, травмирует детей. Что ж, и в этом случае следовать тактике компромиссов? Думаю, нет! С какого-то момента совместная жизнь супругов теряет всякий смысл, более того, порой становится безнравственной. Если возможности терапии исчерпаны, необходима операция. Конечно, надо семь раз отмерить, прежде чем решиться на нее, — ведь сделанного не вернешь; и двадцать лет спустя можно жалеть о поспешном решении. Но если иного выхода нет, значит развод оказывается порой не так уж плох. В определенной ситуации он даже и спасителен. И прежде всего тем, что позволяет более или менее пристойно выдворить из дома останки неудавшегося союза, не дать им отравлять жизнь членов распавшейся семьи, помогает хоть как-то упорядочить то немногое, что остается на пепелище брака.

Каждый развод — отдельная беда, свидетельство крушения еще одной семьи. Но институт развода, как видим, все-таки благо. Вспомним, что право на развод завоевано в долгой борьбе, связано с социальным прогрессом, раскрепощением женщины, формированием личности нового человека. В дореволюционной России частота разводов измерялась тысячными долями процента. Что, столь безгранична была тогда гармония брака? Столь велико семейное согласие? Конечно же, нет'. Велика была

подавленность человека, его непритязательность в семейной жизни, велико было его бессилие что-либо изменить в ней. Но одного роста уровня притязаний к браку недостаточно, должно меняться реальное содержание семейной жизни, иначе возникает разрыв между желаемым и действительным, семейному очагу не хватает «тяги», растет неудовлетворенность браком...

Хотеть хорошего всегда легче, чем его иметь. По мановению волшебной палочки здесь ничего не делается. Что ж, может, попытаться уменьшить разрыв, воздействуя на притязания, сделать их более умеренными, более скромными? Попробовать, конечно, можно, но этот путь — не главный. Семейные идеалы связаны со всей системой идеалов общества; они и побуждают нас перестраивать семейные отношения, делая их все более похожими на те, какими мы хотели бы их видеть... Ну а поскольку пока нам не уйти от разрыва между желаемым и сущим в семейных делах, то, мне думается, не избежать и разводов. Потому-то отношение к разводу не может быть однозначным. Первая реакция — ужасаться быстрому росту числа разводов, — по-моему, наивна. В 1978—1979 гг. среднегодовое число разводов на тысячу супружеских пар составляло в Латвии 22, на Украине — 15, в Узбекистане — 8. Значит ли это, что в Узбекистане положение было наилучшим, а в Латвии наихудшим? С другой стороны, за предыдущее двадцатилетие число разводов в Латвии выросло вдвое, на Украине — втрое, в Узбекистане — почти в шесть раз. Так что же, может быть, положение хуже всего как раз в Узбекистане?

Скорее всего, и тот, и другой ответы неверны. Думаю, здесь вообще не отделаться односложным ответом. За высокой частотой разводов, быстрым их ростом стоят, видимо, самые разные социальные изменения, подчас довольно сложные. Как ни парадоксально это звучит, некоторые из них связаны с укреплением семьи, с переходом ее на качественно новый, более высокий уровень.

Сейчас большинство из нас живет в семьях, основу которых составляют муж, жена и их дети. Такая семья,

получившая название супружеской, или нуклеарной, исторически очень молода. Еще недавно она существовала лишь в зачаточном виде. Отношения между мужем и женой, между родителями и детьми четко не вычленились среди других отношений внутри большой семьи, не были развиты. Поэтому и требования человека к этим отношениям были невелики. Недаром невест оплакивали, выдавая замуж. Важно было, чтобы человек удовлетворял семью, чтобы был достаточно работящ, достаточно покорен. Вопрос о том, удовлетворяет ли семья человека, вообще не стоял.

Переход к супружеской семье все изменил. Принцип «человек для семьи» уступил место принципу «семья для человека». Человечество сделало величайшее открытие, имя которому — семейное счастье. Оказалось, что жизнь в супружеской семье может способствовать реализации интимных стремлений человека, проявлению его неповторимого Я. Это очень важно для каждого, приносит нам особое удовлетворение, которое и есть то самое упомянутое выше счастье.

Конечно, стопроцентно счастливая семья — редкость; жар-птица, о которой все слышали, но которую, может быть, никто не видел. Нас окружают семьи более или менее счастливые, в чем-то счастливые, в чем-то нет. Что поделаешь, рай — это то место, где нет живых людей... Но полное отсутствие семейного счастья, а то и откровенно несчастная семейная жизнь, прежде воспринимавшиеся как нечто неизбежное, сегодня непереносимы, как непереносимо рыбе отсутствие воды, а птице — неба. Вопрос о том, удовлетворяет ли человека его семья, сегодня стоит очень остро. И это, думается мне, скорее хорошо, чем плохо, хотя и отзывается ростом числа распавшихся браков.

Велик соблазн признать, что этот рост — неизбежная плата за прогресс семейных отношений, и на том успокоиться. Но вряд ли это будет правильно. В увеличении числа разводов, думается мне, повинны и наш порой недостаточный интерес к конкретным противоречивым формам проявления эволюции семейных отношений, наша пассивность перед

лицом ее неоднозначных последствий. Долгое время семейной теме не уделялось достаточного внимания.

К счастью, в последние годы положение изменилось. Заметно повысился престиж семьи, ее место на шкале социальных ценностей. Семейное счастье стало предметом серьезного общественного интереса. Это очень важно. Теперь по-иному может стоять вопрос о подготовке молодежи к браку и семейной жизни, об оказании психологической помощи семье, иными словами — о профилактике развода. Так что, быть может, недалеко время, когда разрыв между желаемым и действительным в браке пойдет на убыль — тогда хотя бы часть семейных крушений удастся предотвратить.

Но эти надежды едва ли сбудутся, если рост общественного интереса к семейным проблемам не будет сопровождаться ростом нашей личной ответственности за собственные семейные дела. Удовлетворенность семейной жизнью, семейное счастье не возникают из одних только намерений вступающих в брак людей, даже если в этот момент их связывает глубокое чувство. Самые благие намерения должны ежедневно подкрепляться совместной деятельностью супругов — по строительству своей семьи, экономической и нравственной ответственностью за нее.

Получить свидетельство о регистрации брака, принять поздравления родных и друзей несложно. Труднее построить счастливую семью, сохранить ее. Не надо жалеть на это усилий — они окупятся.

СЕМЬЯ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА¹

Анатолий Григорьевич, в последнее время в весьма трудной демографической ситуации, кажется, забрежжил просвет, так?

Похоже на то. Средняя продолжительность жизни, которая не только не росла, но и несколько снижалась, увеличилась нынче почти на два года, а у мужчин — даже на 2,6 года. Коэффициент рождаемости в 1986 г. — самый высокий за период с 1964 г. Соответственно вырос и среднегодовой прирост населения — впервые за последние двадцать лет он превысил один процент.

В чем причина такого роста? В мерах экономической помощи семье?

Эти меры, несомненно, играют очень заметную роль в повышении рождаемости, но не только они. Мне кажется, сказались и хорошо известные позитивные изменения в «социальном климате». Мы часто недооцениваем этот фактор.

Неужели его влияние на рождаемость может быть существенным?

Может. Знаете ли вы, например, что в свое время, по оценке социологов, рождаемость в стране снизилась... из-за смерти Сталина? Однако уже в следующем году шок прошел, и люди поняли, что мир не перевернулся, жизнь продолжается. И показатели рождаемости восстановились и даже несколько возросли. В своем демографическом поведении население, несомненно, реагирует на социально-политическую обстановку в стране. Надежды на позитивные

¹ Интервью корреспонденту газеты «Труд» Л. Алимамедовой (Труд, 6 февраля 1988). Опубликовано под названием «Личная жизнь». Несколько позднее я случайно обнаружил перевод этого интервью в польской газете «Fogim» (21 апреля 1988 № 16), где оно вышло под заголовком «Семья для человека». Это название, как мне кажется, лучше передает содержание беседы. — *Авт.*

перемены в нашей жизни, связанные с перестройкой, характерны для общественного настроения последних лет. Это не может не сказаться благотворно и на демографической ситуации.

Впрочем, упрощать здесь не следует. Есть глубинные процессы, которые шли, идут и будут идти по своим законам.

Давайте, однако, вернемся к заботам современной семьи. Наша почта отражает неудовлетворенность многих читателей своей семейной жизнью, озабоченность большим числом разводов. Что вы могли бы сказать по этому поводу?

В целом по стране у нас один развод приходится примерно на три брака, но это отнюдь не значит, что распадается каждый третий брак данного года, как это нередко представляется. Среди разведенных есть люди, прожившие вместе и пятнадцать, и двадцать лет. Ежегодно по причине развода распадается приблизительно 1,4% супружеских пар.

Но и это, согласитесь, немало — чуть ли не миллион разводов в год!

Верно. Но мы совершим ошибку, если, негодуя по поводу многочисленных разводов, не дадим себе труда увидеть всех переживаемых семьей глубинных перемен. За последние десятилетия очень сильно выросли притязания людей. Это относится не только к семейной жизни. Мы очень много ждем от своего брака. А наши повышенные, а то и завышенные, ожидания, увы, далеко не всегда сбываются.

Следует ли из этого, что надо умерить свои притязания?

Не думаю, чтобы мы преуспели, если бы захотели двигаться по этому пути. Тем более не уверен, что этого надо хотеть. Ведь возрастание притязаний вызвано немалыми переменами в самом человеке: ростом его гражданского самосознания, чувства достоинства, активного отношения к миру. Принцип «человек для семьи», по которому люди жили

веками, потерпел крах.

Чем же он плох, этот принцип?

В свое время он был вовсе не плох. Но человеку все труднее становилось чувствовать себя бессловесным винтиком — большой ли государственной машины или маленькой, семейной. Наш сегодняшний принцип — «семья для человека». Мы, наконец, заговорили о семейной гармонии, о счастье в супружестве. Ныне мы связываем с семейной жизнью надежды на осуществление своих глубинных, интимных стремлений и чаяний — потому и страдаем, когда наши ожидания не оправдываются. В том-то и дело, что за высоким числом разводов сегодня стоят социальные перемены в обществе, поднявшие достоинство человека, за ним стоит переход семьи на более высокий уровень...

Но выходит, что в новом принципе как бы изначально заложена непрочность современной семьи?

И да, и нет. Просто жизнь многих семей еще отстаёт, «не дотягивает» до нового идеала. Наверное, вам известно, что большинство разводов совершается по инициативе женщины, даже если она остается с ребенком на руках, а то и с несколькими детьми?

Да. В чем тут дело? Может быть, требования современных женщин к семейной жизни слишком высоки?

Это как посмотреть. Патриархальная семейная мораль ставила женщину в подчиненное положение. Мужчины с давних времен привыкли к своим привилегиям и не очень-то охотно расстаются с ними. А женщины не хотят больше мириться с этими «родовыми» привилегиями, бунтуют против них. Разводясь, они во многом проигрывают, но в чем-то, очень важном для них, и выигрывают. Хотя, конечно, едва ли надо радоваться выигрышу, купленному такой ценой...

Развод — это всегда потери, но мы обречены нести их, пока не поймем: быть счастливым в «семье для человека» —

не легче, а намного труднее, нежели в семье старого образца, по типу «человек для семьи». Семья способна сегодня дать людям неизмеримо больше, зато и требует большего от каждого из нас. Говоря словами Достоевского, нисколько не устаревшими, она «созидается, а не дается готовою... Тогда только это и крепко, тогда только это и свято. Созидается же семья неустанным трудом любви». Способны мы на такой труд — семья будет прочной, нет — рассыплется...

Значит ли это, что Вы считаете развод в определенных случаях благом?

Конечно. Какой же смысл сохранять союз, в котором уже оборваны главные связующие нити, духовные связи, потеряно взаимное уважение, любовь — все то, на чем семья держится? Таких ситуаций, когда развод — благо для всех членов семьи, кстати, немало...

Например, когда причиной разлада становится пьянство одного из супругов или супружеская неверность?

Тут тоже не все однозначно. Пьяный муж или отец, а порой пьяная жена или мать, конечно же, не герои «труда любви» — это уж точно. Расхожая фраза «Пьянство — враг семьи» абсолютно верна, но всегда ли ясно, где тут причина, а где следствие? Потому ли семейная жизнь не удалась, что человек пьет, или он пьет, потому что жизнь в семье не сложилась? То же и с супружеской неверностью. По-всякому бывает... Если внутренние скрепляющие семью силы велики, то и пьяный дебош, и супружеская измена останутся пусть горьким, но эпизодом. А если отношения между мужем и женой по всем направлениям зашли в тупик, если ложь громоздится на ложь, оскорбление на оскорбление, если люди стали чужими друг другу, — тогда лучше расстаться. И вряд ли стоит соглашаться с распространенным мнением: надо, дескать, терпеть ради детей, любой ценой сохранять семью. Детям жить в такой семье столь же противопоказано, как и взрослым. Так что бороться надо не против разводов как таковых, не против «регистрации смерти брака», а за то,

чтобы браки были более жизнеспособными.

Вернемся к детям, к вопросу о рождаемости. На какую высоту поднята сегодня демографическая «планка» — сколько детей предпочтительнее иметь в семье?

Вообще-то это личное дело каждой семьи. У меня у самого, к примеру, двое детей. Могу ли я призывать других иметь больше? Но как демограф я знаю, что этого недостаточно для воспроизводства населения. Острота проблемы сейчас в том, что у нас все еще слишком много однодетных и слишком мало трехдетных семей. С демографической точки зрения желательно, чтобы часть однодетных стала двухдетными, а часть двухдетных — трехдетными.

Способствует ли этому проводящаяся у нас демографическая политика?

Несомненно. И тем, что повышает общественный престиж материнства (в меньшей степени отцовства, а надо бы!), и тем, что до ста рублей увеличено единовременное пособие на третьего ребенка, и тем, что в некоторой мере облегчены условия для воспитания маленьких детей и для сочетания материнства с профессиональной деятельностью. Особенно важным мне представляется частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком, который в нынешней пятилетке предполагается увеличить до полутора лет, да плюс еще шесть месяцев неоплачиваемого отпуска.

Существует мнение: чем больше функций по обслуживанию семьи государство будет брать на себя, тем больше детей будет рождаться. Так ли это?

Не уверен. Мы рожаем детей для себя, а не для того же детского сада, хотя сад, безусловно, нужен, как нужно и многое другое, что может разгрузить родителей, особенно женщину. И все же и для женщины, и для мужчины, и для ребенка дом должен оставаться домом, семья — семьей. Я верю, что исчезнут, наконец, очереди — эта сыпь на теле

наших городов, что каждой семье станет доступна совершенная техника, упрощающая домашний труд. Но освободить нас вообще от всякого домашнего труда, от заботы о детях — в этом я вижу что-то безнравственное... Каким человеком вырастет ребенок, не знавший постоянных родительских забот? И откуда возьмется привязанность к детям, за которыми ты никогда не ухаживал? Да зачем вообще родителям нужны такие дети?

Семейный очаг мал, но от него исходит такое тепло, какое не получишь ниоткуда. Смысл заботы о семье не в том, чтобы избавить ее от присущих ей функций, а в том, чтобы всячески содействовать их выполнению. Чтобы она могла без помех осуществлять свое общественное предназначение и дать человеку то, без чего его благополучие никогда не будет полным, — счастье в семейной жизни.

НАША СЕМЬЯ¹

Велик зазор между притязаниями людей в своей семейной жизни и реальностями их повседневного существования в обществе

Анатолий Григорьевич, а существуют ли вообще какие-то особенности у советской семьи?

Особенности есть у всех. Но мне кажется, качественных отличий, которые напрочь отделяют нас от «других», нет. Когда мы говорим о советской семье, в это вкладывается некий, я бы сказал, возвышенный смысл. На деле же часто — это толстый слой лака, мешающий увидеть реальную семью и ее проблемы.

Брошенные дети, конфликты между близкими людьми, взаимное непонимание... По-вашему, семья у нас действительно на грани гибели? И если да, то в чем причины? Семью даже сравнивают с Аралом, который гибнет.

Аналогия с Аралом заманчива, но я ее не принимаю. Не хотелось бы, конечно, впадать в дешевый оптимизм и произносить дежурные фразы, только я все же убежден, что эта болезнь пройдет, и семья, вероятно, видоизменившись, обретет новые силы.

А теперь о корнях проблем. Корни эти во многом исторические. Семья в ее прежнем виде, присущие ей мораль, система отношений все меньше удовлетворяют человека, велик зазор между притязаниями людей в своей семейной жизни и реальностями их семейного существования.

Когда же возник этот зазор? Не тогда ли, когда у нас была успешно ликвидирована патриархальная и буржуазная семья? Ведь ничего нового у нас, по сути, не создано. И вообще «советская семья» — не пропагандистское ли клише?

¹ Интервью корреспонденту газеты «Неделя» Виталию Мухину (Неделя, 1989 № 4).

Я с вами не совсем согласен. Кое-что создано, кое-что создается, вырастает из того, что было разрушено или погибло. Картина очень пестрая, поэтому, кстати, и уклоняюсь от того, чтобы говорить о каком-то едином типе советской семьи. Но вопрос о том, как наша семья соотносится с патриархальной и буржуазной, конечно, правомерен.

Буржуазная семья в предреволюционной России была, но преобладала — и очень сильно — семья патриархальная, крестьянская. Говорить об этой семье сейчас не так-то просто, потому что есть много, если можно так выразиться, социальной боли, связанной с ее гибелью. Да и боли просто человеческой.

Веками держался семейный уклад, хорошо подогнанный ко всем обстоятельствам народной, крестьянской жизни, согласованный с ритмами природы, с характером сельскохозяйственного труда, с принципами организации сельской общины. Этот уклад предопределял место человека в семье, а в какой-то мере — думаю, немалой — и во всей общественной жизни. Патриархальная семья — авторитарная конструкция. Безусловный авторитет «патриарха», «главы семейства» сочетался с жесткой дисциплиной для всех его членов, с явным преобладанием интересов семейного коллектива над интересами отдельных составляющих его людей. За это они получали определенную экономическую и социальную защиту, так что в системе патриархальных семейных отношений существовало свое равновесие.

Это, между прочим, удобная платформа для появления разного рода «сильных личностей».

Может быть. Ходила поговорка: «Большой в доме, что хан в Крыму» (это о главе семейства). Но дело не в личности, а в системе отношений. Если, как это и было на самом деле, семейная структура строится как иерархическая пирамида, даже и ничтожная личность, оказавшись на вершине пирамиды, выглядит сильной. Нравственная норма требует видеть ее такой. Когда же подобная система отношений постоянно воспроизводится в миллионах семей, она

неизбежно проецируется на все устройства общества. Семейное самодержавие и самодержавие государственное внутренне тесно связаны.

Так что же: долой семейное самодержавие?!

Да, что-то в этом роде. В XIX в., особенно после отмены крепостного права, в России все очень быстро менялось, самое главное — менялся сам человек. Появились новые люди, для которых ценности патриархальной коллективности становились все менее значительными, на первое же место выходили ценности индивидуальной свободы, самореализации личности, возможности выбора жизненного пути и т.д. Я говорю сейчас не о крупных фигурах российской истории XIX в., а о рядовых: крестьянах, мещанах и т.д., новые люди нарождались в каждом заштатном городке, в каждой деревне. И тогда система патриархальных отношений вступила в полосу острейшего кризиса. Это означало, в частности, кризис политической системы. Отсюда «долой самодержавие!». Но столь же глубоким был и кризис патриархальной семьи. Отсюда, если хотите, «долой семейное самодержавие!», хотя такие слова, думаю, никогда не произносились.

Дело не в словах, а в смысле. То, что вы говорите, это нынешний взгляд на события вековой давности или так они осознавались еще тогда?

Вот что писал, например, Глеб Успенский: «Все зашаталось, все рвется из тисков, из нескладных условий, требует своего; все это, задохнувшееся в деспотизме свекрови, отца, мужа, жены, брата, рвется на свободу, не хочет покоряться...» Да, можно сказать, вся классическая литература — о кризисе старой семьи: и «Анна Каренина», и «Гроза», и «Дама с собачкой»... А суть кризиса в том, что появлялось все больше людей, которым становилось невыносимо тесно в рамках семейных отношений, еще недавно бывших вполне приемлемыми. В обществе накапливался заряд протеста против старой семьи, он сливался с нараставшим в стране

протестом против всех устаревших форм жизни.

А в конце концов это-то и привело к отрицанию семьи вообще...

На какое-то время. После революции, избавляясь от того, что действительно отжило свой век, нередко пускали под нож и то, что было живым и нужным. В 1920-е года у нас имелось немало ниспровергателей семьи, кое в чем они преуспели. Но я бы не стал сейчас бросать в них камень. Какая-то правда была и на их стороне. Только, конечно, не вся правда.

Вы считаете, что в чем-то они были правы? В чем же? Может быть, в своих призывах ликвидировать семейный быт, изъять из семьи воспитание детей?

Ну, такие призывы мы слышим иногда и сейчас. Их, по моему, отвергла сама жизнь. Но она же подтвердила правильность некоторых разрушительных — по отношению к старой семье — идей двадцатых годов. Общество никогда не вернется к запрету развода или аборта, к вступлению в брак по воле родителей, к неравноправному положению женщины в семье, деспотизму мужа или отца. По всем этим чертам семейных отношений в первые послереволюционные годы был нанесен сильнейший удар. Тогда многим казалось, что это удар по семье вообще. Одних это радовало, других огорчало, но и теми и другими плохо осознавались семейные ценности, которые могли и должны были сохраниться и послужить основой семейных форм и отношений.

А что происходило в это время с буржуазной семьей? Не несла ли она в себе ростки этих новых форм?

В какой-то мере несла. Буржуазная — а я бы предпочел здесь сказать городская (кстати, первоначальное значение слова «буржуа» — горожанин) — семья, в принципе, способна противопоставить ценностям патриархальной семьи альтернативные ценности: демократизм внутрисемейных отношений, равноправие мужчины и женщины, всех членов семьи, их относительную автономию, уважительное

отношение к детям и так далее. Но беда в том, что в дореволюционной России такая семья только нарождалась, была типична лишь для немногочисленных слоев — дворянства, городской буржуазии, интеллигенции. В тридцатые годы от них мало что осталось. Свойственная этому типу культура семейных отношений не исчезла, она продолжала влиять на процессы эволюции семьи. Но из-за малочисленности истинно городских семей и их не самого престижного положения в те времена это влияние было, к сожалению, ограниченным.

Еще один вопрос исторического плана. Оглядываясь на наше прошлое, трудно найти период, когда бы семья не ощущала на себе последствий разного рода социальных катаклизмов. Как повлияли на ее судьбу войны, коллективизация, раскулачивание, репрессии тридцатых годов?

Насильственно разрушая вековой уклад деревенской жизни, выбивали почву из-под ног крестьянских семей, которых было большинство, при этом утрачивались не только те ценности, которые, возможно, уже отжили свое, например беспрекословное сыновнее послушание родителям. Приветствуя донос сына на отца, отречение жены от мужа, посягали на такие ценности, без которых не может существовать никакая семья. Дорого стоили семье и другие «социальные катаклизмы». Та же война, лишившая миллионы людей возможности создать семью, лагеря, поглотившие едва ли меньше людей, чем поля сражений.

А возьмите массовые переселения крестьян, в большинстве своем молодых людей, в города. Подумать только: между 1926 и 1939 г. городское население страны увеличилось на 34 млн человек! С 1940 по 1960 г. — еще на 40 млн! Новоиспеченным горожанам нетрудно было услышать от городских агитаторов, что плохого было в их прежней, деревенской жизни, и кое-что в этой критике было правдой. Хотя, наверное, не все. Но с позитивной программой дело обстояло хуже. Бараки тогдашних городов совсем не походили на дворцы из четвертого сна Веры Павловны. Да и

сами новые идеи — отказ от семейного быта, дома-коммуны, обобществление воспитания детей — оказались не столь уж привлекательными.

Получается, что многие миллионы семей очутились в тупике: им не было ходу ни назад, к патриархальным ценностям, ни вперед — к городским.

Да, образовались многочисленные маргинальные, как сказал бы социолог, слои. От одного культурного берега они уже отчалили, а к другому не пристали. Но семьи ведь продолжали образовываться. Их существование между двумя берегами оказалось очень сложным, регулирующее влияние культуры на их жизнь — резко ослабленным. Семья вступила в полосу затяжной болезни, о которой мы с вами уже упоминали.

Но тогда никто не помышлял о лечении.

Нет, лечить пытались. Но, к сожалению, слишком привычными для нас методами, загоняя болезнь вглубь. Я уже говорил, что в двадцатые годы сильны были разрушительные тенденции. Тридцатые-сороковые «качнули» маятник в другую сторону, ознаменовались возвратом к консервативно-охранительным взглядам на семью и попытками повлиять на ее развитие в духе добрых старых времен, когда в случае чего мазали ворота дегтем. Считалось, например, нормальным, что жена с жалобой на загулявшего мужа обращается к нему на работу, а партбюро «принимает меры». Но становилась ли семья здоровее от такого лечения? Едва ли. Люди научились от него уклоняться. У нас долгое время косо смотрели на разведенных, процедура развода была усложнена. В 1965 г. ее упростили, и число разводов за год увеличилось почти на 300 тыс. — чуть ли не вдвое. Неужели за год произошла такая деградация семьи? Да нет, просто тайное стало явным.

Следует, видимо, понимать Вас так, что методы воздействия на семью были просто разновидностью командно-административных методов управления общественными процессами, сложившихся в сталинские

времена? Была ли у самого Сталина какая-нибудь четкая линия в отношении семьи?

Не думаю, что у него была какая-то определенная концепция на этот счет. Мне кажется, что внутренне ему ближе был авторитаризм патриархальной семьи хотя бы потому, что ему вообще должно было нравиться всяческое самодержавие, строгая иерархия, жесткая дисциплина. Но все-таки плавным для него была политика. Поддерживая идеологически консервативную семейную мораль и, вы совершенно правы, насаждая ее командными методами, он подыгрывал настроениям очень широких слоев народа, воспитанных еще в патриархальных традициях, ориентируясь особенно на маргинальные слои, которые легко поддаются идеологическому манипулированию. И здесь он во многом преуспел. Причудливая смесь патриархальных уравнилельно-коллективистских идеалов, революционной фразеологии, окрашенных в патерналистские тона социалистических лозунгов, затвердев, превратилась в идеологический цемент высшей марки, сплошь и рядом он сохраняет прочность до наших дней, скрепляет, между прочим, и мифологию «советской семьи образцовой» (как пел А. Галич).

Итак, корни сегодняшних семейных проблем уходят очень далеко — в сталинские, и даже в дореволюционные времена. Не накопилась ли за многие десятилетия такая инерция разрушения семьи, которая делает всякое лечение этого института запоздалым?

Нельзя сказать, что за последние сто лет семья испытывала только разрушительные воздействия. Много было против семьи, но историческое развитие, как мне кажется, отнюдь не исчерпало возможностей этого древнего института. Более того, приведя старую семью к кризису, оно создало предпосылки формирования нового типа семьи и семейных отношений. Старому принципу «человек для семьи» история противопоставила новый принцип — «семья для человека».

Новые семейные формы, новый строй семейных

отношений порождают и новые проблемы. Я знаю только, что не следует шараться от всего непривычного, спешить мазать ворота дегтем. От добра добра не ищут. А если какие-то поиски идут, значит в этом есть общественная необходимость. Почему мы должны с недоверием относиться к практике миллионов людей? Мы должны извлекать из нее уроки, идти ей навстречу.

Мы — это кто? Ученые?

Не только. Все наши общественные институты. Если мы не будем считаться с новыми явлениями в жизни семьи, может повториться позорная история с абортами. Мы их то запрещали, то не замечали — вот и пришли к тому, что в одной только России у нас в год их делают не менее 4,5 млн — примерно 190 абортотворений на 100 рождений. Для сравнения: во Франции этот показатель равен 23, в Англии — 20, в ФРГ — 14. Наши специалисты еще до революции предлагали «устремиться к усовершенствованию и распространению мер, предохраняющих от беременности», с тем, чтобы вытеснить аборт. Весь мир устремился, а мы?..

Недавно, насколько мне известно, по инициативе Советского детского фонда создана Ассоциация планирования семьи, и Вы — один из ее руководителей.

Не совсем точно. Это не ассоциация планирования семьи, а ассоциация «Семья и здоровье», она ставит перед собой более широкие цели защиты социального, психического и физического благополучия советской семьи. Первостепенное внимание будет уделено охране здоровья матери и ребенка и, конечно, созданию условий для свободного и ответственного родительства. Но общую стратегию ассоциации еще предстоит выработать. В будущем она видится мне массовой, дающей возможность семьям бороться за свои права и интересы. Как добиться массовости и демократичности ассоциации? Как избежать бюрократизации этой общественной структуры? Я пока не очень себе представляю.

Убежден лишь в одном: никто не поможет семье больше,

чем она сама, выступая как демократическая сила. Большого опыта у нас здесь нет. Надо думать и надо пробовать.

ПОХВАЛА СЕМЬЕ¹

1.

Многие иные доспехи, какие знавала социальная история, могут позавидовать прочности этой вечной кольчуги. Мы рождаемся, живем и умираем в семье, так было с незапамятных времен, и есть, верно, какие-то очень истинные основания того, что судьба каждого человека так неразрывно переплетается с судьбой его семьи — сперва родительской, потом собственной.

Я убежден в том, о чем пишу, но смогу ли убедить тех, кто думает иначе? В новогоднем номере «ЛГ» было напечатано письмо читательницы, считающей, что «человеку надо быть одиноким», дабы не отказываться от своих личностных интересов. А семья видится ей «той гаванью, куда ставят уже списанные корабли, отслужившие свой срок». Письмо это удивительным образом совпадает с тем, о чем говорят иной раз мои собратья по научному цеху, уверенные в нарастании «перевеса внесемейных ориентаций над семейными». На бумаге семью кое-где уже совсем списали. Возьмем, например, изданную недавно большим тиражом книгу о социалистическом образе жизни. Мы не найдем в ней не то что отдельной главы о семье, отдельного параграфа на худой конец. Ни единого слова! Второстепенная, несущественная деталь нашего образа жизни эта семья, так что ли?

Петь в хоре всегда легче, чем одному. Может быть, и впрямь семья уже отслужила свое? Посмотрите, сколько важнейших функций она растеряла: перестала быть основной производственной ячейкой общества, единственным источником экономической независимости человека. К другим общественным институтам перешли функции общеобразовательной и профессиональной подготовки молодежи, в больнице вылечат заболевшего, собес обеспечит на старости лет...

¹ Литературная газета, 18 февраля 1981. Статья была опубликована под названием «Похвала дому», здесь восстановлено авторское название.

Не очевидно ли, что, лишаясь прежних функций, семья теряет и свое былое значение? Сама история выносит ей свой приговор — против чего тут спорить?

Есть против чего. Меньше всего здесь уместен арифметический подсчет: было столько-то функций, осталось столько-то. Семья — не детская игрушка, которая легко разбирается на части. Она — живая, в ней все сложнее. Не так просто и с отпадением ее основных функций, очевидным лишь для близорукого.

Семья меняется — это верно. Отслужила службу не семья вообще, а семья определенного исторического образца. Но ей на смену приходит семья нового типа, с иными функциями. И семья необходима сегодняшнему человеку так же, как и вчерашнему, хотя, может быть, основания этой необходимости, сейчас иные, чем прежде.

2.

Мы часто слышим: школа должна стать ребенку вторым домом, Согласен: современная семья не может обойтись без помощи школы, одной ей не справиться с разносторонней подготовкой детей к самостоятельной жизни. Нашу жизнь нельзя представить себе и без детских садов, пионерских лагерей, без всех этих вторых домов, которым мы безбоязненно вверяем наших детей, зная, как много доброго дает пребывание в них и самим детям, и их родителям, да и всему обществу. Семья делит свои функции по воспитанию детей с другими общественными институтами, что совершенно закономерно. Но именно делит, а не отдает их на сторону целиком — в этом вся суть.

В семье ребенок сталкивается с неисчислимым множеством реальных жизненных ситуаций и типов взаимоотношений, которые для школы вообще как бы не существуют. Школа не может ввести по-настоящему в круг даже самых обычных, повседневных обязанностей: уборки, стирки, приготовления пищи, хождения в магазины. А можно ли в школе понять, что такое деньги, как они достаются, научиться разумно их тратить? Разве там получаем мы первые

уроки присмотра за ребенком, ухода за больным, стариком? Школа может привить ответственность за порученное дело, но в семье человек лучше понимает ответственность за то, чего никто не поручает...

Разумеется, на семейной сцене разыгрываются и недетские, порой очень неприятные, игры, будь то драма развода, трагедия одиночества или фарс пьяного застолья. В школе мы еще почти не видим далекого от совершенства мира взрослых людей с его страстями и конфликтами, с добротой и жестокостью, взаимными обидами близких людей и умением их забывать и прощать, а когда надо, и помнить. Но не видя всего этого, как научиться разбираться во всей многослойности человеческих отношений, их сложности? Как завтра самому войти в мир этих отношений, научиться их правильно строить?

Кесарю — кесарево. Вклад семьи в изучение физики или географии может быть нулевым. Доверим это школе. Она дает своему питомцу знания, воспитывает его политическую сознательность, чувство коллективизма, и мы и наши дети обязаны школе очень многим. Но как много в нас заложено семьей — в наших характерах, пристрастиях, привязанностях, вкусах, в том главном, что принято сейчас называть жизненной позицией. И как много не заложено, потому что родители наши — по занятости ли, по неведению ли — слишком уж положились на воспитательное могущество детского сада и школы. И задумаемся, не повторяем ли мы их ошибки с собственными детьми?

Ребенок воспитывается в общении со своими сверстниками, с учителями, и по продолжительности такое общение нередко превосходит его общение с родителями, другими членами своей семьи. Однако качество внутрисемейного общения совсем другое, оно имеет какую-то совершенно иную интенсивность — наверное, благодаря гораздо большей эмоциональной насыщенности, скажем проще, благодаря любви. Естественная исключительность, уникальность отношений со своими детьми, со своими родителями, отличающая их от любых других отношений,

придает им особую интимность, затрагивает внутреннее «я» и родителей, и детей гораздо глубже. Да и то простое обстоятельство, что родители связаны со своими детьми пожизненно, разве не делает их намного более заинтересованными в плодах воспитания?

В семье дети воспитываются в особой атмосфере, где любое слово переживается острее, любое зерно прорастает быстрее, где часы равны дням, а дни — месяцам. Эта атмосфера, этот невидимый воздух близости и делает семью первым домом всякого человека, а все остальные его дома — вторыми.

3.

С многими функциями семьи происходит то же, что с воспитанием детей. Из них выделяются более специализированные, технические, что ли, компоненты, то, что можно стандартизировать, поставить на конвейер. Эта часть функций уходит из семьи. Остается же нечто прямо противоположное — интимное, индивидуальное, неповторимое. Остается и получает возможность расцвета все то, из чего складывается личная жизнь человека.

Могут возразить: семья и в прошлом была основной формой организации личной жизни. Да, конечно. Но сама эта личная жизнь была неразвита, подавлена всеми условиями бытия людей, в том числе семейного, в рамках которого она занимала очень скромное место.

Личность и личная жизнь приобрели в нашем обществе совершенно новую ценность, и коренным образом обновилась отношения, связывающие людей в их личной жизни, — отношения между супругами, между мужчиной и женщиной вообще, между родителями и детьми. Отношения эти сделались несравненно более индивидуализированными, глубокими и свободными, чем прежде, стали занимать в жизни человека намного больше места. С этими отношениями — интимными, сокровенными — в огромной степени связывается представление об успехе в жизни, о реализации собственного «я», о том большом и важном, что никто не умеет определить, но все называют «счастьем». Мы оказались

обладателями — по крайней мере, потенциальными — бесценного богатства: собственной личной жизни, построенной нами самими. Семья же — новая семья — стала ее вместилищем, маленьким театром, на котором, как нигде, может раскрыться уникальность, неповторимость каждого из нас. Здесь постоянно воспроизводится беспредельное разнообразие культурных образцов, стилей поведения, индивидуальных характеров, пестрота интонаций, говорков, жестов. Здесь каждый — у себя дома.

Меньше всего я хотел бы, чтобы моя статья превратилась в апофеоз замкнутого семейного мирка, где отгородившийся глухими шторами от всего на свете и наплевавший на всех остальных человек из всех сил строит свою-пресвою личную жизнь. Высокое предназначение семьи видится мне в другом. Семья — частица общества, его сколок, малая капля среди миллионов таких же. Все капли сливаются в океан — и не различишь их там. Но стоит присмотреться, и мы увидим в каждой капельке свою жизнь, особую, непохожую ни на какую другую. И это уже не капля, а целый мир среди других суверенных миров. Вот это свойство — быть органической частью целого и в то же время сохранять неповторимую индивидуальность — и есть то самое ценное, что несет с собой обновление семьи — прямое следствие обновления общества. Чем сильнее развито гражданское самосознание каждого, тем лучше осознает он свое личное достоинство, тем с большим уважением относится и к своей личной жизни. При этом она вовсе не противостоит его гражданскому бытию, а превращается в один из источников силы и жизнеспособности общества.

— Вашими бы устами да мед пить! — слышу голос сомневающегося читателя. — Но посмотрите окрест. Разве вы не видите семей, у которых все сокровенное заключается в стремлении натащить в свое логово побольше полированных досок, хрусталя или дефицитных книг и притихнуть среди них? Разве не знаете вы, поборник семейного воспитания, как разрушителен для души ребенка дух стяжательства, жестокости или фальши, утвердившийся в иных с виду вполне

благополучных семьях? А ведь есть семьи и откровенно неблагополучные. И ежели семья так уж необходима человеку, то почему растет число разводов и миллионы семей рассыпаются на наших глазах?

4.

На то есть свои причины. Внутренние, заложенные в нас самих, в людях, из которых состоят семьи. А есть и такие, что связаны с внешними условиями жизни семей.

...Оратора, выступавшего перед переполненной аудиторией и говорившего о том, какая непростая вещь культура семейных отношений, внезапно оборвал выкрик из зала. «Неинтересно!» — прозвенел в тишине молодой женский голос, требовательный и капризный. Мне кажется, что в этом выкрике было нечто большее, чем просто выходка обойденной воспитанием девицы. Он продемонстрировал нам кое-что из тех сил, которые способны разрушать семью изнутри. Мы услышали голос одномерного существа, воспринимающего жизнь, только если она состоит из одних лишь развлекательных программ. Их оно ищет и в семейной жизни, а когда не находит, ему становится «неинтересно». И здесь уж ничего не попишешь: перед пассивным потребителем развлечений семья беззащитна.

Все так изменилось в нас и вокруг нас, что теперь семейная жизнь может быть интересной. Мы все это знаем, чувствуем, только такой жизни мы и хотим. И вот мы вступаем в семейную жизнь, как входят в зрительный зал, садимся в кресло и... Что, неинтересно? Так ведь и в обычном театре пассивный зритель может только скучать. А семья — такой театр, в котором мы не зрители, а действующие лица. От нас требуются воображение, самоотдача, артистизм, талант, если хотите, — тогда и будет интересно.

Кому многое дано, с того многое и спрашивается. Новый тип семьи позволяет сделать нашу личную жизнь богаче, насыщеннее, свободнее — список подобных эпитетов можно продолжать. Но одного привлекательного эпитета никак нельзя поместить в этот список: семейная жизнь не становится

проще. Сконцентрировавшись вокруг наших личных отношений, она сделалась особо тонкой материей, повысились ее сложность, хрупкость, уязвимость. Поэтому повысились и требования к людям, образующим семью, к их внутренней сложности, гибкости, многогранности. В общем, наш современник отвечает этим требованиям.

Жизнь сложного человека в сложной семье налаживается непросто. Новая семья исторически молода. Многим из нас приходится строить свои семейные отношения в условиях, в корне отличных от тех, какие мы знали детьми в семьях наших родителей. Чтобы выработался новый тип культуры семейных отношений, сформировалась и утвердилась соответствующая новому месту семьи в нашей жизни система ценностей, требуется время. А пока мы нередко думаем по старинке, что в семейных делах все идет само собой, — и оказываемся неподготовленными к их развитию, порой неожиданному и стремительному. Какие-то важные грани нашей личности остаются неразвитыми, и наши узость, плоскость, односторонность не позволяют нам взять от нашей семейной жизни то, что она способна нам дать. Вот и становится «неинтересно» в нашей собственной семье. И тогда с театров семейных действий начинают поступать неблагоприятные сводки.

5.

Не забудем, однако, что такие сводки имеют и внешние причины.

Среда, в которой существует семья, многомерна. Просто квартира, полученная ею в полное распоряжение, не только не решает всех проблем, но нередко создает новые. Ибо, едва освоив доставшиеся ей длину, ширину и высоту, семья сразу же с особой отчетливостью начинает ощущать свою стесненность в других измерениях.

Так же, как семье нужно жизненное пространство, так необходимо ей и жизненное время. Надо настойчиво искать пути увеличения фонда свободного времени, которым располагает семья, считать эту задачу первоочередной, когда

речь идет вообще об увеличении свободного времени — этого подлинного богатства общества.

Было бы, по-моему, правильно, если бы Госплан в своих наметках устойчиво ориентировался не только, скажем, на рост реальных доходов или жилищной обеспеченности семьи, но и обязательно на увеличение имеющегося в ее распоряжении свободного (но свободного не от собственных детей, а от станка или мелочей быта) времени. Здесь есть разные пути: и внедрение более совершенной домашней техники, и развитие прогрессивных форм торговли и бытового обслуживания, и многое другое. Но не обойтись без массового перехода к более гибким формам использования женского труда в общественном производстве и, видимо, без общего сокращения времени, отдаваемого каждой женщиной этому труду за всю жизнь.

Возможно ли это? Мы так часто слышим о нарастающей нехватке трудовых ресурсов — уместно ли в такой момент заводить разговор об отвлечении этих самых ресурсов от производства? Может быть, и неуместно, да что поделаешь. И потом у народного хозяйства в принципе есть путь преодоления трудностей, связанных с нехваткой рабочей силы: ресурс, которого не хватает, надо использовать бережливее и эффективнее. У семьи же, если говорить о главных ее функциях, этого пути нет. Экономия на необходимом общении, на заботе о близких, на материнской ласке не возмещается ничем.

Возвращенное семье время будет потеряно для производства, но не для общества. Ибо залог его жизнеспособности — в жизнеспособность семьи.

БРЕМЯ ВЫБОРА¹

Предсказывать трудно, особенно будущее. Как часто приходит на память это шутовское изречение! Предсказывать трудно...

Верно, сейчас в семьях рождается все меньше детей, и, как полагают некоторые демографы, они и не особенно нужны современному человеку или современной семье. Общество в целом — другое дело: если детей не будет или их будет слишком мало, оно начнет вымирать. Но отдельный человек или отдельная семья, показывает практика, вполне могут обходиться без детей или одним ребенком, который, естественно, не сможет заменить в будущем своих двоих родителей.

Если продолжить наметившуюся тенденцию в будущее, то можно, пожалуй, прийти к выводу, что дети в XXI в. и впрямь станут большой редкостью. Но за этим демографическим прогнозом просматривается некий более общий прогноз, вырисовывается определенный облик человека будущего — рационально мыслящего и действующего, утилитарно ориентированного, хорошо знающего, что ему нужно. Не видя в детях никакой практической пользы для себя, он, понятное дело, и не станет их рожать.

А если он будет другим, то каким? Быть может, рассудочное начало не разовьется в нем до такой степени? Естественный голос чувств, инстинкт материнства не дадут себя задуть, и самый расчетливый человек в каких-то случаях будет действовать, не отдавая себе отчета в рациональных основаниях своих поступков. Дети будут данью эмоциональной, нерационализируемой стороне его натуры.

Но ведь в человеке звучат и другие голоса. Почему расчет? Почему чувство? Ведь есть еще и долг. Быть может, человек будущего общества — это прежде всего человек долга, умеющий подчинять свои желания требованиям совести? Что из того, что дети не нужны лично ему, если они

¹ Литературная газета, 12 апреля 1978.

нужны всем? Он достаточно сознателен, чтобы понимать тождественность своих и общих интересов, и даст жизнь двоим или троем детям и воспитает их, хотя бы это и потребовало от него каких-либо жертв.

Три модели поведения, три разных доминирующих начала: разум, чувство, долг. Какое из них наиболее созвучно будущему? А может быть, ни одно из них? Или все вместе? Как заглянуть во времена наших детей и внуков, отделенных от нас непрозрачной толщей лет, можно ли их предвидеть?

От вчера к завтра

Предвидение — не пророчество. Предвидеть значит продолжить траекторию, ведущую из прошлого в настоящее. Нельзя предполагать, каким будет завтрашний человек, не поняв сегодняшнего, нельзя постичь сегодняшнего, не осознав его отличие от вчерашнего.

Почему проблема рождаемости вдруг приобрела такую остроту? Почему тысячелетиями детей рождалось столько, сколько нужно, — и это несмотря на тяжелую эксплуатацию, нищету, голод, войны, нашествия иноземцев, — а в нашем упорядоченном и благоустроенном мире их рождается меньше? Что изменилось?

Изменилось многое, и можно назвать массу перемен, которые могли и должны были вести к снижению рождаемости. Но все их объединяет один кардинальный сдвиг, произошедший отнюдь не только в демографической сфере. У людей появилась свобода выбора.

Человек прошлого жил в тисках железной необходимости. Бедность, низкая эффективность труда, зависимость от стихий, высокая смертность гнули его к земле, делали рабом природы, зависимым от других людей, собственных предрассудков. Формы и степени этого рабства могли быть различными, но даже у человека формально свободного — не раба и не крепостного — возможности выбора были ничтожными. Это в полной мере относится и к семейной жизни. По достижении определенного возраста он

вступал в нерасторжимый брак, его слово ничего или почти ничего не значило при выборе спутника жизни, и, уж конечно, он не мог сам решать, иметь или не иметь детей. В России аборт жестоко карался еще в начале нашего века.

Каждый человек рос в сознании своей несвободы и, до известной степени, был к ней внутренне подготовлен. Но если бы он и захотел отклониться от раз и навсегда проложенного пути, сделать это было бы очень трудно. Жизнь члена сельской общины или обитателя маленького городка текла на глазах у всех, его поведение подвергалось постоянной «цензуре». В итоге человек был освобожден от необходимости принимать самостоятельные решения, и в этом смысле его жизнь была намного легче, чем наша. Нетрудно впасть в идеализацию людей прошлого, начать завидовать их цельности. Они действительно были цельными натурами, им неведомы были колебания, ибо они не знали выбора.

До поры до времени отсутствие свободы выбора было объективно необходимым и не вызывало протеста. Более того, именно с ним в понимании современников связывалось идеальное устройство общества. Жители Города Солнца, о котором писал Кампанелла, считали, что «человек свободен», но они «подвергли бы смертной казни ту, которая из желания быть красивой начала бы румянить лицо», а кто из мужчин и женщин подходит друг другу, у них определяли начальники. Вот тебе и свобода! Идеал Кампанеллы понятен, он хочет, чтобы поведение каждого шло на пользу всем, но путь к достижению этого идеала лежит у него через ту же свойственную его эпохе унификацию и обязательность индивидуального поведения.

История же повела нас другим путем.

Историческое развитие налило силой мышцы людей, и цепи внешней необходимости начали распадаться одна за другой, у человека стала появляться свобода выбора, и сфера ее все время росла. В нашей социальной действительности уже не требуется, чтобы большинство людей гнуло спину на поле от зари до зари, чтобы большинство женщин на протяжении всей своей супружеской жизни непрерывно

беременело и рожало детей. В этом нет объективной необходимости, а потому и не требуется социальными нормами. Мы все более свободно выбираем себе область деятельности, место жительства, убеждения, образ жизни. В будущем возможности выбора необъятно расширятся.

И в полный рост встанет проблема, хорошо знакомая уже современному человеку: как сделать выбор? Проблема эта тем сложнее, чем сильнее этическая окраска принимаемого решения. Выбор профессии — пример почти технической задачи, ее «этическая составляющая» сравнительно невелика. Но вот, скажем, решения, принимаемые в сфере семейной жизни, могут приобретать очень сильное этическое звучание. Брак по любви или по расчету? Рождение ребенка со всеми вытекающими отсюда обязанностями или отказ от детей во имя сохранения свободы, пусть и самым лучшим образом используемой, — предположим, для духовного, творческого роста? Развод и вступление в новый, желанный брак или сохранение старой семьи во имя детей, во имя прошлых, хотя и угасших чувств? Подобные вопросы не могли встать перед человеком прежде, когда развод не допускался, аборт считался грехом, а любовь — легкомыслием.

А теперь они появились. На что опереться, делая выбор? На мораль? Но кто нравственнее — Татьяна Ларина с ее «другому отдана; я буду век ему верна» или Анна Каренина? Что дороже — ребенок или любимый человек? Если бы кто-нибудь знал ответы на эти вопросы! Опереться на долг? Но разве у человека один долг не может противоречить другому? Есть долг перед коллективом, долг перед семьей, долг перед самим собой, наконец. Они, конечно, могут согласовываться, но если бы так случалось всегда! «Никто, в наших письмах роясь, не понял до глубины, как мы вероломны, то есть — как сами себе верны», — писала Марина Цветаева. Как быть верным себе и не быть вероломным? Как сделать выбор?

«Страшным бременем» называет свободу выбора великий инквизитор в «Братьях Карамазовых». Посильно ли оно для человека, это бремя? Один из возможных ответов гласит: нет. Это ответ великого инквизитора, который видит для

человечества только один путь — назад, к прежней несвободе. Если его ответ верен, то человек будущего — это просто нечто вроде переиздания человека прошлого. А само будущее представляется в лучшем случае чем-то похожим на идеальный мир Кампанеллы: в нем нет ни голода, ни нищеты, ни вражды, ни частной собственности, а за тем, когда и у кого должны рождаться дети, надзирает специальное должностное лицо. С рождаемостью в таком мире, конечно, все будет в порядке, но наше сознание отказывается принять перспективу такого порядка.

И на то есть основания.

Силы или слабости?

Если бы люди по-прежнему не знали свободы выбора и жили, ориентируясь только на неизменную традицию и мнение соседа, то как бы пришли они к нашей сегодняшней действительности, проникнутой духом непрерывных перемен? Как могли бы они жить в огромных городах, где никто никого не знает? Человек изменялся и создавал новый мир. Мир изменялся и создавал нового человека, которому не нужны ни бдительное око односельчан, ни церковная исповедь. Нас не втиснешь в тесную скорлупу прошлого, «слишком много есть в каждом из нас неизвестных, играющих сил...» (Блок). Эти силы, наверное, жили в человеке всегда, но сейчас они небывало развились, усложнились, умножились, и мы даже иногда побаиваемся их. Порой мы склонны видеть в них нечто антисоциальное, разрушительное. Себялюбие, лень, жажда наслаждений — вот что, должно быть, играет в нас и что надлежит нам обуздывать во имя блага наших ближних и во имя достижения коллективных целей. Но разве только эти силы ощущаем мы в себе? Да это и не силы даже, это то, что принято называть противоположным словом — слабости человеческие. А силы?

Вот любовь. Хотя любовное влечение сопровождало человека всегда, понадобились столетия борьбы, чтобы получила признание социальная значимость любовного

чувства. Любви сегодня многое позволено — можно жениться по любви, и разводиться из-за любви, и любить друг друга, не вступая в брак. «Зверя выпустили на свободу, — слышим мы голос испуганного обывателя, — он покажет вам Содом и Гоморру, еще немного, и человечество погрязнет в свальном грехе...» В жизни можно найти примеры, подтверждающие этот ханжеский прогноз. Но в целом разве он верен? Могучий зверь горячо дышит рядом с нами и охраняет нас, он сила наша, а не слабость.

И что важно: это социальная сила, результат относительно недавнего исторического развития, она пришла на смену старым внешним регуляторам поведения. Да, любовное влечение было всегда. Но как оно переменялось, обогатилось, усложнилось! Растущая индивидуализация личности сопровождается огромным углублением внутреннего, интимного мира человека — мира, который если и существовал прежде, то у большинства людей лишь в неразвитых, зачаточных формах. Этот мир — наше великое богатство, и человек будущего немыслим для нас без насыщенной огромным эмоциональным и этическим содержанием области интимного, в которой концентрируются глубинные, наиболее индивидуальные черты его личности. Интимные переживания, в том числе и любовные, захватывают такого человека гораздо полнее, гораздо теснее связываются с его «Я». Где-то в глубинах этого «Я» эмоциональное начало, столь важное для любовного чувства, переплетается с интеллектуальным и нравственным началами, и из невидимого тигля выходит уже драгоценный сплав, одна из могучих «сил», движущих человеком.

Подчиняться этой силе нелегко. Отношения между мужчиной и женщиной, основанные на любви, сложны, требуют самоотречения, жертв. И сколько иллюзий, самообольщений, несбывшихся надежд! А чего стоят страдания неразделенной любви! Казалось бы, зачем все это жителю большого города, где ежедневно сталкиваются тысячи незнакомых людей, где мужчине и женщине так легко сойтись и разойтись? И сходятся, конечно, и расходятся. Но это ничего

не меняет в том факте, что любовь превратилась в огромную и всеобщую ценность, которую ни объехать, ни обойти. И существование ее обесценивает мимолетные связи или построенный на ложных основаниях брак, воспитывает человека и очищает его, дает ему идеал, эталон, ориентир. Современный брак — это брак по свободному выбору. Но мы жертвуем точностью и называем его браком по любви, указывая тем самым на главный критерий выбора, соглашаясь внутренне только с таким браком, который мотивирован жадой, ослеплением или истиной любви.

Завтра они станут всем

Не указывает ли «социальное возвышение» любви на некий более общий принцип детерминации поведения в условиях свободного выбора? Нельзя ли предположить, что подобным же образом возвысилась в нашей стране и родительская любовь, что и она стала универсальной ценностью, путеводной звездой, которая никогда не сходит с нашего небосвода и властно заставляет нас хотеть и иметь детей? Еще не договорив вопроса, слышу возражения. Разве родительская любовь — что-то новое? Дети всегда были самым дорогим сокровищем, бесценным благом. Скорее их ценность в глазах родителей сейчас упала, что и привело к снижению рождаемости.

Многие демографы, размышляя о падении рождаемости, сравнивают день нынешний с днем минувшим, в котором они находят всестороннюю заинтересованность родителей в том, чтобы детей было побольше, их безграничное чадолюбие и т.п. Факт высокой рождаемости в прошлом неоспорим, но не должно ли нас настораживать то, как часто она сочеталась с полным небрежением детьми, уже рожденными? Дети с самого раннего возраста были предоставлены самим себе, их огромная смертность мало кого волновала: бог дал — бог взял. Эмоциональная сторона отношения родителей к детям существовала, конечно, всегда, но она была крайне неразвита. Тяжелые условия жизни, подавленность личности, ее

растворенность в группе, жестокость нравов — все это не позволяло возникнуть глубокой эмоциональной связи между родителями и детьми, осознать ее как нечто внутреннее, как самоценный элемент индивидуальной человеческой судьбы. Забота о детях была сведена к минимуму, а отношения к ним были варварски примитивными. Историк Н. Костомаров писал об отношениях в семье XVI—XVII вв.: «Между родителями и детьми господствовал дух рабства, прикрытый ложною святостью патриархальных отношений... Покорность детей была более рабская, чем детская, и власть родителей над ними переходила в слепой деспотизм без нравственной силы». Дети существовали где-то на периферии семьи, были второстепенными частицами семейного механизма.

Прошло не так уж много времени, и все изменилось. Дети в новых социальных условиях оказались в центре семьи, превратились в ось, вокруг которой вращается вся семейная жизнь. Ответственность родителей за судьбу детей — за их жизнь, здоровье, образование, будущее — вышла на первый план. «Социальное возвышение» детей послужило толчком к развитию родительских чувств, к их романтизации, поведение, мотивированное интересами детей, стало частью этического кодекса. Эмоциональная сфера родительства и супружества, которой прежде отводилось третьестепенное, подчиненное, место, теперь оказывается центральной, получает громадную самостоятельную ценность. Социальные роли счастливых супругов и родителей все чаще рассматриваются как продолжение собственного «Я» человека, с ними связывается этически приемлемая оценка его жизненных успехов. И подобно тому, как социальное признание и возвышение любви привели к возникновению новой мотивационной основы брака, так социальное признание и возвышение родительских чувств создали новую мотивационную основу деторождения.

Речь, разумеется, идет вовсе не о достижении совершенной гармонии. Проблема выбора остается, и человеку будущего, как и нам сегодня, придется не без внутренних колебаний и противоречивых чувств решать

вопрос о том, дать жизнь еще одному ребенку или нет. Но историческое развитие создало новую силу, которой не было прежде и которая раньше не была нужна. Эта сила глубоко социальна, она потому и возникла, что старые внешние побуждения к родительству изжили себя и понадобились новые, внутренние. Она не дикий зверь эгоизма, из-за которого смысл общих интересов перестает быть внятным человеку. Но и не классная дама нашего «Я», готовая любой ценой обуздать его дурные наклонности. Нет, она голос нашей жизни во всей ее полноте, выражение того главного, важного, истинного, что есть в этой жизни, что окружает нас, лепя и воспитывая, и без чего мы не можем быть ни свободны, ни счастливы.

Мы способны смотреть на будущее только нашими сегодняшними глазами, может быть, и ошибаясь при этом. Предсказывать, как уже говорилось, трудно. Велик ли риск утверждать, что признано: ценности детей, детства, родительских чувств, столь важные для настоящего, не противопоказаны и будущему? Я думаю, что можно рискнуть. Если мы правильно видим современную линию развития, то естественно предположить, что эта ценность может только укрепиться, ее место на шкале ценностей человека будущего только повыситься.

А значит, у наших потомков будут могучие и властные побуждения иметь детей — свое продолжение на земле.

УДК 314.015(08)

ББК 60.7 В55

В55

Издание осуществлено в рамках Инновационной образовательной программы ГУ ВШЭ «Формирование системы аналитических компетенций для инноваций в бизнесе и государственном управлении»

Вишневский, А. Г. Россия перед демографическим выбором: выступления и интервью [Текст] ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. — 299, [1] с. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0504-5 (в пер.).

В книге публикуются выступления и интервью известного российского демографа А.Г. Вишневского, посвященные актуальным вопросам демографического развития России, опубликованные в 1990-х — 2000-х гг., а также статьи, посвященные дискуссиям по вопросам семьи, семейной и демографической политики, проходившим в советское время.

Для широкого круга читателей; может быть использована студентами при изучении демографии и смежных дисциплин.

Зав. редакцией *О. А. Шестопалова* Редактор *Г.В. Кораблева*
Художественный редактор *А.М. Павлов* Компьютерная верстка и
графика: *Н.А. Веселова* Корректор *Л.А. Серавкина*

Подписано в печать 09.11.2007. Формат 60x88 ¹/₁₆. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 18,19. Уч.-изд. л. 17,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 7655. Изд. № 769.

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3 Тел./факс:
(495) 772-95-71

[OCR by Palek](#)

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных диапозитивов в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ», 140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403 при содействии ООО «МАКС Пресс» 105066, г. Москва, Елоховский пр., д. 3, стр. 2.
Тел.: 939-38-90, 939-38-93. Телефакс: 939-38-91.

ISBN 978-5-7598-0504-5

© Вишневский А. Г., 2007

© Оформление. Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007

Анатолий Григорьевич Вишневский

Доктор экономических наук, действительный член Российской академии естественных наук, директор Центра демографии ГУ ВШЭ, руководитель Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Главный редактор информационного бюллетеня «Население и общество» и электронной газеты «Демоскоп Weekly», руководитель авторского

коллектива ежегодных демографических докладов «Население России». Ведущий специалист в области демографии.

Сфера профессиональных интересов: демографическая и социальная модернизация, демографический переход в бывшем СССР и в мире, социальные последствия демографических изменений, эволюция семьи и семейная политика, демографический анализ, историческая демография.

Автор книг «Избранные демографические труды» (в 2 т.; М.: Наука, 2005), «Демографическая модернизация России, 1900—2000» (ред.; М.: Новое издательство, 2006), «Русский или прусский? Размышления переходного времени» (М.; Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005) и др., а также более 300 научных работ, опубликованных на русском и европейских языках. Часто выступает в массовой печати.